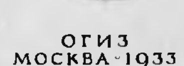
T. LUCRETII CARI

DE RERUM NATURA

LIBRI SEX

ОГИЗ
МОСКВА · 1933

ЦС СВБ СССР И ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ КОМАКАДЕМИИ

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

ПЕРЕВОД
И. РАЧИНСКОГО
ПРЕДИСЛОВИЕ
В. ВАНДЕКА и В. ТИМОСКО
ПРИМЕЧАНИЯ
А. РАНОВИЧА и
В. СЕРЕЖНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Супер-обложка, переплет, форзац,
титульные листы, заставки,
буквицы, концовки
работы художника
А. А. Ушина

*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Перевод поэмы Лукреция представляет большие трудности — речь идет не только о том, чтобы правильно передать мысль и ход рассуждений автора, но и о том, чтобы по возможности сохранить поэтическую форму, в которую сумел облечь свой философский трактат Лукреций. Поэтому издательство предпочло дать вместо точного, но прозаического перевода — старый стихотворный перевод И. Рачинского, который при некоторой неуклюжести отдельных стихов все же в общем дает представление о Лукреции не только как о философе, но и как о поэте. Несколько архаичный стиль Рачинского также соответствует оригиналу, так как Лукреций и сам применяет архаические обороты; гениальный набросок своей поэмы Лукреций сделал в то время, когда литературный, „цицероновский“ латинский язык еще только вырабатывался, и Лукреций не раз отмечает затруднения, которые он испытывает из-за скудости и бедности латинского языка.

В переводе Рачинского попадаются ошибки и неточности, являющиеся отчасти результатом неправильного понимания трудного местами текста Лукреция. Но наряду с такими „добросовестными“ ошибками попадаются и намеренные искажения. Рачинский был членом президиума „Религиозно-философского общества“, объединявшего богостроителей, богоискателей и просто попов. Само собой разумеется, что воинствующий атеизм Лукреция не мог быть по душе Рачинскому. Поэтому вряд ли можно считать случайной ошибкой, когда стих Лукреция (I 150 „ничто не возникает когда-либо из ничего по воле богов“ Рачинский „исправляет“: „даже волей богов“; для Лукреция „по воле богов“ равнозначно „из ничего“; по Рачинскому выходит, что воля богов нечто очень могущественное. Или стих II 180 (= V 199), где мысль Лукреция, что мир отнюдь не богами создан и не для людей, в переводе Рачинского звучит так, что мир создан не для людей, но божественной волей.

Чтобы не ломать стихов, редакция оставила в тексте перевод Рачинского неизмененным, но в каждом отдельном случае дает пе-

обходимые исправления в примечаниях позади текста, и читателю необходимо всякий раз принять во внимание эти примечания для правильного понимания текста.

Перевод дважды сличен с подлинником тт. А. Кубицким, А. Рановичем и В. Сережниковым.

Общее наблюдение за изданием имел т. А. Т. Лукачевский, давший ряд ценных указаний.

*

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Диалектический материализм представляет собою цельное мировоззрение, единственно научный метод и является наивысшим достижением человеческого познания как в области общественных наук, так и в области естествознания. „Новейшие открытия естествознания, — пишет Ленин, — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм“.

Диалектический материализм, опираясь на прочный фундамент человеческих знаний, являясь высшей ступенью развития материалистической философии, неразрывно связан с предшествующим развитием человеческой мысли: „Все то, что было создано человеческим обществом, — пишет Ленин, — Маркс переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли“ [1].

Основоположники диалектического материализма, критически переработав и использовав все то лучшее, что было достигнуто прежней наукой, философией, дали принципиально новое учение. „Маркс, — говорит Ленин, — не остановился на материализме XVIII в., а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — диалектика“. И дальше Ленин пишет: „философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности“ [2].

В эпоху империализма и пролетарской революции Ленин поднял диалектический материализм — это великое орудие познания и измене-

---

[1] *Ленин — Собр. соч., изд. 2-е, т. XXV, стр. 387.*

[2] *Ленин — Маркс — Энгельс — марксизм, изд. 1925 г., стр. 42—43.*

ния действительности — на новую, высшую ступень. Гениальный ученик и соратник Ленина т. Сталин дает дальнейшую разработку диалектического материализма.

Но, прежде чем получить такое законченное выражение, как диалектический материализм, философский материализм в своем историческом развитии претерпел различные изменения. Философский материализм так же, как и отдельные науки, имеет за собою длинную историю развития. В „Людвиге Фейербахе“ Энгельс пишет: „Материализм, подобно идеализму, прошел различные ступени развития. Ему приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании“.

Самые первые попытки материалистического объяснения мира в истории европейской мысли мы имели в древней Греции. Именно с этих материалистических попыток и начинается история европейской философии и науки. Древнегреческая материалистическая философия зарождается в период разложения натурального хозяйства и развития ростовщического капитала. Материалистическая философия развивалась в классовой борьбе торгового капитала со старой землевладельческой знатью. Скопление ростовщического и торгового капитала в руках торговцев повышает их удельный вес в общественной жизни. Рельефнее выступает беспечная и роскошная жизнь господствующей аристократии. Распущенность милетян вошла даже в поговорку: „Некогда и милетяне были мужественны и сильны“[1]. Происходит ожесточенная классовая эксплоатация неимущих классов.

Организация производства, торговля, морские путешествия, необходимость распознавать страны света по звездам для целей мореплавания и т. д. толкали древнегреческую мысль на изучение явлений природы.

Материалистическая философия зарождается прежде всего в ионийских колониях, в частности в Милете, в богатой купеческой колонии, являвшейся узлом торговых путей между Грецией и Востоком и центром морской торговли.

Милет, „жемчужина Ионии“ (Геродот, V 28), еще „в VII столетии отбил натиск лидийцев, которые покорили другие греческие города в Малой Азии. Начиная с VIII до VI ст. милетцы с другими греками заселяют область Мраморного и Черного морей“[2].

Важнейшими представителями философии этого периода — „наивными материалистами“ — являются: Фалес, Анаксимандр и Анаксимен, ищущие единое первичное вещество, из которого состоят все вещи.

---

[1] *Тюменев — Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I, стр. 52.*

[2] *Нейрат — История античного хозяйства, 1924, стр. 26.*

Для одних таким первовеществом, или первоматерией, была вода, для других воздух и т. д.

Свое дальнейшее развитие ионийский материализм получил в учении Гераклита, создателя древнегреческой диалектики, и Демокрита, создателя атомистической школы. Атомистическая теория Демокрита получила свою популяризацию и дальнейшее развитие в учении Эпикура.

Одновременно с философией Демокрита в древней Греции начинается развитие идеализма, получившего свой пышный расцвет в учении Платона об идеях как высшей реальности.

В дальнейшем развитие материалистической мысли имеем в Риме в поэтическом произведении Тита Лукреция Кара.

II

Тит Лукреций Кар — гениальный римский поэт-философ материалист эпохи I в. до нашей эры. В его поэме „О природе вещей" в художественной форме изложены основы атомистической философии древнего мира.

Лукреций является одним из блестящих представителей механистического материализма. В области философской мысли древнегреческие материалисты выдвинули проблемы, оказавшие громадное влияние на дальнейшее развитие материалистической философии.

В древнем мире между философией и естественными науками существовала тесная, органическая связь, и это является одним из ценных качеств древней философии. Другим ценным качеством ее является ее диалектичность в противовес той метафизичности, которой преимущественно характеризуется философия последующего периода. Метафизика XVII и XVIII ст. „заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего". Правда, диалектическое мышление в древней философии „выступает еще в первобытной простоте". Природа рассматривается „в общем и целом". „Всеобщая связь явлений в мире не доказывается в подробностях: она является результатом непосредственного созерцания". Это несомненно недостаток древней философии. „Но в этом же, — пишет Энгельс, — заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом" [1].

Произведение Лукреция „О природе вещей" является итогом научных достижений его эпохи. Фактически этим произведением замыкается развитие материалистической философии древнего мира.

[1] *Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 129.*

С возникновением и развитием христианства начинается период схоластической философии как служанки теологии.

О жизни и деятельности Лукреция ничего неизвестно, кроме того, что родился он приблизительно в 99 г. и умер в 55 г. до начала христианского летоисчисления. Предание гласит, что Лукреций вследствие того, что пил „любовный напиток", становился сумасшедшим и в моменты прояснения сознания написал поэму „О природе вещей", что он был эпикурейцем и безбожником и на 44 г. своей жизни покончил самоубийством.

Насколько правдоподобны все эти сведения, проверить трудно. Но все источники сходятся на том, что он принадлежал к общественной группе всадников. Это последнее утверждение о его принадлежности к сословию-классу всадников для нас становится очень важным в том смысле, что проливает много света на общественное содержание его идеологического творчества.

I в. до нашей эры открывается напряженной борьбой классов — рабов и рабовладельцев. Эта борьба во многих случаях перерастала в открытое восстание рабов. Достаточно указать на два знаменитых сицилийских восстания рабов в начале I в., затем восстание на юге Италии и грандиозное восстание Спартака в 70-х годах, охватившее собою всю Италию с юга до севера.

Количество рабов росло не только вследствие привоза их в Италию, но и вследствие пролетаризации мелких крестьян, особенно на юге Италии. Эта пролетаризация росла по мере усиления роли торгового капитала, вытеснявшего зерновые культуры более рентабельными культурами оливы и винограда. Разрушая хозяйство мелких крестьян, этот допотопный, по выражению Маркса, торговый капитал нередко превращал их в рабов. Естественно, что сословие всадников было на передовой линии этой разрушительной работы.

В эпоху Лукреция начинается второй период римских завоеваний, усиление политики торгового, вернее ростовщического капитала.

Все это выдвигало класс всадников по его социально-экономической роли на передний план. Выступление класса всадников как фактора в политической жизни Рима относится еще ко II в. до нашего летосчисления. Известно, что уже Тиберий Гракх в своей борьбе против аристократии (сената) пытался опереться на класс всадников [1].

---

[1] *Отметим важнейшие из его законов, которыми он думал привлечь к себе этот класс. Дорожный закон (lex viaria) о проведении хорошей дороги по Италии для удобного сношения и торговли. Судебный закон (lex judiciaria), согласно которому в число судей, которые прежде состояли исключительно из аристократов (сенаторов), должны были включаться и всадники в равном количестве с аристократией.*

Стремление этого образовывающегося сословия-класса всадников римский поэт Гораций выражает в следующих словах: „О граждане, сначала нужно добиться богатства, а потом добродетели". И действительно, сословие всадников „сначала сосредоточивало в своих руках денежное богатство, а затем принялось скупать земли: последствием этого было то, что, разрушая основу политического строя, люди этого сословия создали верховенство денег перед происхождением, преобразовали политико-экономический строй государства" [1].

Идеологическим выразителем политически восходящего класса всадников — представителей торгового капитала, боровшихся за раздел власти с патрициями, с их аристократическими устоями, освящавшимися религией, является материалистическо-атеистическая философия Лукреция.

Вся поэма Лукреция построена на критике религии, и эта развернутая критика превращается в широкую антирелигиозную пропаганду. Одна из характерных особенностей, отличающая систему Лукреция от эпикуровской, между прочим заключается и в том, что в спокойной и тяжеловесной рефлексии Эпикура чувствуется представитель класса, отходящего от общественной арены или во всяком случае не наступающего и не завладевающего этой ареной. Характерно известное выражение Эпикура, являющееся как бы его основным правилом жизни: „не принимать никакого участия в общественно-политической жизни", а в лице Лукреция чувствуется тот класс, который как-раз принимает активное участие в политической борьбе. Ведь известно, что религия и государство в Риме особенно тесно срастались, и уже тогда один из современников Лукреция общественный деятель Варрон подчеркивал, что римская религия — это государственное учреждение. Таким образом, выступление Лукреция против религии и по существу и по форме являлось политическим выступлением, и нет никакого основания считать его, как это делают многие исследователи, беспартийным и аполитичным поэтом. Это последнее утверждение опровергает также и буржуазный историк Рима Теодор Моммсен.

С другой стороны, естественные науки в это время достигают значительных успехов.

М. Порций Катон и М. Теренций Варрон производят ряд исследований в области физики, в частности о теплоте. Фронтин делает практически важное открытие, что количество вытекающей из отверстия сосуда воды находится в зависимости от высоты давления. Асклепиад Прузский (умер в 96 г.) основывает врачебную школу в Риме и разделяет болезни на острые и хронические. Считают, что он открыл трахеотомию [2]. Посейдонис (100 г. до начала нашей эры) дает общую

[1] *Сальвиоли — Капитализм в античном мире, стр. 42.*

[2] *Даннеман — История естествознания, Медгиз 1932, стр. 216.*

основу метеорологии, которая имеет значение для последующего времени. Он же производит измерение земли и дает монографию об океане, в которой излагает учение о приливе и отливе. Далее римский проконсул Сергиус Ората (100 г. до нашей эры) устраивает для искусственного выращивания устриц первые устричные бассейны в Байской бухте. Марк Тулий Тирон (63 г.) изобретает римскую стенографию, которая употреблялась до времен Каролингов. А Марк Теренций Варрон вводит новое исчисление времени (варронская эра). Он же является предшественником предложенной Пленсизом (1762 г.) теории возникновения инфекционных заболеваний через микроорганизмы. Кай Юлий Цезарь вводит новый, до сих пор известный под его именем календарь, который устанавливает високосные годы в 366 дней после каждых трех нормальных лет в 365 дней. Децим Юний Брут (40 г.) впервые организует регулярную голубиную почту. А. Антоний Муза основывает гидротерапию. Витрувий описывает под именем „Тимпаниум“ водоподъемную машину, в которой вращение барабана осуществляется посредством рабочего колеса, приводимого в движение людьми. Эта машина становится образцом для некоторых конструкций нового времени (Лафай 1717 г., Ларонс 1788 г., Каре 1856 г.). Тот же Витрувий описывает зерновую мельницу, приводимую в движение подливными водяными колесами. Ему известен был удельный вес ртути и закон сообщающихся сосудов [1].

На фоне естественнонаучного развития выступает материалистическая философия Лукреция. Его учение, несмотря на большие теоретические недостатки и целый ряд наивных утверждений о природе вещей и явлений, было тогда в состоянии благодаря своей материалистической установке содействовать освобождению умов от религиозных и иных предрассудков, и именно в этом заключается его высокое историческое значение.

Из всех философов древнего Рима самым замечательным и самым оригинальным был именно Лукреций. Его материалистическая философия выросла на основе всех научных и философских достижений его времени. Он со всей силой своего поэтического дара излагает систему Эпикура, внеся те изменения, которые естественно вызывались его эпохой и достижениями тогдашней научной мысли.

Облекать в форму поэзии научные взгляды в то время было не редкостью. Отметим, что еще до Лукреция Манилий и Германик пробовали изложить свои астрономические взгляды в дидактической поэме. Мы не говорим уже о том, что и многие из греческих философов свои учения облекали в стихотворную форму. Даже новое время не чуждо этому. Такого рода попытки мы находим у Джордано

---

[1] *Darmstadter — Nandbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und Technik, 1908, стр. 28.*

Бруно (достаточно упомянуть его известную дидактическую поэму „De universo et mundis“). Натуралист-философ Эразм в блестящей поэтической форме излагает идеи теории развития. Всем известно стихотворение гениального поэта-натуралиста Гете „Метаморфоза растений“.

Лукреций сам объясняет, почему он пишет стихами. Так как научное знание трудно воспринимается, то он желает посредством поэзии облегчить его распространение. Очень образно он сравнивает прививку научного знания с лечением врача. Когда врач предлагает детям лекарство, то

„...Сперва по краям свою чашу
Сладкою влагой янтарного меда немного он мажет,
Чтоб услаждением губ их неопытный детский рассудок
Ввесть в заблуждение. Так без труда поглощают ребята
Горький полынный настой, и подобный обман не вредит им, —
Наоборот, еще более восстановляет здоровье.
Так же и я поступаю. Мое рассужденье для многих
Непосвященным покажется скучным, толпа отвернется
Вся от него, и я задался целью ученье это
В сладких и звучных стихах Пиэрид изложить пред тобою
И, так сказать, его сдобрить поэзии сладостным медом“.

Вопреки современным „утонченным эстетам“ уже Лукреций находит, что задачей поэзии является служение жизни в качестве одного из путей познания и овладения действительностью.

Основное сочинение Лукреция „О природе вещей“ сохранилось целиком. О других его творениях мы ничего не знаем. Но и эта поэма не разработана с одинаковой тщательностью во всех ее частях. У Лукреция часто встречается повторение основных положений и мыслей. Повторяются даже целые строфы — либо с небольшими изменениями, либо даже в неизмененном виде. Многие исследователи это объясняют исключительно необработанностью поэмы, и некоторые даже полагают, что перед нами соединение черновика и отдельных не оформленных отрывков. Надо думать, что это утверждение не совсем верно. Частые повторения тех или других мыслей являются обычным явлением в древней литературе и имеют под собою ту психологическую предпосылку, что такие строфы своей острой формулировкой и многократным повторением особенно сильно влияют на читателя и он невольно усваивает основные мысли автора. Обычно эти мысли облечены в очень красочные и звучные формы. Все это применимо к поэме Лукреция. Исследователь Лукреция Бригер в предисловии к тексту Лукреция сравнивает эти повторения с золотым бантиком, который, украшая, пронизывает всю поэму и связывает между собою отдельные части [1].

[1] *Lucretii Cari. 1909. Prolegomena.*

В нашу задачу не входит разбор поэмы с литературной стороны. Мы отметим только, что язык Лукреция красочен и богат, даже если сравнить его с позднейшими поэтами Рима — с Виргилием, Овидием. Правда, по сравнению с последними он может показаться грубым и тяжеловесным. Но не надо забывать, что философско-научное содержание поэмы не так легко облечь в поэтическую форму.

Поэма „О природе вещей" поражает разносторонностью охвата и рассмотрения всех областей научного знания. Лукреций выступает как философ, политик, ученый. Поэма состоит из 6 книг. Общее содержание их следующее. Первая и вторая книги обнимают учение о вечности и безграничности вселенной, учение об атомах и их свойствах, учение о вечности и порядке движения. Книги третья и четвертая трактуют о единстве души и тела и о чувственных восприятиях, т. е. теории познания. Книги пятая и шестая говорят о мире как целом и об отдельных вещах и явлениях природы и животного мира, человека, возникновении религии, общественной жизни и государства.

Свою поэму Лукреций начинает обращением к богине любви Венере. Никакого религиозного содержания в этом обращении нет: это чисто литературный прием, формальная дань своему времени.

В дальнейшем в поэме развертывается его атомистическое учение, которое в основном является изложением системы Демокрита — Эпикура. Маркс пишет: „У Лукреция, который вообще из всех древних один только постиг эпикурейскую физику, мы найдем более глубокое изложение ее" [1]. Сам Лукреций подчеркивает, что он — последователь Эпикура, и обращается к нему со следующими словами: „Вслед за тобою иду и шаги свои сообразую с теми следами, что раньше стопы твои напечатлели. Не состязаться с тобой я хочу, но тебе с восхищением следовать только дерзаю".

Эпоха Лукреция вносит в древний атомизм изменения в том направлении, что многие положения, которые у Эпикура явились просто постулатами и абстракциями, у Лукреция получают известную конкретизацию, доказательство.

III

К основным проблемам философии Лукреция относятся проблемы объективной реальности и теории познания. Основанием атомистического материализма Лукреция и всей аргументации в его защиту служит тот тезис, что „ничто не возникает когда-либо из ничего по воле богов". Всякое осуществление и всякое возникновение необходимо предполагает возникновение из чего-либо, из материи, а допущение противоположного утверждения неизбежно ведет к абсурду.

Исходя из этого, Лукреций ищет основное начало мира, то,

---

[1] *Маркс и Энгельс — Собр. соч., т. I, стр. 43.*

из чего все возникает, и он не сомневается в том, что это начало он откроет: „открою вещей основное начало, коим все зиждется, крепнет, растет и плодится в природе, также — во что претворяет природа все вещи по смерти“. Лукреций полагает, что, несмотря на наблюдаемые нами изменчивость и распад, несмотря на всю смену вещей и явлений внешнего мира, все-таки должно остаться нечто, что является неизменным и неуничтожаемым, иначе невозможно будет ни образование миров, ни его объяснение.

Этим нечто, вечно остающимся неизменным в природе, сущностью и основным началом природы, по Лукрецию, является некая первичная материя, или первичные тельца, как он ее называет: „материя частью является в виде первичных телец, а частью собранье телец таких представляет“.

Все вещи по Лукрецию преходящи. В природе все изменяется, возникает, распадается, вновь создается, за одним состоянием следует другое. В круговороте материи природа меняется, но в этом изменении „не пропадает бесследно ничто“. Все вещи по своем разложении снова возвращаются в лоно первичной материи. „Мир не коснеет в одном положении. Все — преходяще. Все изменяет природу, и все к превращенью стремится. Тлеет одно и от дряхлости чахнет, тогда как другое, наоборот, возрастает и выйти из мрака стремится“.

Отсюда с полной очевидностью вытекает, что положение Лукреция о вечной, неуничтожаемой материи связывается с догадкой о законе сохранения энергии. Вопрос о вечной, неуничтожаемой материи — одна из основных мыслей Лукреция, и доказательство этого положения красной нитью пронизывает все его учение.

Из вечной, неуничтожаемой материи образуются постоянно миры. Все возвращается в первоначальную материю. Одни вещи возникают из других: „возрождает природа одно из другого“. Лукреций решительно отметает возражение, что первичные тельца, или атомы, не существуют, так как, мол, мы их не видим. По Лукрецию, хотя первичные тельца и недоступны для самого острого зрения, это не должно питать недоверия к тому, что „бывают они несомненно в предметах даже тогда, когда глаз никакой их не может заметить“. Он указывает, что ветер тоже „есть тело невидное глазу“, а между тем он „океаны и землю и тучи на небе сметает... С грохотом сильным удар он наносит и в волны кидает камни огромные, все по дороге своей сокрушая“.

Доказательством существования материи является по Лукрецию восприятие воздействующих на наши чувства тел: „Что существуют тела, говорит нам обычное чувство“.

При обосновании атомистического учения о материи Лукреций попутно подвергает подробной критике учение греческих натурфилософов о материи, и в частности учение Анаксагора о „гомойомериях“.

Представители древнегреческого материализма за основу всех вещей как первовещества брали: Фалес — воду, Анаксимандр „апейрон“ — беспредельное и неопределенное вещество как материальное начало мира, Анаксимен — воздух, Анаксагор — „гомойомерии“.

Лукреций выступает против этих представлений. Он считает чрезвычайно далекими от правды взгляды тех (напр. „мужа Гераклита“), которые „огонь почитали производящей материей и из огня выводили весь существующий мир“. Лукреций, возражая Гераклиту, считает, что от разреженья огня и сгущенья его не могут возникнуть различные вещи, ибо „части огня по природе однообразны и сходны с огнем вообще в его целом“ и „если б природа вселенной в себе лишь огонь заключала, то прибавляй, убавляй что угодно, а также телец порядок меняй, — ничего получиться не может: то, что огнем рождено, лишь огнем и должно оставаться“.

Возражает Лукреций и тем, кто за основу образования всех вещей, началом творенья считают воздух, воду, двойное начало — сочетание воздуха с водой, воды с землей, и тем, „кто, наконец из стихий четырех этих мир образует, то-есть из пламени, влаги, земли и воздушных течений“.

В основу своих возражений Лукреций выставляет следующие положения: во-первых, что эти взгляды исключают пустоту из предметов; во-вторых, „конечных пределов в делимости тела не допускают они и не ставят границы дробленью; тела наименьшего также в вещах признавать не желают“; в-третьих, поскольку первичные тельца вещей, по этим взглядам, „мягки, а, значит, являют позднейшее происхожденье и состоят из материи хрупкой, подверженной смерти, а потому обратиться в ничто вся природа должна бы и сотворенный в ничтожестве мир разрастался бы снова“; в-четвертых, при двух и более основных началах вещей имелась бы вражда этих начал, и они служили бы „ядом друг другу; сошедшись, они бы погибли от тренья или же врозь разметались“, в-пятых — „почему же стихии началом вещей всех зовутся, а не зовутся все вещи началом, родившим стихии?“

Не согласен Лукреций и с Анаксагором, выставляющим в качестве основы всех вещей — „гомойомерии“ — слишком хрупкие первичные тельца, не могущие сохраниться при „натиске сильном“, отрицающим, что „пустота существует в предметах, так же как то, что дробление тела имеет границы“.

Утверждение Анаксагора о разложении и исчезновении первичных веществ Лукреций считает абсурдом. Приняв это утверждение, по Лукрецию, неминуемо следует прийти к положению, что мир возникает из ничего. Другое утверждение Анаксагора, что все состоит из всего и только преобладание того или иного вещества определяет характер вещи и благодаря только этому количественному преоблада-

нию мы отличаем ту или иную вещь, вызывает следующее возражение со стороны Лукреция: „В этом случае злаки, которые жернов тяжелый крошит на мелкие части, нередко б на нем оставляли признаки крови и прочего, что наше тело питает, и потекли б капли крови при трении камня о камень"... „Если б готовое пламя таилось в лесах постоянно, верь, ни в какое бы время оно не могло укрываться, но охватило бы все и сожгло бы сады и дубравы". Продолжая свою аргументацию, он говорит, что и мельчайшие тельца могли бы хохотать, сотрясаясь от смеха, если бы все состояло из всего.

По учению Лукреция, первичные тельца, зачатки предметов — атомы обладают плотностью, они вечны и неразрушимы — „материя, что состоит лишь из плотного тела, может быть вечной, а прочее все подлежит разложенью"; неделимы — „ныне мы знаем уже, что пределы делимости тела прочно поставлены"; даже огонь (наиболее разрушительная сила по мнению древних) разрушить их не может: „Тельца первичные влаги совсем не приемлют, и холод не проникает сквозь них, и огонь их разрушить не может". Эти тельца, или атомы, внутренне однородны и различаются лишь с внешней стороны: они разнятся лишь по величине, местоположению, фигуре и количеству в их соединении.

Что эти тельца, или атомы, разнятся между собою, Лукреций доказывает тем, что первичные тельца вызывают и различные восприятия. Лукреций пишет: „Вследствие всех этих данных должны различатся по форме тельца первичные, кои столь разные чувства в нас будят".

Являясь механистическим материалистом, Лукреций противопоставляет теологическому, „божественному", объяснению возникновения мира и всех вещей абстрактный детерминизм. По Лукрецию атомы различны и многообразны (круглы, шероховаты и т. д.) не потому, что созданы кем-либо, а они изначально таковы, они изначально обладают этим различием. Всякая вещь представляет собою, по выражению Лукреция, комбинацию таких атомов. Все вещи в мире состоят из атомов, сцепленных друг с другом. „Сходные между собою по роду теснятся друг к дружке, чтобы, сплотясь воедино, наполнить природу вещами", но каждая вещь имеет различное сцепление: „все сцепленья частиц меж собою различны". Очевидно, по его мнению этим надо объяснить изменчивость вещей и процессов. Жизнь — это определенный характер связи телец, а смерть — это разложение связи между тельцами. „Смерть, разрушая все вещи, однакоже не убивает телец первичных; она разлагает лишь связи меж ними".

Всякое явление — это результат вечного повторения одной и той же материи, а различные качества вещей и многообразие бытия — все это зависит от различного распорядка частиц. „Изменяя свое

положенье, также природу меняют они". В тесной связи с этим находится определение Лукрецием свойств и явлений. Свойства представляются ему как бы химическо-органической структурой вещи: „Свойством мы то называем, что без разрушения вещи отнятым быть у нее и само отделиться не может. В камнях примерно их вес; теплота у огня; у напитка влажность; у тел осязаемость их; у пустого пространства неосязаемость".

Явление же им понимается метафизически: „Рабство, напротив, свобода, богатство, бедность, война, примиренье и прочие вещи такие — есть ли они или нет их — природу совсем не меняют. Все эти вещи явленьями правильно мы называем".

Вечный круговорот вещей, по Лукрецию, происходит благодаря соединению и разъединению первичных вещественных элементов. Многообразие мира, разнообразие вещей и явлений есть следствие соединения и распада этих вечных и неделимых атомов. Лукреций пишет: „Должен добавить я: как бы материя разных составов ни была сплочена, все же способна она размягчаться и, подвергаясь влиянию силы какой-нибудь, может стать чем угодно нам: воздухом, паром, водой и землею".

Из всего сказанного мы видим, что Лукреций твердо стоит за признание существования объективного, независимого от нашего сознания материального мира. Природа, по Лукрецию, „собственной силой мощна и от нас не зависит нисколько".

Лукреций признает также объективность пространства („действия все, совершенные в прошлом, могут быть названы лишь проявленьем вещей и пространства") и времени („Время же не существует само по себе, но в предметах. Мы его чувствуем все, когда в прошлом случилось что-либо, ныне ли что происходит, иль в будущем следовать будет. И никого еще не было, кто бы рассматривал время вне его связи с движением тел и их сладким покоем").

Признавая внешний материальный мир, вечный круговорот всех вещей и процессов в силу соединения и разъединения первичных материальных элементов, Лукреций подходит к вопросу о выяснении вечных законов, по которым происходит образование миров и вещей, ибо, по Лукрецию, „невозможно ничто без порядка вещей основного".

Лукреций постоянно подчеркивает, что в природе господствует железная необходимость. Все в мире детерминировано. Все изменения и превращения в природе, переход от одного состояния в другое, по Лукрецию, происходят на основе движения. Он стоит на точке зрения механического движения. Он, как и Демокрит и Эпикур, исходит из метафизического допущения, что первичные тельца находятся в движении в пустом пространстве.

По Лукрецию, было бы ошибкой полагать, что кроме вещества ничего не существует, ибо в таком случае возникновение миров

и их уничтожение было бы невозможно. Основным условием образования природы и ее проявлений, по Лукрецию, является единство двух начал: материи и ее отрицания, т. е. пустоты. Взаимная связь этих двух начал и составляет все содержание мира. Только благодаря пустоте возможно движение и всякое новообразование: „без пустоты же в природе не только отнята тотчас была бы способность предметов к движенью, но и родиться бы даже ничто не могло в этом мире. И почивала бы всюду материи плотная масса“.

Но, несмотря на эту противоположность материи и пустоты, они, по Лукрецию, существуют в неразрывном единстве, ни одна из них не имеет силы сама по себе, истина только в их взаимной связи.

Пустота и тела, по Лукрецию, образуют бесконечность: „...между тем как тела пустотою принуждены ограждаться всегда, пустота же телами. Этим взаимным воздействием сделался мир бесконечным“. „Не существует границ, — пишет Лукреций, — ни с одной стороны во вселенной“... У вселенной нет „ни конца, ни размеров“. Она безгранично простирается всюду по всем направленьям.

Лукреций полагает, что без пустоты никакие тела не способны столкнуться и разрушиться. Для атомизма движение является не оторванным от материи, не есть нечто, вне материи стоящее, как некая независимая сила, оно находится в неразрывной связи с материей.

Лукреций характеризует атомы как частицы, которые находятся в вечном движении. В отличие от механистического мировоззрения таких древнегреческих философов, как Анаксагор, и в противоположность механицизму естественников и философов нового времени (Ньютон, Декарт), допускавших внешний толчок, вмешательство бога как первопричину движения, в учении Лукреция движение не оторвано от самой материи. „Движенье, в котором первичные тельца вечно бывают, с начала веков оставалось все тем же; тем же путем и впоследствии тельца двигаться будут“.

Такое понимание материи и движения, хотя механистично, метафизично, но является шагом вперед, ибо изгоняет понятие первого двигателя, тем самым уже наносит удар религии и является прогрессивной точкой зрения для своего времени.

Гегель, ведущий в своей „Истории философии“ борьбу против материализма, в данном случае вынужден признать величие атомистики. „Атомистика вообще, — пишет Гегель, — противопоставляет себя представлению о сотворении мира и сохранении мира чуждой сущностью (чуждым, вне мира находящимся существом). Естествознание впервые чувствует себя в атомистике освобожденным от того, чтобы указывать какую-либо причину мира. Ибо если представлять природу сотворенной и сохраняемой чем-либо другим, то ее следует

представлять как не сущую самое по себе, а как имеющую свое понятие вне себя, т. е. тогда она имеет чуждое себе основание, она как таковая тогда не имеет основания, она постижима лишь из воли другого" [1].

Замечательно, что древний мир в лице атомистики отбросил представления надмировой (божественной) силы, утверждал, что движение вечно и связано с материей. В этом вопросе атомизм, таким образом, стоит выше и указывает более правильный путь для познания природы, чем системы Декарта, Ньютона, Вольтера, естественников-деистов, которые должны были допустить внемировую силу. Ее допускал и механист Дюринг в своих рассуждениях о начале движения мира.

Но механистический материализм не в состоянии до конца побороть религию, ибо он сам страдает коренным недостатком. Признавая лишь механическое движение, механистический материализм не может надлежащим образом объяснить развитие. В лице механистического материализма мы имеем ту концепцию развития, которая признает только количественное изменение. Всякое явление есть или увеличение, или уменьшение количества. Тем самым крайне упрощается задача объяснения реальной действительности, в то время когда действительность не укладывается в упрощенные метафизические схемы, предлагаемые механистическим материализмом.

Своей ограниченностью и односторонностью механистический материализм оставляет лазейку для идеализма, а идеализм есть поповщина и путь к ней.

Хотя Лукреций и выступает, как мы видели, против допущения первоначального внешнего толчка, сообщенного богом миру, однако он, как и все механистические материалисты, не в состоянии последовательно, до конца устранить идею первоначального толчка: поскольку он не осознал внутреннего принципа развития, постольку у него в скрытой форме остается признание внешнего толчка.

Лукреций изображает картину движения материи не так, как Эпикур — в холодных и спокойных, ровных и тяжеловесных рассуждениях, а воспевает ее пламенными строками. Он описывает образование миров, эти колоссальные массы атомных движений, смерть и разрушение, восстановление и новообразование не с пессимистическим настроением, не с сознанием ничтожества человека, а с гордым сознанием могущества и силы человеческого мышления, которое в состоянии проникать и постигать природу. Лукреций не предлагает смирение, наоборот, он полагает, что познание истинной сущности природы не только в корне уничтожает источник пессимизма, но и ведет к уничтожению самого главного суеверия — религии и ее

[1] *Ленинский сборник 12, стр. 205.*

гнета. Познать, чтобы не бояться, — такое мирообъяснение, по мнению Лукреция, только и может служить основой настоящей, высокой морали. Человек, по Лукрецию, не должен чувствовать себя отчужденным и враждебным природе, но находит себя в единстве с мировым целым.

Все первичные тельца, двигаясь по законам собственной природы, образуют миры. Все это движение Лукреций описывает в своей поэме, оставаясь на почве самой природы, не прибегая ни к каким сверхъестественным силам: „...тельца первичные все при своих сочетаньях твердым порядком и ясным сознаньем не руководились и не условились раньше, какое кому дать движение. Многообразно меняясь во всем бесконечном пространстве, пробуя всякие роды движения и сочетаний, силой ударов, толчков непрестанно они потрясались. И наконец оказалися в тех положеньях, в которых вся совокупность вещей сотворенных находится ныне“.

Все, что совершается в мире, есть механическое движение материи. Движение вечно. Лукреций подходит к закону сохранения движения:

„Так как ничто не приходит в нее[1] и ничто в ней не гибнет.
А потому и движенье, в котором первичные тельца
Вечно бывают, с начала веков оставалось все тем же:
Тем же путем и впоследствии тельца те двигаться будут.
...Существует, растет, здоровеет
Все здесь, поскольку назначено то по законам природы,
И никакое усилье порядок вещей изменить не способно.
Ибо не может ничто из материи прочь отделиться,
Бывши в нее включено; и напротив, не могут ворваться
Новые силы в нее, при посредстве которых возможно
Перепначить природу вещей и порядок движенья“.

По Лукрецию, отделять причину движения от материи бессмысленно. Лукреций видит причину движения в тяжести как одном из основных существенных свойств материи. „Вечно в пространстве блуждают они (тела. — *Ред.*) и должны непременно или от действия собственной тяжести прочь относиться, или же силой толчка, когда, встретившись в быстром движеньи, вдруг они в разные стороны вновь оттолкнутся взаимно“.

Движение, по Лукрецию, имеет место везде, даже там, где оно недоступно нашему глазу. „Часто ты видишь, как вследствие разных толчков неприметных тельца меняют свой путь, как, столкнувшись, назад отступают и то туда, то сюда пролетают по всем направленьям. Значит, от этой причины сумятица в них происходит“.

Движение начинается именно с этих скрытых частиц и постепенно возрастает в своей скорости. Движение мы начинаем восприни-

[1] *В материю. — Ред.*

мать только тогда, когда приходит в движение более крупные тела. Скорость скрытых движений Лукреций сравнивает со скоростью лучей солнца, считая первые во много раз более быстрыми: „Множество раз пробегают зачатки в такое же время то расстоянье, что солнца лучи только раз пробегают".

Постановка вопроса о скрытых от глаз формах движения — это одна из гениальных догадок Лукреция. Другая гениальная догадка Лукреция — это мысль о том, что соединения атомов могут происходить только по определенным законам... „Думать однако нельзя, что тела могут все сочетаться... должно по известным законам все это твориться"...

Любопытно отметить также и то, что Лукреций высказывает мысль, что тела в безвоздушном пространстве должны падать с одинаковой скоростью: „тела падать должны одинаково все в пустоте неподвижной". Это положение было высказано Лукрецием за полторы тысячи лет до того, как оно было доказано экспериментальным путем Робертом Бойлем с помощью воздушного насоса.

У Лукреция мы находим зачатки эволюционного учения, утверждение, что все органическое произошло из неорганической материи. „Ныне скажу, что должны существа, наделенные чувством, все состоять из зачаточных тел, совершенно лишенных всякого чувства... что из бесчувственных телец живые созданья возникли".

Лукреций целиком воспроизводит объяснения Эпикура насчет столкновения атомов. Он также признает основное положение Эпикура, что при падении „вниз" атомы отклоняются от своего первоначального пути и благодаря этому отклонению происходит столкновение между ними и образуются вещи: „Если б первичные тельца, как капли дождя, прямо книзу без отклонения падали вместе в пустое пространство, то не встречались они б никогда, и толчки не возникли б, и ничего уж природа тогда создавать не могла бы".

В этом заключается основное различие между системами Демокрита и Эпикура—Лукреция. Об этом случайном отклонении атома от прямой линии, Ленин, сделав выписку из Гегеля: „Эпикур приписывает атомам движение „п о к р и в ы м", это-де произвол и скука" у Эпикура, на это в скобках отмечает: „а бог у идеалистов", и ставит три вопросительных и один восклицательный знак. Кроме того Ленин сбоку пишет: „а электрон" [1]. Повидимому Ленин имел здесь в виду учение новейшей физики о круговом вращении электронов вокруг атомного ядра. Как известно, современные физики полагают, что электроны не только двигаются по кривым линиям вокруг атомного ядра, но и, в известных случаях, перескакивают с одной орбиты на другую.

Постановкой вопроса об отклонении атома Эпикур вводит проблему случайности. Впервые в истории человеческой мысли понятие слу-

[1] *Ленинский сборник 12, стр. 255.*

чайности связывается с необходимостью, хотя диалектическое взаимоотношение этих категорий остается нераскрытым. Лукреций справедливо полагает, что отрицание случайности ведет к фатализму. „Далее, если б движения все были связаны вместе, в определенном порядке одни из других возникая, и, уклоняясь с пути, не вводили в первичные тельца неких начал, кои могут нарушить судьбы повеленье, в силу которого следствие вечно идет за причиной, то отчего у созданий живых происходит свобода?“

Понятие естественного закона — lex naturae — особенно четко выступает именно у Лукреция. У Платона и стоиков закон понимается как божественный разум, который обусловливает и творит природу. Закон, по их мнению, это форма божественного воздействия, проявление посторонней миру, сверхъестественной силы, а не форма естественного движения материи. Вообще у древних закон отожествляется с абсолютной необходимостью, которая понималась как судьба, рок.

Понятие закона у Лукреция метафизическое. Оно в его произведении характеризуется следующими чертами: 1) естественным самодвижением вещей; 2) решительным отрицанием всякого вмешательства вне материи стоящих божественных, или сверхъестественных, сил; 3) постоянством и повторением сущности явлений в смене их форм; 4) определенным порядком движения и деятельности вещей.

Лукреций, как мы отметили выше, стоит на точке зрения объективности пространства и времени. Время и пространство — это для него объективные категории.

До понятия единства материи, пространства и времени Лукреций, как механистический материалист, не мог дойти. Наши современные механисты тоже не в состоянии дать правильного разрешения этой проблемы.

Представители же меньшевиствующего идеализма в этом вопросе скатились к идеализму, например т. Гессен утверждал, что материя есть синтез пространства и времени.

Относясь отрицательно к материализму, Гегель вынужден констатировать естественно-научную глубину мыслей древних атомистов. „Можно сказать, — пишет Гегель, — что Эпикур открыл эмпирическое естествознание, эмпирическую психологию. Целям, рассудочным понятиям стоиков были противопоставлены опыт, чувственная наличность. Там — отвлеченный, ограниченный рассудок без внутренней правды и следовательно без присутствия и действительности природы; здесь — наоборот, палицо природа: чувство природы более истинное, чем те гипотезы“. Ленин к этой цитате из Гегеля на полях делает отметку: NB[1].

В дополнение к сказанному выше прибавим, что Лукреций вы-

[1] *Ленинский сборник 12, стр. 259.*

сказал целый ряд положений, касающихся различных областей естествознания и получивших свое подтверждение в дальнейшем развитии науки. Например он утверждал, что атомы даже в самых твердых предметах, как например железе, никогда не находятся в состоянии покоя. Или вот еще один пример из области психологии. Учение об абсолютном пороге, развитое в XIX ст. Вебером и Фехнером, намечено уже у Лукреция. Сущность этого учения, как известно, заключается в том, что необходимо известное минимальное раздражение, чтоб мы могли впервые получить ощущение. Это минимальное раздражение и называется порогом чувствительности, или ощущения. Лукреций приводит ряд удачных примеров для иллюстрации „порога" сознания.

„Не ощущаем порой мы, как пыль прикасается к телу,
Как и не чувствуем также, как мел оседает на членах
Или же ночью туман. Мы не чувствуем той паутины,
Что на дороге протянута часто и нас облепляет,
Ни кожуры пауков, что на голову падает нашу,
Ни также перышков птичьих, ни пуха, который летает
И по своей легковесности медленно падает на земь.
Не ощущаем мы ползанья маленьких разных животных
И уловить неспособны отдельных шагов, что на теле
Делают мошки и прочие виды других насекомых.
Вследствие этого ясно нам: нужно, чтоб много зачатков
Нашего тела пришло в возбужденье во всех его членах
Прежде, чем тельца души восприпять впечатление могут;
Прежде чем могут они, находясь на большом расстояньи,
Вместе собраться, сцепиться и врозь оттолкнуться взаимно".

Устанавливая это положение, Лукреций пытается объяснить его с точки зрения своей атомистической физики. Он полагает, что отсутствие ощущения в приведенных примерах происходит вследствие большого расстояния между телесными и душевными атомами. Вопреки учению Демокрита эпикуреец Лукреций считает, что душевные атомы численно не равны телесным, количество первых значительно меньше. „Нашей души родовые зачатки во много раз меньше, нежели те, из которых слагаются тело с утробой. Численность меньше у первых и, значит, рассеяны реже в членах они".

Лукрецием не только подмечен факт порога сознания, но и дано определенное механистическо-материалистическое истолкование этого факта. По его мнению прерывной величиной является именно ощущение. Даже больше: у него мы находим ту терминологию, которую применяет современная психология в области учения о пороге. Так, он говорит: „infra nostros sensus". Это значит: *„ниже (или за порогом) нашего ощущения"*.

Конечно мы у Лукреция находим много наивно-неверных утверждений как по естественно-научным вопросам, так и по вопросам общего порядка.

Эти недостатки в учении Лукреция следует отнести не только за счет механистической методологии Лукреция, но и за счет ограниченности уровня естественных наук его времени.

Несмотря на эти недостатки его материализма, атомистическое учение Лукреция для своего времени было прогрессивным именно потому, что оно направляло научную мысль на изучение материальной действительности и ее имманентной закономерности. Великое значение атомистической философии Лукреция заключается в том, что она была методологически необходимым элементом, который двигал науку в ее проникновении в глубину вещей. Материализм Лукреция требовал при изучении действительности итти от непосредственных, эмпирических чувственных данных к более глубоким и внутренним связям, закономерностям, причинам.

Гассенди восхваляет учение Эпикура — Лукреция именно за то, что оно при помощи разума предвосхитило опыт.

IV

Философия Лукреция — это материалистический сенсуализм. Исходным пунктом всякого познания он считает ощущения и восприятия материальных вещей. Как общие представления, так и понятия вырастают на основе ощущений. Наши чувства верно отражают движение материи, т. е. объективной реальности. Чувства нас не обманывают, они являются критерием истины. Восприятие происходит благодаря тому, что от предметов внешнего мира отделяются мельчайшие и тончайшие частицы, которые достигают наших органов чувств и вызывают изображение этих предметов. Отсюда очевидно делается тот естественный вывод, что познание посредством чувств объективно отражает внешние предметы. Лукреций — сенсуалист-эмпирик. Но неправильно будет считать, что он стоит на точке зрения плоского, ползучего эмпиризма. Поэтому Гегель совершенно неправ, говоря: „Между тем ясно уже (!!) само собой (!!), что если истинным считать ощущаемое бытие, то тем самым вообще уничтожается необходимость понятия, все распадается без всякого спекулятивного смысла, и утверждается обывательский взгляд на вещи: и действительно, при этом нет никакого возвышения над точкой зрения обывательского здравого смысла или, вернее, все снижается до уровня обывательского здравого смысла“. Выписав эту тираду из гегелевской „Истории философии“, Ленин сопровождает ее шестью восклицательными знаками и замечает: „Клеветы на материализм“. „Необходимость понятия“ ни капли не „уничтожается“ учением об источнике познания и понятия. Несогласие с „здравым смыслом“ есть гнилая причуда идеалиста“ [1]. И на самом деле признание источником познания чувства

[1] *Ленинский сборник 12, стр. 249.*

не означает вульгарной точки зрения. У Лукреция роль мышления и его значение вовсе не упраздняется и не превращается в формальный момент, который ничего не может дать познанию. Если идеалист Платон доверяет исключительно разуму и думает, что только последний способен познать мир, то материалистический сенсуалист Лукреций требует доверия именно к чувствам. Он не отрицает роли разума, а полагает, что работа разума верна постольку, поскольку он не игнорирует чувств, а основывается на них. Лукреций полагает, что гипотезы разумны лишь в том случае, если они опираются на непосредственные чувственные данные.

Основанием и исходным пунктом всех его теоретико-познавательных изысканий является признание возможности познания мира. Но здесь же мы должны заметить, что перед Лукрецием не вставали проблемы познаваемости или непознаваемости мира. Познаваемость мира была для него, скорее всего, чем-то само собою разумеющимся и не вызывающим сомнений. Вопрос о границах познания мира (как это имело место у Канта) для него не существует и растворяется в постановке другого вопроса: каковы те пути, которые ведут к достоверному познанию? Эти пути сами собою вытекают из разрешения основной проблемы — проблемы реальности. Из этого разрешения проблемы вытекает не только возможность познания, но и определяется в значительной степени источник познания. Единственным источником познания принципиально признается чувство и чувственный опыт, ибо объективное содержание мира непосредственно раскрывается в чувственном восприятии, и потому восприятие является истинным. На основе первоначальных, чувственных данных, углубляясь и проникая в тайны природы, человеческая мысль познает ее, подобно тому как собака чутьем нападает на след диких зверей. Лукреций говорит: „Так наподобье собаки, что часто чутьем открывает диких зверей, по горам залегающих в зарослях темных, раз только ей на прямые следы нападать удается, можешь ты тоже все сам постепенно одно из другого в этих вопросах узнать, проникая при помощи мысли в скрытые дебри природы и истину там добывая“.

Для получения представлений необходимо, чтобы атомы воздействовали на наши органы чувств: „чтобы открыть себе путь к нашим чувствам, нужно им в наших телах сквозь известные ткани прорваться“.

Лукреций полагает, что чувства возникают вместе с жизнью. „Чувств не бывает у тела, прежде чем не рождена в нем природа живого созданья“.

Лукреций вместе с Эпикуром считает, что душа — это порождение и результат своеобразной комбинации материальных телец. Это удар теологии и изгнание теологии из естественных наук. По этому поводу Гегель пишет: „Душа-де, по Эпикуру, „известное“ собрание атомов“.

Это сказал тоже Локк... Все это — пустые слова"... Ленин на это замечает: „Нет, это гениальные догадки и указания пути науке, а не поповщина". „Это, — продолжает Ленин, — тоже чудесно!!! Эпикур (341—270 до р. х.), Локк (1632—1704). Разница — 2000 лет!!!!"[1]. Лукреций акцентирует на сенсуализм, хотя им не игнорируется роль теоретического мышления. Вот почему основным и достоверным источником познания является у него чувство, и если рассудок вносит в восприятия поправки, то в основном он все-таки должен опираться на чувства. Чувства не заблуждаются — заблуждается рассудок, который подчас делает поспешные и необоснованные заключения и обобщения из чувств. „Но, что глаза наши тут погрешали, мы не допускаем. Свойственно им замечать только: есть ли тут свет или тени. Но тот же самый ли свет, та же самая ль тень, что и прежде, в данное время сопутствуя нам, пред глазами проходит, или же все происходит, как я объяснил уже выше, — этот вопрос разрешить надлежит одному лишь рассудку. А потому не навязывай им заблуждений рассудка".

Основой познания, по Лукрецию, являются ощущения, но они не есть все познание. Лукреций — не наивный реалист, для которого мир существует таким, как он нам представляется в непосредственных наших ощущениях. Поскольку внешний мир воспринимается органами наших чувств и поскольку в деле этого восприятия не последнюю роль играет и мышление (а с другой стороны именно это мышление по преимуществу является также источником заблуждения), постольку, очевидно, наше познание не есть абсолютно-адекватная копия внешнего мира, а лишь приблизительная, относительная. Возможный обман зрения и других чувств не является достаточным основанием огульного недоверия к ним. Приводя много примеров обмана чувств и галлюцинаций, Лукреций пишет: „В этом же роде встречается множество странных явлений, кои хотят подорвать как бы наше доверие к чувствам. Но понапрасну все то. Большей частью нас вводят в ошибку те заключенья рассудка, которые вносим мы сами; так что мы чувствуем то, чего чувства нам не указуют. Но ничего нет трудней, как из вещи вполне очевидной выделить те заблужденья, которые вносит рассудок". Поэтому критерием истины тех или иных положений, выставленных нашим рассудком, является чувственный опыт, т. е. то, из чего сама рассудочная способность выросла.

„Знай, что не только один твой рассудок потерпит крушенье,
Но и сама твоя жизнь неминуемо тотчас погибнет,
Если ты чувствам своим доверять не имеешь отваги

---

[1] *Ленинский сборник 12, стр. 255.*

И убегать от погибельных мест и всего в том же роде,
Что избегать надлежит, а пойдешь в направленьи противном...
Так при постройке домов: если первые линии кривы,
Если угольник не прям и от правильных черт отступает,
И уклоняется уровень в некиих частях хоть немного,
То неизбежно окажется зданье все криво и косо.
Криво, нескладно, изогнуто будет нестройное зданье,
Будто готовясь упасть: и действительно падает часто
Лишь оттого, что неправильны первые были начала.
А потому должен быть непременно обманчив и ложен
Также и довод, когда из обманчивых чувств он исходит".

Лукреций выступает против тех, кто на основании отдельных случаев обманчивости чувств приходит к скептицизму, и спрашивает, где критерий этого скептицизма: „Все ж я спросил бы: откуда берет он понятье о знании или незнаньи, всегда отрицая во всем достоверность? В чем же различие между сомненьем и сведеньем верным? Что составляет мерило для истины и заблужденья?"

Лукреций считает, что если бы не было чувств, то рассудок не мог бы проверить своих утверждений: „Если б его (т. е. чувства. — *Ред.*) показаньям мы веры придать не желали, то в изысканьях о разных вещах мы рассудком — часто опоры найти б не могли в подтвержденье сужденья".

Подчеркивая неоднократно громадную роль чувственного опыта, Лукреций вместе с тем твердо признает, что в процессе познания теоретическое мышление, рассудок играют важную роль: „Так животворная сила рассудка стяжала победу и далеко унеслась из границ пламенеющих мира, и в бесконечность вселенной проник он (т. е. человек. — *Ред.*) рассудком и духом".

По Лукрецию не существует разрыва между вещью в себе и явлением, как это имело место у Канта. Что это так, это явствует из его учения о чувственном познании. Явление есть проявление вещи, поэтому оно истинно, поэтому истинное не может быть отделено от явления. Иначе мы пришли бы к тому, что не существует никакой истины. В этом вопросе также существует довольно большое различие между атомистической системой Эпикура — Лукреция, с одной стороны, и Демокрита — с другой. Лукреций несомненно продолжает сенсуалистические моменты теории познания Демокрита, но он заостряет их до полного противоречия между собою и Демокритом. Он показывает, что разум коренится в чувстве и что чувственное восприятие не только является основой рассудка, но и является истинным, так как отражает действительную природу внешних объектов. Учение Лукреция об объективной значимости чувств более материалистично и более глубоко, чем теория познания Демокрита, ибо у него чувственное восприятие есть познание объективной реальности. Чувственность отражает бытие, как оно существует, его

действительную природу. Но Лукреций — не наивный реалист. Лукреций считает например, что зрение не целиком воспринимает предмет, но только некоторые его свойства и притом лишь на известном, не слишком большом расстоянии от глаза. Или например, когда мы слышим звук, мы его издали не так сильно воспринимаем, как это имеет место поблизости. Но на этом основании вовсе нельзя сказать, что наши чувства обманывают; точно так же, если высокая башня издали нам кажется маленькой и круглой, а вблизи большой и четырехугольной, то на этом основании нельзя сказать, что башня каждый раз меняется, но нельзя сказать также и того, что наши чувства нас обманывают. Лукреций полагает, что дело здесь не в обмане чувств, а в ошибке суждения, в ошибке рассудка, который может нас обманывать.

Рассудок выходит за пределы чувств и нечто прибавляет от себя. Если наши суждения близки к чувственным восприятиям, то они верны и истинны, а если нет, тогда они могут отклониться от действительной природы объекта.

При этом Лукреций делает шаг вперед по сравнению с Демокритом, у которого был разрыв между чувственным опытом и рациональным познанием.

Демокрит писал: „Есть два рода познания: истинное и неясное. К неясному относится зрение, слух, обоняние, вкус, осязание; истинное же совершенно отделено от первого“ [1].

Лукреций замечает, что соответствия нашего представления с объектами не было бы, если бы наши чувства действительно не отражали объектов. У Демокрита получается, что чувственное не содержит в себе общего, и это несомненно является идеалистическим утверждением, которое развил впоследствии Гегель. Гегель говорит: „Законы небесных тел не написаны на небе. Следовательно, всеобщее не слышимо и не видимо, оно доступно одному уму“. Эта идеалистическая мысль Демокрита вытекает из его утверждения о бескачественности атомов и из его рационализма. Еще Секст Эмпирик заметил различие между Демокритом и Эпикуром в этом вопросе: „Тот, кто чувственное восприятие объявляет недействительным, снимает сенсибельное, приписывает значимость интеллигибельному, как это имело место у Демокрита и Платона, спутывает все и опрокидывает не только истинность бытия, но даже и свое собственное понятие, ибо всякое мышление вытекает из восприятия или по крайней мере не существует без такового; даже так называемые ложные восприятия, как например сон, зависят все-таки от того, что мы через восприятие непосредственно узнаем“.

Целлер неверно представляет учение Эпикура — Лукреция. Он,

---

[1] *Гомперц — Греческие мыслители, т. I, стр. 311.*

как идеалист, искажает материализм Лукреция и в этом вопросе старается извратить его в идеалистическом духе. Он уверяет, что теория восприятия Эпикура — Лукреция, вопреки их реалистическим намерениям, ведет к релятивизму и субъективизму.

Из всего учения Лукреция о мире и его познании никак не вытекает это произвольное толкование идеалиста Э. Целлера. Ибо если Лукреций доказывает, что сущностью мира является материя и что наши чувства верно отражают мир и являются основой научного познания мира, то как можно это учение считать субъективизмом и релятивизмом? Целлер не одинок в своем искажении философии Лукреция в идеалистическом духе. Такую же попытку предпринимают Гюйо, Баумкер и Массон в отношении учения Лукреция о случае, об индивидуальном отклонении атома от прямой линии падения. Так, Баумкер пишет: „Допущение произвольного движения со стороны атома заключает в себе предположение, что материи принадлежит воля. Благодаря этому его материализм является панпсихизмом, и если мы вместе с Гюйо рассматриваем произвол атома как постоянную спонтанейность в природе, то поймем верное замечание Массона о том, что в данном случае это учение имеет близкое сходство с учением Шопенгауера о воле“ [1].

Нужно подчеркнуть, что почти все буржуазные историки философии, исходя из своего враждебного отношения к материалистической линии философии, всегда стараются дискредитировать отдельных материалистических мыслителей, как неоригинальных и ничего путного не дающих, или же их учение интерпретируют в духе идеализма. Все это распространяется решительно на всех философов-материалистов как древнего, так и нового времени — Демокрита, Эпикура, Лукреция Гоббса, Спинозу, Маркса и др.

Необходимо здесь особо подчеркнуть, что атомистический материализм Лукреция не мог дать правильной трактовки ни ощущения, ни мышления, ни их соотношения, а также и проблемы всеобщего и особенного, единичного.

Лукреций подметил, что необходимым законом природы является анализ и синтез, разрушение и восстановление: „Далее, если б природа творящая не разлагала все то, что создано ею, на части мельчайшие эти, то из погибших вещей уже создать ничего не могла бы“

Такова в общих чертах теория познания Лукреция. Будучи материалистическим итогом научной мысли древнего мира, его философия выступает как типический механистический материализм на сенсуалистической основе.

---

[1] *Baumker — Das Problem der Materiein der griechischen Philosophie. 1890, стр. 323.*

V

Во время Лукреция имел место подъем естественных наук. Эти успехи науки отражены с большой поэтической силой в его поэме „О природе вещей". Прав историк философии Риттер, когда говорит, что явления природы описываются Лукрецием более живо и многогранно, чем это имело место в „мертвой и однообразной физике Эпикура" [1].

Эпикур высоко ценил естественные науки и уделял им большое внимание. Эпикур считает, что достижение блаженства требует знания природы вещей, ибо, восклицает Эпикур, „без естествознания нельзя было приобрести неомраченные наслаждения" [2]. В эпоху Лукреция мы имеем значительные достижения в области естествознания, и Лукреций использует эти достижения науки для пропаганды и обоснования своего механистического материализма.

Лукреций в своей поэме выступает как естествоиспытатель-„натурфилософ", стоящий на уровне знаний своей эпохи. Отбрасывая суеверный страх перед угрожающими и неизвестными силами природы, Лукреций выступает против вымыслов, против прорицателей. Он пишет:

„А между тем ничего нет, чего нужно больше бояться,
Нежели вымыслов, ночью детей напугать лишь способных.
Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы".

По Лукрецию люди, не постигая, не умея разъяснить грозных явлений природы, приходят в испуг. Для того, чтобы человек „не дрожал в безумии перед грозными силами природы, подобно детям", Лукреций старается объяснить, отчего и как возникают различные явления в природе.

В поле зрения его — целый ряд явлений природы, и он пытается „разъяснить существо всех вещей", исходя не из акта божественного творения, а из сочетания первичных телец.

Лукреций рассматривает и пытается дать естественное разъяснение таким явлениям природы, как образование нашей земли, ее положение в мировой системе и ее будущая гибель от старости, возникновение солнца, луны, звезд, определить их величину и причины движения. Он пытается объяснить причины смены дня и ночи, времен года, фаз луны, солнечных и лунных затмений, света и темноты, отчего происходит снег, дождь, ветер, гроза, молния, гром, землетрясения, дает

---

[1] *Риттер — История философии.*

[2] *Эпикур — Сентенции 12, перевод Боричевского, см. Боричевский — Древняя и современная философия. Гиз 1925.*

картину возникновения растительного и животного мира и ступеней их развития.

Не забывает Лукреций разъяснить, отчего происходят болезни, — от перемены климата и оттого, что „зачатки вещей всевозможных в мире бывают. Одни из них жизни способствуют нашей, наоборот же — другие несут нам болезнь и погибель“.

Естественно-научные взгляды Лукреция еще довольно примитивны. Он например указывает, что „солнечный круг со своей теплотой лишь немного побольше или поменьше того, как он чувствам является нашим“. По вопросу о происхождении органической жизни Лукреций устанавливает следующие этапы развития. Сначала появляется трава и деревья, а затем земля под воздействием дождей и солнечной теплоты создала живые существа. Он стоит на точке зрения самопроизвольного зарождения жизни. „Нам, — пишет он, — приходилось видать, что рождаются черви живые в грязном навозе, когда по причине дождей изобильных мокрая почва приведена вся в состоянье гниенья“. Он развивает наивную теорию возникновения детей мужского и женского пола и т. д.

Наряду с этим Лукреций дает с позиций своего механистического материализма решение ряда вопросов: сновидения, происхождение дождя, радуги, вулканических явлений. У него довольно четко проявляется идея космогонического развития. „В то время, — пишет Гюнтер, — как греческие естествоиспытатели обращали мало внимания на вулканические явления, в этом произведении Лукреция излагается законченная теория этих феноменов, во многих отношениях сходная с современными гипотезами“ [1].

Буржуазный историк естествознания Ф. Даннеман замечает, что Лукреций высказывает замечательные взгляды на явления физической географии. Так, постоянство уровня моря он объясняет как следствие круговорота воды. По его предположению, вода из моря подземными путями возвращается в горы и, отложив там свою соль, изливается в виде источника. Землетрясение объясняется тем, что внутренность земли наполнена пустотами, реками, болотами и нагромождением камня [2].

У Лукреция имеется смутная наметка на эволюционную теорию, на естественный отбор и борьбу за существование — выживание организмов, наиболее приспособленных к определенным природным условиям и обладающих хитростью, силой и ловкостью. „Племя свирепое львов

---

[1] *Гюнтер — История естествознания в древние и средние века, 1909, стр. 38.*

[2] *Ф. Даннеман — История естествознания, Медгиз, 1932, т. I. стр. 231.*

или хищных животных отвагой жизнь сохраняет, лисицы — лукавством. а бегством — олени".

Материализм древних и его связь с естествознанием были невыносимы для Гегеля. Ленин, делая выписку из Гегеля о философии Эпикура, подчеркивает положительную сторону связи философии с естествознанием, подчеркивает гениальные догадки древней материалистической философии, указывающей пути науке, а не поповщине. И действительно, атомистическая система Лукреция, так же как и Эпикура, по самому своему существу атеистична.

Лукреций, борясь за научное знание, считал религию тормозом, преградой для развития просвещения.

Лукреций говорит, что учением Эпикура религия окончательно побеждена: „религии все суеверья у нас под ногами вновь очутились". Творцы атомизма считали, что религия возникает благодаря страху перед явлениями природы и невежеству. Поэтому им казалось достаточным объяснить явления природы физическими законами, показать естественный, закономерный ход явлений, чтобы искоренить веру в богов и происходящий от нее вред. Основным путем утверждения атеизма они считали распространение и популяризацию естественнонаучных сведений. Лукреций полагает, что он окончательно и навсегда устраняет страх перед богами. Он дает объяснение явлениям природы и психической жизни в антирелигиозных целях, чтобы не оставить никакого места вере в богов. Возражая против религиозного мировоззрения, Лукреций указывает, что мир—не создание богов. Он пишет:

„Страх суеверный однакоже смертных настолько объемлет,
Что и в вещах, наблюдаемых здесь, на земле, и на небе,
Многое соизволеньем богов объяснить они склонны,
Главной причины явлений добиться никак не умея.
Раз мы уверены в том, что ничто создаваться не может
Из ничего, то вернее поймем мы предмет изученья:
Именно то, из чего могут вещи родиться, а также —
Где, каким образом зиждется все без участья бессмертных".

Давая описание гибели мира, Лукреций подчеркивает ту мысль, что мир — не сотворение бога, долженствующее „просуществовать вовеки, а что он так же как и отдельные вещи, возник и погибнет". Описывая движение солнца, планет, Лукреций опять замечает, что это „не по воле богов происходит или собственной воле". Давая объяснение причин молнии, Лукреций замечает, что если верующие представляют себе молнию как смертоносное оружие Юпитера или других богов для назидания смертным, то непонятно, почему боги не устроили дело так, „чтобы из груди, пронзенной ударом, молнию тот выдыхал, кто грехи без оглядки свершает" а наоборот — от молнии гибнут совершенно невинные и „боги" мечут молнию, „куда им приходит охота", и он задает вопрос: „В силу чего наконец разрушает враждеб-

ная молнья храмы святые богов и пресветлые их же жилища и благолепные статуи их на куски разбивает? И, повреждая их, часто почтенье к богам умаляет?"

Отрицая целесообразность в мире, Лукреций замечает, что безумно думать, будто „для нужд человеческих создали боги всю эту дивную сущность миров"... Дальше: „откуда достались богам образцы всех предметов, созданных ими, а также понятие о человеке?" По Лукрецию, целесообразность вселенной происходит не от поставленной кем-то цели, а является результатом развития бесконечного ряда механических процессов.

Учение Лукреция — это величественная и стройная система материализма древнего мира, своим острием направленная против теологического объяснения мира. Все целесообразное он объясняет материальными причинами. Понятие целесообразности для него, если выразиться современным языком, это только частный случай причинной связи. Этот важный момент — решительное отрицание теологии и телеологии — у Эпикура констатирует и Гегель (что относится в равной мере и к Лукрецию), но констатирует с идеалистическим высокомерием и неприязнью: „У Эпикура нет... конечной цели мира, мудрости творца. Нет ничего кроме происшествий, которые определяются случайным (Ленин здесь ставит два вопросительных знака. — *Ред.*), внешним (опять два вопросительных знака. — *Ред.*), столкновением сочетаний атомов". Ленин на это замечает: „Бога жалко".

VI

Мы уже показали, как Лукреций решает естественно-научные вопросы. Теперь попытаемся кратко передать его взгляды на явления общественной жизни.

Картина развития человечества от его первобытного состояния до возникновения языка, общества, государства, искусства и религии, рисуемая в поэме Лукреция, является единственной в литературе античного мира. Она представляет собою законченную и единую концепцию исторического процесса, чрезвычайно красочную, богатую естественно-научными, а также антропологическими и этнографическими сведениями. Многие положения Лукреция не только оказали влияние на общественную мысль нового времени, но и прямо повторялись некоторыми мыслителями нового времени.

Новостью в концепции Лукреция является не идея человеческого развития (это мы встречаем еще у древних греков), а попытка найти те движущие силы, которые лежат в основе исторического процесса, и свести их к материально-естественным факторам.

Элементы теории развития, которая в новейшее время играет такую огромную роль в науке, довольно четко выставляются и при-

меняются уже в космогонической системе Лукреция. Эту же идею он применяет и к истории человечества. Первобытное общество он представляет грубым и варварским, стоящим на самой низкой ступени развития. В пятой книге своей поэмы Лукреций специально останавливается на этом моменте. Рисуемый им там антропологический эскиз набросан сильными и живыми красками и представляет кроме научного большой художественный интерес.

Человек, по Лукрецию, не творение бога или каких-то сверхъестественных сил, а появился под действием сил природы, в результате „животворящего солнечного тепла".

Первые люди не были похожи на нынешних. Люди были подобны животным. „Кости внутри у них были гораздо крупнее и тверже. Чрево их с жилами связано было далеко плотнее".

Лукреций описывает первобытных людей как стадо бродячих зверей. „Так в продолжение множества солнечных круговращений люди вели свою жизнь в состояньи бродячем, как звери". Первобытные люди проживали в лесах, в горных пещерах и рощах и „закрывали ветвями кустов свои грязные члены, чтоб обеспечить себя от ударов дождя или ветра". Не умея обращаться с огнем, первобытные люди кормились тем, что давала им сама природа и охота на диких животных. На этой стадии развития люди не имели нравственных правил, ни законов, ни парного брака.

Только в продолжении множества столетий изменились люди в физическом и нравственном отношениях. Лукреций считает, что причиной, способствовавшей человечеству выйти из этого состояния и начать культурную жизнь, было то, что человек научился пользоваться шкурой убитых зверей, затем начал строить себе жилище и наконец познакомился с добыванием и употреблением огня. Благодаря этому образуется элементарная ячейка человеческого общества — семья, которая становится исходным пунктом и одним из важных моментов для дальнейшего развития человечества. Далее происходит объединение людей в роды и племена на договорных началах, и появляется культурное общество: „Люди затем изготовили шкуры, жилища, добыли силу огня, и слились тогда муж и жена воедино... Начали также и дружбу завязывать те, у которых были соседи: не стали чинить им вреда и насилий... Правда, еще не меж всеми согласие установилось, все ж наибольшая, лучшая часть договоры хранила".

Государство, по Лукрецию, сложилось постепенно. От установления власти царей пройдя через „убиение царей", уставшие от борьбы и постоянных насилий люди „согласились доброю волей законам, стеснению прав подчиняться".

Как известно, эта же идея социального договора была выдвинута и проповедывалась в XVIII в. Жан-Жаком Руссо и другими буржуазными мыслителями.

Лукреций говорит, что первобытному человеку не были известны орудия труда и что дальнейшее развитие человека обусловлено применением орудий. Он думает, что уменье обращаться с огнем было одним из тех великих и могущественнейших средств, которые в корне изменили первобытную жизнь. Он находит, что огонь — не дар неба, как это утверждает религия, а результат воспламененья деревьев от молнии или от трения ветвей, когда „ветки, друг с другом запутавшись, трутся".

Лукреций верно отмечает, что добывание огня открывало широкий путь дальнейшему развитию. Весьма поразительно и то, что представления Лукреция об истории орудий труда в известной мере совпадают с результатами современной науки. Первоначальными орудиями он считает палку и огонь. Он высказывает и мысли об истории ознакомления человека со свойствами и употреблением металлов. Он устанавливает, что одним из первых металлов, с которыми ознакомились люди, была бронза, ибо ее легче можно было обрабатывать. Лишь позже вошло в употребление железо. Дальше Лукреций развертывает картину развития промышленности и искусств. Конечно у него много неясностей, ошибок, но важно отметить, что он пытается, исходя из состояния науки его времени, дать научную постановку истории развития человечества.

VII

Воззрения Лукреция на происхождение религии изображены особенно выпукло и особенно художественными мазками. Религия и суеверия по его мнению всегда были заклятыми врагами науки и препятствовали ее прогрессу. Каждый поступательный шаг науки сопровождался преследованием со стороны религии. Лукреций прекрасно вскрывает все то зло и преступления, с которыми неразрывно связана религия. Достаточно привести один из его образов, чтобы рельефно почувствовать все отвращение Лукреция к религии. Вот что говорит он по поводу принесения девушки в жертву богине Диане:

„...Между тем, как религия эта
Часто сама побуждает к преступному, грешному делу,
Как это было в Авлиде. На жертвенник Тривии чистой
Пролита кровь Ифигении юной была святотатно
Рати данайской вождями, мужами первейшими края.
Как только голову дева покрыла священной повязкой,
Что, по щекам ниспадая, лицо с двух сторон окаймляла,
И увидала отца она, тут же стоявшего в грусти
У алтаря, и прислужников, скрывших орудие смерти,
И проливавших при этом горячие слезы сограждан,
В страхе она онемела; к земле подогнулись колени.
Не послужило несчастной к спасенью и то, что впервые
Именем нежным отца ею назван был царь Агамемнон.
Всю трепетавшую, в миг ее на руки воины взяли

И на алтарь понесли; но не с тем, чтоб, окончив обряды,
К светлому богу примкнула она — Гименею, но чтобы
Жертвою пала, рукою отца святотатно закланной,
Девственно чистая, в светлый, торжественный день ее брака:
Да ниспошлется удача и счастье в отплытии флоту!
Вот к изуверству какому религия может понудить".

Различие между Лукрецием и Эпикуром в вопросе о боге заключается в том, что Лукреций не просто принимает Эпикурово устранение богов из мира как следствие атомистического учения, но выступает активным поборником за окончательное уничтожение веры в богов. Весь материализм Лукреция — это ниспровержение религии. Он не только не верит в бога, он не просто безбожник, а выступает ярым и беспощадным борцом против религии, постоянно подчеркивая тот вред и зло, которое приносит она. Лукреций с большим негодованием отмечает, что люди, допустивши веру в существование богов и наделивши их силою вмешательства в явления природы и человеческого общества, причинили много вреда. Он пишет:

„О! род несчастный людей, приписавший такие явленья
Воле богов и прибавивший к этому гнев их ужасный!
Сколько стенаний ты сам приготовил себе, сколько муки
Нам причинил, сколько слез ты доставишь наследникам нашим!"

Он считает, что сама религия является источником преступления; люди, пока верили, были угнетены и вели постыдную для человека жизнь.

Далее он говорит, что если боги даже существуют, то они чужды людским делам и отрешены от мира: „Что до природы богов, то она в существе непременно радости жизни бессмертной в покое наивысшем вкушает, чуждая нашим делам и от нас удаленная сильно".

И вполне справедливо приводимое молодым Марксом замечание Плутарха о том, что „такое учение о богах ставит нас к ним в такое отношение, в каком мы находимся к рыбам Гирканского моря, от которых мы не ждем ни вреда, ни пользы" [1].

Лукреций считает, что религия — это предрассудок и суеверие. Он отрицает какое бы то ни было творение мира.

Лукреций полемизирует с эпикурейцами, которые хотя и не допускали вмешательства богов в человеческую жизнь, но тем не менее допускали мысль, что где-то, в межмировых пространствах существуют и живут себе на здоровье боги. „Даже и те, кои... мыслят, что боги проводят жизнь беззаботно свою, возвращаются вновь к суеверьям древних религий и власть допускают жестоких тиранов".

---

[1] *Маркс — Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.*

Лукреций полагает, что религия держится на страхе и только знание может освободить от этого страха и победить религию: „если бы смертные видели, что существует горестей верный конец, то могли б они так иль иначе противостать как религиям, так и угрозам поэтов“. Поэтому он ставит своей задачей: „Надо рассеивать ужасы и помрачение духа... изучением и толкованьем законов природы“.

Лукреций считает, что счастие человечества требует уничтожения религии, уничтожения того порабощения и гнета, которые несет с собой религия, и он ставит своей задачей людей „от тесных оков... суеверья избавить“.

Лукреций выступает против представлений об аде, загробных мучениях. Эти представления по Лукрецию есть не что иное как отражение земной жизни.

„Все, что согласно преданью на дне Ахеронта творится,
То, несомненно, уже в самой жизни находится нашей
. . . .
Да, в самом деле ни Цербер, ни Фурии, ни беспросветный
Тартар, из пасти своей изрыгающий страшное пламя,
Не существует и существовать никогда не могли бы.
Между тем в жизни боязнь наказания за злодеянья
Очень значительна. Для наказанья проступков бывают
Тюрьмы, сверженье преступников вниз со скалы, заточенье,
Розги, смола, палачи, раскаленные бляхи и пытки.
Даже без этого совесть, виновная в скверном деяньи,
В страхе последствий приемлет уколы и кары боится.
И не предвидит она, где границы таким всем невзгодам,
Где отыскать она может конец наказаньям жестоким.
Кроме того еще совесть боится и мук после смерти.
Этим путем у безумцев становится жизнь Ахеронтом“.

Возникновение веры в богов он объясняет страхом. Страх смерти и страх перед грозными явлениями природы создал богов:

„Да! у кого пред величьем богов не сжимается сердце,
И у кого не немеют все члены от сильного страха
При сотрясеньи земли от удара палящего молньи
И при раскатах сердитых по небу гремящего грома?
. . . .
Не удивительно, что поколенье людей так страшится,
Предоставляя всю власть и чудесные многие свойства
Силе бессмертных богов, управляющих будто бы миром“.

„Первых богов на земле создал страх“.

Кроме того в деле возникновения понятия о богах, по его мнению, не последнюю роль играли сновидения и непонятые людьми закономерности природы: „Смертные видели определенный порядок явлений, в небе бывающих, и времен года чреду круговую, но не могли объяснить, отчего это все происходит. Им представлялся один

лишь исход — предоставить богам все и допустить, что по воле богов все на свете вершится".

Постепенно на основе страха и сновидений, по Лукрецию, выкристаллизовывается понятие души и бессмертия, что потом как необходимый момент входит в религию.

Лукреций отвергает идею богов, исходя из своей материалистической установки. Нет никаких внемировых или надмировых сил, нет никаких богов, и всякие такие допущения обнаруживают лишь незнание природы, являются продуктом невежества.

Гегель писал: „Из философии Эпикура главным образом исходили те представления, которые совершенно отрицали существование сверхчувственного". Действительно, Лукреций подвергает подробной критике понятие сверхчувственного и показывает всю вздорность веры в бессмертие души. Одним из его опровержений бессмертия служит аргумент, что мы лечим больную душу. Другим аргументом в пользу того, что души как отдельного существа нет, а есть только совокупность психических актов организма, является, по мнению Лукреция, тот факт, что при разделении живого тела разделенные части продолжают жить еще некоторое время. Это доказывает, что нет единой „души". Лукреций рассуждает так: если душа бессмертна, то почему она не вспоминает о своей жизни до рождения у рожденного человека, а если ее свойства изменились настолько, что она забыла об этой жизни, это значит, что перед нами уже другая душа, а та умерла. Эти положения Лукреция прямо направлены против платоновского идеализма.

„..если душа по природе бессмертна,
Если она внедрена в наше тело при самом рожденьи,
То отчего мы не можем припомнить, что было с ней раньше,
И не храним никакого следа ее прошлых деяний?
Если в такой уже степени свойства души изменились,
Что от прошедшего всякая память изгладилась вовсе,
То, на мой взгляд, недалеко она и от смерти блуждает.
Вследствие этого должно признать, что прошедшие души
Умерли; те же, что ныне живут, рождены были снова".

Лукреций не допускал особой духовной субстанции, а все психические явления рассматривал в тесной связи с телом. Они „существуют как различные силы — в едином теле", и распад тела влечет за собой гибель души. Душа порождается вместе с организацией тела: „Также и духа природа не может без тела возникнуть и пребывать независимой вовсе от жил или крови".

Опровержение субстанциальности, самостоятельности и бессмертия души является важной стороной материализма Лукреция. Его мировоззрение своим материалистическим острием способствовало искоренению

религии, устранению представлений о богах. Это была в развернутой форме борьба против религии. Атомистическая философия Лукреция направляла свои удары против религии и религиозности, и в этом заключается ее прогрессивное значение. Своей антирелигиозной пропагандой Лукреций расчищал почву для дальнейшего развития атеизма.

Признавая абстрактный детерминизм, доказывая, что все совершается по неизменным законам, Лукреций выступает против господствовавшей в его время идеи рока, фатальной необходимости. Как для Лукреция, так и для Эпикура лучше было бы верить в басни о богах, чем отдаться в рабство фатальности физиков. Басня оставляет нам, по их мнению, по крайней мере надежду склонить богов, воздавая им почести, но нет возможности сломить необходимость.

Лукреций считает, что фатализм сковывает, порабощает человеческую волю, делает человека пассивным перед силами природы. Пути для устранения фатализма Лукреций видит в признании строгой закономерности в природе. Признание рока влечет за собой непонимание развития мира по естественным законам, к признанию, что всюду властвует „перст божий".

Попытка устранения фатализма хотя и есть шаг вперед, но Лукреций, как механистический материалист, не мог правильно разрешить вопроса о необходимости, свободе и случайности, точно так же как этого не в состоянии сделать и современный механистический материализм.

Мы видели, что Лукреций является талантливым популяризатором, систематиком и продолжателем материалистической атомистики Демокрита — Эпикура. Лукреций своим материализмом выковывал могучее оружие для борьбы с религией. Его беспощадная критика религиозных предрассудков и суеверий древнего мира простирается далеко за пределы его эпохи и становится веским аргументом против всякой религии, так как ход вещей природы он объясняет не мистическими силами, а естественными материальными причинами, их имманентной закономерностью. Его мышление пропитано естественно-научными элементами. Будучи материалистическим сенсуалистом, он не ограничивается чувственными данными, которые кладет в основу познания. Он высоко ценит теоретическое мышление.

Это объединение философии и естествознания дало блестящие результаты. Его книга: „О природе вещей", несмотря на все слабости и внутренние противоречия атомистической философии, представляет до сих пор большой интерес и является выдающимся памятником античного материализма. Лукреций не только дает яркое изложение атомистического миропонимания, но так же рельефно отражает ту форму и способ мышления, которым пользовался ранний механистический материализм.

Материалистическая философия Лукреция в общественных условиях Рима не могла получить своего дальнейшего развития.

Возникшее и развивающееся христианство поставило в порядок дня уничтожение материалистических учений. Церковь, став мощной государственной организацией, объявила беспощадную борьбу против материализма, защищая христианские догматы, борясь со всякого рода проявлениями свободы мысли. Все инакомыслящие объявлялись приверженцами сатаны. Причиной всех мировых явлений была объявлена божья воля, властвующая над миром и вносящая закономерность и порядок в природу. Мы конечно не можем подробно разбирать, как христианская церковь на протяжении многих веков культивировала мысль, что эпикуровская философия — это самое безнравственное и бесстыдное учение, а гениального продолжателя этой материалистической линии на римской почве — Лукреция — объявила сумасшедшим. Это весьма понятно, ибо в лице Лукреция мы имеем самого талантливого воинствующего безбожника, какого только выдвинул античный Рим. Влияние его работы распространяется на многие века. Гете говорил про творение Лукреция, что оно „манит нас в глубины тайн“ природы. И Гете, как бы возбуждая в своих современниках критическое отношение к христианству, привлекает особенное внимание к этой работе. Он пишет: „Во многих случаях нельзя мыслить так, как Лукреций... Но мы должны знать, как за шесть, восемь десятков лет до начала исчисления нашей эры мыслили. Как пролог христианской мировой истории, этот документ является в высшей степени знаменательным“.

Христианская философия выступает против философии Лукреция, объявляя ее ложной и вредной. Богословие имело все классовые привилегии в этой борьбе, будучи господствующей идеологией господствующего класса феодалов.

Христианские мыслители видели и не могли не видеть действительной угрозы в виде атомистического учения и всячески старались опровергнуть его. Фома Аквинский объявляет стремление к познанию вещей грехом, поскольку оно не направлено на познание бога, а Августин прямо заявляет: „Бога и духа я хочу познать. И ничего больше. Совершенно ничего“ [1]. Климент Александрийский говорит, что „если апостол Павел восстает против философов, то он имеет в виду лишь эпикурейцев“... Характерно выступление александрийского епископа Дионисия против атомизма. Он старается доказать абсурдность этого учения, превознося „превосходство“ христианского мировоззрения, базирующегося на откровении. Он спрашивает, как

[1] *K. Lasswitz—Geschichte der Atomistik, т. I, стр. 28.*

может из хаоса возникнуть что-нибудь упорядоченное без вмешательства посторонней творящей силы. Как может какой-либо дом, одежда сама из себя возникнуть? Далее он считает необъяснимой целесообразную деятельность человека: „Сколько и какие атомы отец Эпикура оставил течь, пока он создал Эпикура“?

Примерно такого же рода аргументами пользуются и другие христианские философы, занимающиеся „опровержением“ атомистического материализма Эпикура — Лукреция, — Лактанций, Августин, Исидор, Ориген и т. д. Эта борьба христианского мракобесия против Эпикура и Лукреция проходит через всю историю христианской философии.

С развитием промышленности и торговли и разложением феодальной организации пробуждается к жизни и „светская“ философия. Возникновение и развитие буржуазного способа производства создает необходимые условия для поворота к естественным наукам. С развитием новых общественных условий начинается и оппозиция к теологии и к средневековой схоластике, робкая борьба против догматов церкви.

Начало оппозиции было положено спорами между реалистами и номиналистами о природе понятий. Реалисты, опираясь на учение Платона, учили, что наши понятия реальны, суть особые метафизические сущности и что они предшествуют эмпирическим вещам. Беря за первоначальное, за исходное — понятия, учение реалистов гармонировало с учением отцов церкви. Номиналисты же утверждали, что понятия суть просто названия, или имена, обозначающие определенные группы вещей, и что реально существуют только индивидуальные вещи.

Номиналист Дунс Скот (1274—1308), отводя теологии область сверхъестественного, считает философию способной к познанию истины с помощью человеческого разума и задается вопросом: „Не может ли материя думать?“

„Чтобы сделать возможным такое чудо, он взывал к божьему всемогуществу, т. е. другими словами, самое *теологию* он заставлял проповедывать материализм“ (Маркс).

Номиналисты, ведя борьбу против реалистов на общей почве средневековой схоластики, делают робкие шаги в сторону восстановления материализма. По выражению Маркса номинализм „является первым выражением материализма“, а Энгельс пишет, что „уже в средневековой схоластике игравший большую роль вопрос о том, как относится мышление к бытию, что чему предшествует: дух природе или природа духу, этот вопрос, назло церкви, принял более резкий вид вопроса о том, создан ли мир богом, или он существует от века“.

Возрождение материализма идет по линии восстановления попранного средневековой схоластикой атомизма. Уже в XII в. Вильгельм

Конхезий, отойдя от средневекового реализма, придерживается точки зрения атомистической теории. Абеляр Батский (XII в.), не освободившись от теологических представлений о независимости души от тела и о бессмертии души, все же является последователем демокритовского атомизма.

Возрождение материалистической философии происходит в условиях развития естественных наук.

Рожер Бэкон (1214—1292) — математик, астроном, географ, химик и медик ведет борьбу с авторитетами, проповедует необходимость изучения природы и подведения ее под математические законы; Иоанн Буридан (ум. 1385 г.) занимается физикой и логикой; Альберт Саксонский (ум. 1390 г.) занимается проблемами земной и небесной механики; Николай Орезм (1323—1382) занимается математикой и механикой, дает некоторые зачатки аналитической геометрии.

Попытки воскресения учения древних атомистов пока еще сочетаются с учением о двойственной истине, с компромиссом между наукой и теологией. Тот же Рожер Бэкон, наряду с необходимостью изучения природы, учит о необходимости изучения „святого" писания. Более полное свое освобождение от теологии философия начинает приобретать в эпоху Возрождения.

Возрождение материализма в XVI—XVII вв. явилось непосредственным результатом роста и развития производительных сил и развития классовой борьбы развивающейся торговой буржуазии против феодалов, против цеховых стеснений. В этот период происходит открытие новых морских путей и рынков. Колумбом в 1492 г. открывается Америка; Васко де-Гама в 1497 г. достигает Индии; в 1513 г. Бальбоа достигает Тихого океана, а в 1519 г. Магеллан совершает первое кругосветное путешествие. Выехав из Севильи 10 августа 1519 г., Магеллан возвратился обратно 7 сентября 1522 — через 3 года, объехав всю землю и тем самым практически доказал шарообразность земли. В 1519 г. Кортец завоевывает Мексику, Пизарро — Перу.

Развитие промышленности и техники вызывает расцвет физико-математических наук, в частности астрономии. Николай Коперник (1472—1543), ярый противник геоцентрической системы, обосновывает новое, гелиоцентрическое, мировоззрение. Эта теория положила начало новому мировоззрению, подорвав библейское сказание о сотворении мира и положивши конец представлению о земле как о центре мира. Галилей (1564—1642), продолжатель взглядов Коперника, восстанавливает права математики, дает уже обоснование закона тяготения и инерции, открывает целый ряд новых планет и изучает солнечные пятна. Знаменитый астроном Кеплер выпускает в 1609 г. книгу — „Новая астрономия, или небесная физика", где дает объяснение мировой системы как стройного механизма.

Наука сделала огромные завоевания и в других областях, так напр., Везалий (1514—1569 г.) изучает анатомию человека, немецкий врач Андрей (1514—1564) подготовляет почву для теории кровообращения, Гарвей (1578—1658) открывает кровообращение. Открытие Гарвея сыграло большую роль в разрушении идеи о душе как самостоятельной субстанции, нанесло серьезный удар анимизму. Василий Валентин занят разработкой научной химии. Мальпиги (1628—1694) основывает гистологию, Георг Бауэр — минералогию.

В области социологической мысли выступает пионер буржуазного права Николо Макиавелли (1469—1527), Гуго Гроций (1583—1645) в своей книге „О праве войны и мира", в противоположность схоластической, теологической теории возникновения общества, выдвигает учение о естественном праве, о возникновении общества, а затем и государства путем. общественного договора.

Томас Мор (1568—1632) и Кампанелла выступают со своими утопическими романами.

Открытие книгопечатания И. Гуттенбергом в высшей степени расширило возможность для распространения науки и литературы.

Развитие наук в условиях роста нового, прогрессивного тогда класса буржуазии привело к возрождению материалистической философии.

Бернардий Телезий (1508—1588), являясь ярым противником Аристотеля в своем главном произведении „О природе вещей сообразно незыблемым началам" исходит в объяснении природы не из веры, а из физических начал. Считая учение о познании из чистого разума бессмыслицей, Телезий учил, что все наше познание покоится на чувственном опыте, и пытался установить связь между ощущением как познанием отдельной вещи и мышлением как познанием целого. В целом учение Телезия полно еще теологической непоследовательности, компромиссно, так, Телезий считал, что душа материальна кроме сверхчувственной части души, а вся природа одушевлена.

Материалистическое учение Лукреция привлекает большое внимание Джордано Бруно, наиболее глубокого и смелого мыслителя эпохи Возрождения. Бруно с большой любовью цитирует Лукреция и в своей философской поэзии или поэтической философии часто подражает ему. Задачей философии Бруно выставляет познание природы, а не решение и обсуждение теологических вопросов.

Учение Лукреция о бесконечности миров и их образовании получает у Бруно обоснование на почве системы Коперника. Ярый враг геоцентрической системы Аристотеля и Птоломея, последователь гелиоцентрического мировоззрения Коперника, Бруно, развивая учение последнего, идет дальше его. Как известно, Коперник в своей астрономической системе придерживается мнения о существовании границ мира в виде твердых сфер, к которым прикреплены планеты.

В противоположность этому мнению Коперника Бруно выдвигает учение о бесконечности, беспредельности мира, о бесконечном множестве миров.

Утверждая вслед за Коперником, что земля не есть центр вселенной, Бруно самого человека считал не случайным явлением, а порождением закономерного процесса развития материального мира.

Большой интерес представляет учение Бруно о совпадении противоположностей. Утверждая вслед за Гераклитом, что мир полон противоречий, Бруно считает, что гармония мира есть результат противоречий. В учении Бруно о совпадении противоположностей выступает момент диалектики. Другим моментом диалектики является его учение о развитии, когда Бруно утверждает: „Бесконечность форм, под которыми является материя, она принимает не от чего-либо другого и, так сказать, только внешним образом, но она производит свои предметы из самой себя и рождает из своего лона... Природа производит свои предметы не как человеческая техника посредством отнимания и прибавления, а только посредством разделения и развития".

Несмотря на эти диалектические моменты, Бруно является механистическим материалистом XVI в.

Наука и философия в XVI—XVII ст. во всех областях делают большие завоевания, блестящие открытия. Ведя борьбу с астрологией, алхимией, магией, наука в этот период еще не свободна от их налета и не свободна от точки зрения двойственной истины. На науке и философии эпохи Возрождения лежит большой налет схоластической философии. Кеплер, объясняя все явления природы механистически, проповедует в то же время в своем первом произведении Mysterium cosmographicum (1596), , что мировая система, управляемая обитающей в солнце мировой душой, есть образ божий, и что движением планет заведуют особые души планет. Тихо де-Браге, с одной стороны, утверждал, что все планеты вращаются вокруг солнца, а с другой, что и солнце со всеми планетами вращается вокруг земли.

Развитие теоретического и практического интереса к вопросам научного мировоззрения привело философию в союзе с наукой в острый конфликт с теологией по вопросам о возникновении мира, о бытии бога, бессмертии души, свободе воли и т. д.

Теология жестоко мстит смелым и гениальным представителям возрождающейся материалистической мысли, опережающим свою эпоху. Достаточно вспомнить сожжение Джордано Бруно, Ванини, убийство Петра Рамуса за открытое выступление против Аристотеля, преследование и тюремное заключение Галилея, сожжение целого ряда выдающихся научных книг.

С особенной силой материализм выступает в XVII и XVIII вв.,

опять-таки в связи с подъемом наук. Сильвий (1614—1672) открывает кислоты и щелочи, Роберт Бойль (1626—1691) „делает из химии науку“ (Энгельс), Линней (1707—1778) преобразовывает ботанику, вводя научную классификацию и номенклатуру, англичанин Кавендиш (1731—1810) открывает состав воздуха, Пристли (1733—1804) — кислород, Лавуазье (1743—1794), устанавливая количество основных химических элементов, опытно доказывает утверждение Лукреция о законе сохранения материи, Дальтон (1766—1844) разрабатывает атомистическую теорию, которая в дальнейшем развивается Гей-Люссаком и которую Берцелиус старается применить к органическим телам, Гюйгенс делает целый ряд открытий в области физики и астрономии, Френкель и Юнг основывают оптику и акустику.

Основатель новой философии Френсис Бэкон говорит: „Человек — истолкователь и исполнитель природы, расширяет свое познание и свою деятельность только по мере раскрытия им естественного порядка вещей то наблюдением, то размышлением. Ничего больше он не знает и не может знать“ [1]. Характерно, что тот же Бэкон является основателем материалистической философии нового времени. Замечательно и то, что даже философ-идеалист Кант в первый период своей научной деятельности мыслит материалистически в своих естественно-научных работах. В ту пору, когда Кант излагал свою естественно-научную теорию и историю неба, он признавал сам свое родство с Лукрецием: „Я не буду отрицать, что теория Лукреция или его предшественников — Эпикура, Левкиппа и Демокрита — имеет много сходства с моей“.

В отечестве Ньютона философская мысль восстает против схоластического и идеалистического мировоззрения, тянется к действительности, отвергает умозрительные построения. Действительно, Джон Толанд находится под плодотворным влиянием атомистического учения Лукреция, проповедует материализм. Крупнейший представитель тогдашней науки Ньютон возвращается к атомистическому учению Лукреция.

Ньютон в общем согласен с материалистической линией Лукреция, но только с той разницей, что Лукреций воевал с богами, а у него бог уживается с наукой. „Мне кажется, — пишет Ньютон, — что бог первоначально создал материю, состоящую из плотных, массивных, твердых, непроницаемых и подвижных частиц, которые отличались таким различным объемом, такими формами и особенными свойствами и состояли в таких отношениях к пространству, какие требовались тем назначением, для которого бог их создал. Эти первичные частицы благодаря своей плотности несравненно тверже, чем всякое пористое тело, состоящее из них; твердость их такова, что

---

[1] *Ф. Бэкон — Собр. сочинений, 1874, т. II, стр. 15.*

они никогда не могут уничтожиться или разбиться на части". Ещё раньше Гоббс усиленно выдвигает механистическую сторону материализма Лукреция и, как пишет Маркс, физическое движение приносит в жертву движению механическому. Для Гоббса мышление есть определенный вид движения атомов. Подобно Лукрецию, он основой религии признает страх и суеверие: „Страх перед невидимыми силами, будь они вымышлены или признаны по преданию, есть религия, когда она установлена государством для его целей, и суеверие, когда она не установлена для его целей".

Далее эта линия материализма через эмпиризм Локка ведет к французскому материализму XVIII в.

Таким образом возобновление материалистической концепции принимает характер и окраску соответственно тому, в каком состоянии находится развитие наук и к какому периоду в развитии определенного общественного класса мыслитель принадлежит.

Материализм Лукреция непосредственно был направлен против религии, и ее уничтожение он, как типичный просветитель древнего мира, считал весьма важным делом человечества. Материализм на континенте в новое время на первых порах непоследователен, поскольку его носитель — буржуазия — еще не имеет сил открыто выступить против феодализма.

Пьер Гассенди (1592—1655) воскрешает материалистическую систему Эпикура — Лукреция. Многие положения Лукреция он находит вполне верными и пытается их обосновать достижениями современной ему науки. Но для Гассенди характерно то, что он „старается как-нибудь примирить свою католическую совесть со своими языческими знаниями, Эпикура с церковью" [1].

Спиноза внимательно изучал атомистов древности и высоко чтил их авторитет. В письме Бокселю Спиноза пишет: „Авторитет Платона, Аристотеля и Сократа не имеет для меня большого значения. Я был бы удивлен, если бы Вы сослались мне на Эпикура, Демокрита, Лукреция или на какого-нибудь другого из атомистов и защитников атомов" [2].

В дальнейшем на европейском континенте выступает целая плеяда французских материалистов, которые образуют блестящую страницу в истории материализма. У них много общего с Лукрецием. Робине пытается доказать, что психическое — это только свойство мельчайших частиц материи и их движения. Ламеттри пытается разрушить веру в бога. Он развивает взгляды Лукреция и признает, что формирование организмов произошло естественным путем. Не избегают

---

[1] *Маркс — Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура, стр. 25.*

[2] *Б. Спиноза — Переписка, 1932, стр. 186.*

влияния Лукреция также Мелье и Гольбах, Гельвеций и Дидро, которые восторженно отзываются о философии Лукреция.

Таким образом, философия Лукреция является одним из звеньев единой цепи развития материалистической мысли, одним из важнейших моментов истории атеизма.

В. Вандек и В. Тимоско.

*

О
ПРИРОДЕ
ВЕЩЕЙ

Матерь Энеева племени! радость людей и бессмертных!
О всеблагая Венера! [1] Средь плавно бегущих созвездий
Свет проливаешь ты радостный на судоходное море
И плодоносную землю! Все сущие в мире созданья
Зиждутся только тобою и видят лучистое солнце.
Ветры бегут пред тобой, в небесах облака разгоняя.
Где появляешься ты, там искусница-почва цветами
Путь устилает тебе; улыбается тихое море,
И, успокоившись, небо все блещет лучистым сияньем.
Как только милый свой лик открывает весна молодая
И свобожденный Фавония творческий дух оживает,
В воздухе птицы сперва возвещают твое появленье,
Властно объятые мощью твоею до самого сердца.
Вслед же за ними и звери бегут на привольные пастьбы,
Переплывая ручьи. Таким образом твари живые
Вслед за тобою идут все, куда ты их манишь,
Силою чар упоительных и красотою влекомы.
Словом, повсюду: на море, в горах, в быстротечных потоках,
В чаще лесов густолиственных и в зеленеющем поле,
Будишь во всяком ты сердце любви сладострастное чувство
С тем, чтоб оно возродилось в грядущих затем поколеньях [2].
Так как единая ты управляешь природой вещей всех,
Так как и света ничто на земле без тебя не увидит,
Нам же не мило ничто, и ни в чем без тебя нет отрады,

То об участьи твоем я прошу при созданьи поэмы,
Где о природе вещей говорить я отныне пытаюсь,
Нашего Меммия [3] сыну, которому ты, о богиня,
Быть украшеньем во всем и во все времена повелела.
Вечную даруй затем красоту моей речи, богиня,
И ниспошли всяким подвигам диким военного дела
Тихую дрему во все это время на море и суше!
Так как одна только ты человечеству можешь доставить
Радости мира, тогда как делами жестокими брани
Оружевластный Мавор [4] управляет. К груди твоей часто
Он припадает, сраженный любви вековечною раной,
И, приподнявшись к тебе с запрокинутой шеей суровой,
Жадные взоры любви на тебе насыщает, богиня,
И у тебя, возлежащей, дыхание уст он впивает.
Тут-то обвей его телом священным и нежные речи
С уст испусти, умоляя о сладостном мире для римлян.
Ибо никак не могу обсуждать свой предмет я спокойно,
Зная опасность в отчизне, а Меммиев сын благородный
Также не может притом от общественных дел уклоняться.

Ухо однако ко мне ты склони с напряженным вниманьем,
Бросив заботы свои, и правдивому внемли ученью.
Дара того, что из преданной дружбы тебе предлагаю,
Не отвергай ты, доколе его не познаешь всецело.
Здесь о богах и о неба высокой природе с тобою
Речь я начну и открою вещей основное начало [5],
Коим все зиждется, крепнет, растет и плодится в природе;
Также — во что претворяет природа все вещи по смерти.
Это начало — материя, *тельца вещей родовые,*
Как позволяю себе я назвать то в дальнейшем ученьи,
Или *зачатки вещей,* — подходящее также названье, —
Или же *тельца первичные,* так как из них все возникло.
Что до природы богов, то она в существе непременно
Радости жизни бессмертной в покое найвысшем вкушает,
Чуждая нашим делам и от нас удаленная очень.
Так как свободна она от опасностей всех и печали,
Собственной силой мощна и от нас не зависит нисколько,
То ни добром не пленяется вовсе и гнева не знает [6].

Жизнь человека постыдно у всех на глазах пресмыкалась
Здесь, на земле, удрученная бременем вероученья,
Что из владений небесных главу простирало и сверху
Взор угрожающий свой непрестанно бросало на смертных [7].
Первый из смертных, кто взоры поднять к нему прямо решился,

Родом из Греции был; он ему воспротивился первый.
И ни святыня [8] бессмертных, ни молнья, ни грома раскаты
С неба его удержать не могли, но с тем большей отвагой
Силы души он своей напрягал, чтобы ранее прочих
Крепкий замок сокрушить у затворенной двери природы.
Так животворная сила рассудка стяжала победу
И далеко унеслась из границ пламенеющих мира,
И в бесконечность вселенной проник он рассудком и духом.
Победоносно принес нам познанье тот грек о возможном
И невозможном в природе, а также о силах предельных
В каждом предмете, о целях конечных, что ставит рассудок.
Так что религии все суеверья у нас под ногами
Вновь очутились, а мы той победой вознесены к небу [9].

Сильно боюсь я притом, чтобы как-нибудь ты не подумал,
Будто ученья сего нечестивые свойства к пороку
Путь указуют тебе, между тем как религия эта
Часто сама побуждает к преступному, грешному делу [10],
Как это было в Авлиде. На жертвенник Тривии [11] чистой
Пролита кровь Ифигении [12] юной была святотатно
Рати данайской вождями, мужами первейшими края.
Как только голову дева покрыла священной повязкой,
Что, по щекам ниспадая, лицо с двух сторон окаймляла,
И увидала отца она, тут же стоявшего в грусти
У алтаря, и прислужников, скрывших орудие смерти,
И проливавших при этом горячие слезы сограждан,
В страхе она онемела; к земле подогнулись колени.
Не послужило несчастной к спасенью и то, что впервые
Именем нежным отца ею назван был царь Агамемнон.
Всю трепетавшую в миг ее на руки воины взяли
И на алтарь понесли; но не с тем, чтоб, окончив обряды,
К светлому богу примкнула она, Гименею, но чтобы
Жертвою пала, рукою отца святотатно закланной,
Девственно чистая, в светлый, торжественный день ее брака:
Да ниспошлется удача и счастье в отплытии флоту!
Вот к изуверству какому религия может понудить [13].

Может быть, также и ты из-за вымыслов страшных поэтов
Станешь ученье мое избегать, как всегда то бывает.
В самом же деле великое множество можно измыслить
Грез и видений, которые, строй целой жизни нарушив,
Смуту внести бы могли в наше счастье при помощи страха.
Истинно: если бы смертные видели, что существует
Горестей верный конец, то могли б они так иль иначе

Противостать как религиям, так и угрозам поэтов.
Ныне же к этому нет у них средства и прямых оснований,
И потому вечных мук после смерти все люди страшатся [14],
Так как природу души совершенно не ведают люди:
В чреве ль родится она, иль внедряется после рожденья?
Гибнет ли наша душа, отделившись от тела по смерти?
В Оркуса мрак ли нисходит, в пустых ли витает пространствах
Или по воле богов переходит в различных животных [15],
Как поучает наш Энний, который принес нам впервые
Вечно зеленый венок с благодатных высот Геликона,
Громкою славой почтенный у всех италийских народов?
Все ж, хотя Энний в стихах своих, вечно бессмертных, толкует
Между всем прочим о том, будто есть Ахерузии пропасть,
Но не тела и не души людей в тех местах пребывают,
А лишь поблеклые призраки необычайного вида [16].

Он вспоминает, что призрак цветущего вечно Гомера,
Вставший оттуда пред ним, проливая соленые слезы,
Стал говорить и природу вещей объяснять ему словом.
А потому надлежит изучить нам внимательно вещи
Высшие: то, по какому закону свершают движенье
Солнце и месяц и силой какой управляются вещи
Здесь, на земле, а затем мы рассмотрим внимательным оком,
Что из себя по природе наш дух и душа представляют;
Также те вещи, которые, нам наяву представляясь,
Ум наш пугают во сне и в припадке тяжелой болезни,
Так что нам кажется, будто мы явственно видим и слышим
Мертвых, останки которых давно уж приняты землею.

Я не скрываю в душе: рассуждения темные греков
Очень мне трудно стихами латинскими выразить точно.
Кроме того в выражениях новых сказать я о многом
Должен ввиду новизны содержанья и бедности речи.
Но твои доблести, Меммий, а также надежда на радость
Сладостной дружбы твоей все ж к работе меня вынуждают
И заставляют меня посвящать ей бессонные ночи
В поисках слов и стихов подходящих, при помощи коих
Мне б удалось озарить твою душу познания светом,
Чтобы ты видеть мог ясно глубоко сокрытые вещи.

Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.

Первоначальное правило ставит природа такое:
Из ничего даже волей богов ничего не творится [17].
Страх суеверный однакоже смертных настолько объемлет,
Что и в вещах, наблюдаемых здесь, на земле и на небе,
Многое соизволеньем богов объяснять они склонны,
Главной [18] причины явлений добиться никак не умея.
Раз мы уверены в том, что ничто создаваться не может
Из ничего, то вернее поймем мы предмет изученья:
Именно то, из чего могут вещи родиться, а также —
Где, каким образом зиждется все без участья бессмертных.

Если бы из ничего созидалось что-либо, то также
Все существа породить бы могли без семян что угодно:
Люди водились бы в море, в земле же могли бы родиться
Чешуеносные рыбы и птицы, а с неба сбежало б
Стадо скота, и породы неведомой хищные звери
Жили бы вместе в пустынных местах и краях населенных.
И не всегда однородные были б плоды на деревьях,
А вперемешку плоды все росли бы на дереве всяком.
Так что, не будь родовых таких телец у особи каждой,
В чем состоять бы могло постоянство зачатья в природе?
Ныне рожденье существ от зачатков известных зависит;
Только оттуда они возникают и жизнь получают
Там лишь, где есть их материя, их родовые зачатки.
А потому невозможно, чтоб все из всего возникало,
Так как известным созданьям присущи известные свойства.

Кроме того: для чего созерцаем мы розу весною,
Злаки же летом, а осенью сладостной лозы,
Как не затем, чтобы все семена собирались во время
Определенное, чтоб сообразно со временем года
Все раскрывались создания и животворная почва
Отпрыски нежные вынести к свету могла безопасно?
Из ничего существа нарождались бы сразу, к любому
Сроку и без соответствия каждому времени года,
Так как в них не было б телец первичных, развитие коих
Несоответственным временем года могло б задержаться.

Не было б, далее, нужды во времени также для роста
Всяких зародышей, если бы из ничего возникали.
Сразу б из малых детей существа становились юнцами,
И густолиственный лес из земли вырастал бы мгновенно.
А между тем ничего не бывает подобного. Твари
Всякие мало-по-малу растут из известных зачатков,

Род свой притом сохраняя. Поэтому можешь ты видеть,
Что из материи собственной все возрастает [19] на свете.

Также заметь, без дождей, каждый год в свое время идущих,
Почва создать не могла бы плодов своих многоотрадных,
И не могли бы породы животных, лишенные пищи,
Ни размножаться, ни длительность жизни себе обеспечить.
Правда, во многих вещах ты присутствие можешь заметить
Тел однородных, как в разных словах одинакие буквы,
Но невозможно ничто без порядка вещей основного.

Кроме того: почему не дала человеку природа
Крупных размеров таких, чтобы мог он шагать через море,
С помощью рук же своих вырывать высочайшие горы
Или теченье веков побеждать долголетием жизни?
Не потому ль, что созданья все определяются только
Свойством известным материи той, из которой родились?
Должно нам, значит, признать, что ничто народиться не может
Из ничего, но зародыши нужны, чтоб всякая особь
Свет увидала и сладостный воздух вкусила с рожденьем.

Мы наконец отличаем всегда от возделанной почвы
Новь непочатую. Труд над землею плоды улучшает.
Значит, находятся в почве самой уж первичные тельца,
Производительность коих мы можем усилить, сохою
Тучные глыбы земли шевеля и поля разрыхляя.
Не существуй таких телец в земле, то без наших стараний
Все бы само-по-себе улучшалося в нашей природе.

Надо заметить еще: разлагает природа все вещи
На составные частицы, пропасть же ничто в ней не может.
Если б погибнуть могли составные частицы все эти,
То существа умирали б, внезапно из глаз исчезая,
Ибо не нужно бы было усилий к тому, чтоб частицы
Разъединить в каждой вещи и связь между ними расторгнуть.
Ныне, когда составляется все из бессмертных зачатков,
Не допускает природа, как видишь ты, смерти, доколе
Сила не явит себя, иль ударом предмет разрушая,
Или его разлагая, проникнув во внутрь чрез пустоты.

Кроме того, если б время совсем истребляло в природе
Все то, что старость отъемлет, материю всю поглощая,
Где б почерпнула Венера, чтоб новых существ поколенья
К жизни призвать? И откуда б сырая земля добывала

Нужное все для кормленья и роста тех новорожденных?
Чем пополнялось бы море, ручьи, дальноводные реки?
Как и откуда эфир наполнялся бы сонмом созвездий?
Будь те первичные тельца подвержены смерти, давно бы
Вечное время в прошедшие дни поглотило природу.
Если ж и в прежнее время всегда они существовали,
Изо дня в день обновляясь и новые вещи рождая,
То несомненно, что одарены они вечной природой.
Вследствие этого вещи не могут в ничто обратиться.

Если при этом материя вечная прочною связью
С большей иль меньшею силой частиц бы своих не скрепляла,
То одинаковой силой могли б разрушаться все вещи [20].
Прикосновенье простое тогда причиняло бы гибель.
Там, где всецело кончается область материи вечной,
Сила любая способна расторгнуть сцепленье в частицах.
Ныне ж, когда все сцепленья частиц меж собою различны
И неизменны лишь сами частицы материи вечной,
То пребывают они невредимы в предметах, доколе
Связь не нарушена их приложеньем достаточной силы.
Не пропадает бесследно ничто, но в своем разложеньи
Все возвращаются вещи на лоно материи снова.

Так исчезают дожди, что родитель Эфир с небосвода
В недра сокрытые матери нашей земли низвергает.
Тучные жатвы затем вырастают, деревья ветвями
Все зеленеют, растут, от плодов изобильных сгибаясь.
Люди и звери в дарах тех земли добывают питанье,
И расцветают от них города поколением юным.
Пение птиц раздается в лесах густолиственных всюду;
Стадо скота, отягченное жиром, на пастбищах тучных,
Отдых вкушая, лежит, и сочится молочная влага
Из переполненных вымен, подростков же юное племя
В прихоти детской своей, под влияньем молочного сока,
Резво играет на нежной траве, неумело ступая.
Значит, не гибнет бесследно ничто из того, что мы видим,
Но возрождает природа одно из другого. Не может
Вещь народиться одна, пока не погибнет другая.

Как я сказал уже, из ничего не рождаются вещи,
Также не могут они, народившись, в ничто обратиться.
Чтоб к положеньям моим ты не начал питать недоверья
Лишь потому, что твой глаз этих телец первичных не видит,
Я докажу, что бывают они несомненно в предметах

Даже тогда, когда глаз никакой их не может заметить.
Ветра порывы, во-первых, что волны морские колеблют,
Рушат суда величавые и облака разгоняют,
И одновременно бурей стремительно носятся в поле,
Ниспровергают деревья большие, высокие горы
Точат дыханьем крушительным: так с громыханьем свирепым
И угрожающим рокотом волны морские бушуют.
Да, без сомнения, ветер есть тело, невидное глазу,
Что океаны, и землю, и тучи на небе сметает,
И увлекает внезапно порывом стремительным с места.
Не по другому закону он движется, все разрушая,
Как и ручей, что спокойно течет, но в известное время
В дикий поток превращается и, от дождей пополняясь,
С гор ниспадает высоких своей многоводною силой,
Леса обломки и даже деревья таща за собою.
Часто при этом не могут мосты устоять под напором
Вод быстротечных, когда, от дождей помутившись обильных,
С силою рвется поток разъяренный к устоям могучим.
С грохотом сильным удар он наносит и в волны кидает
Камни огромные, все по дороге своей сокрушая.
Стало быть, так же должны проноситься и ветра порывы.
Ветры, подобные волнам потока, обломки предметов
В разные стороны мечут и сильным напором толкают,
По временам унося их с собою в вертящихся вихрях.
Ясно нам ныне, что ветры — тела, недоступные взору,
Так как по действиям явным и свойствам подобны потокам;
Эти ж последние суть, очевидно, тела по природе.

Далее. Запахи мы ощущаем от разных предметов,
Не замечая того, чтоб к ноздрям подступало что-либо.
Летнего зноя и холода тоже никак мы не можем
Зрением воспринимать, как не можем и звуков увидеть.
Все то однако являет телесное происхожденье,
Так как имеет способность известные чувства в нас тронуть:
Трогать и тронутым быть одному только телу присуще.
Платья, затем, на морском берегу, разбивающем волны,
Влагу приемлют, на солнце же снова они высыхают.
Но каким образом влага воды в них проникла, а также
Как испарила ту влагу жара, — невозможно увидеть.
Так на мельчайшие части свои распадается влага,
Их же никоим мы образом глазом не можем заметить.
Так же кольцо, что в течение долгих годов преходящих
Носишь на пальце ты, мало-по-малу становится тоньше.
Капель паденье дырявит скалу, а сошник искривленный

Плуга железного тупится в пашне для глаз незаметно.
Мы замечаем, что улицы, камнем мощенные, часто
Стерты ногами толпы; что стоят у ворот истуканы
Медные, коих десницы с годами становятся тоньше
От целования благочестивого мимо идущих.
Что уменьшилось все это, стираясь, для нас — очевидно.
Но заградила природа от взоров, какие частицы,
В пору какую от этих вещей незаметно отходят.
Видеть нельзя даже с помощью самого острого зренья
Тó наконец, что природа и время к вещам прибавляют
Мало-по-малу в заботе о их постепенном развитьи,
Так же, как тó, что отъемлют болезнь и преклонные лета.
Ты не увидишь того, чтó из камней, нависших над морем,
Едкая соль похищает во всякое время, затем что
Правит природа вещами посредством частиц тех незримых.

Но не повсюду материя в мире является тесно
Сплоченной, так как предметы в себе *пустоту* заключают.
Это узнать тебе будет полезно во всех отношеньях,
Чтоб от сомнений не впал ты в ошибку и в розысках долгих
О содержаньи вещей с недоверьем ко мне не отнесся.
(Есть, несомненно, в природе пустоты, пустые пространства).

Не существуй пустота, — невозможно бы было движенье
Всяких вещей, потому что телам постоянно присуще
Возле себя все теснить и оказывать сопротивленье;
Не в состоянии были б тела и вперед подвигаться,
Так как тела к ним ближайшие не уступали бы места.
В самом же деле, на море, на суше, на небе высоком
Явственно мы замечаем во всех направленьях движенье
Разнообразное; без пустоты же в природе не только
Отнята тотчас была бы способность предметов к движенью,
Но и родиться бы даже ничто не могло в этом мире,
И почивала бы всюду материи плотная масса.

Далее. Вещи, которые плотными люди считают,
Все же из пористых тел состоят, как ты видишь [21].
Так, сквозь пещеры и скалы подчас протекает
Жидкая влага воды и обильно сочится по капле.
Также по телу живущих существ разливается пища.
Сад, зеленея, растет и плоды наливает во время
Лишь потому, что в деревьях от корней, сокрытых глубоко,
Соки живительно льются везде по стволам и по веткам.

Звук проникает сквозь стены, в закрытые даже жилища
Перелетает, а холод до кости пронизывать может.

Без пустоты, по которой тела бы насквозь проходили,
Не подыскал бы ты этим явленьям других оснований.
Видел в вещах ты не раз, что одна тяжелей, чем другая
При одинаком объеме их тел. Отчего б это было?
Если б клубок шерстяной вещество заключал в себе то́ же,
Как и свинцовый комок, то и вес был бы равный в обоих.
Но так как свойственно каждому телу надавливать книзу,
А пустота по природе своей пребывает без веса,
То по объему великие вещи, но легкие весом
Нам указанье дают, что в них много пустого пространства.
Наоборот же, тяжелые вещи всегда указуют,
Что заключают материи много, пустот же в них мало.
Да! Таким образом то́, в чем мы ищем теперь объясненья,
Есть пустота, что является вечно в смешеньи с телами.
Чтобы от истины не уклонялся ты в этих вопросах,
Нужным считаю я выдумки кое-какие оспорить.
Так: говорят, что лоснящимся рыбам вода поддается
И уступает дорогу, которую вновь наполняет
Влагою после того, как те рыбы оставили место.
Так и другие все вещи могли б находиться в движеньи,
Переменяя места, несмотря на материи плотность.
На основаниях ложных построено мнение это,
Так как куда наконец в состояньи продвинуться рыбы,
Если б вода не очистила места? Куда отступать бы
Жидкость могла, если б рыбы совсем не могли подвигаться?
А потому: или должен ты вовсе движенье отвергнуть,
Или признать непременно смешение тел с пустотою,
Где получают все вещи в природе начало движенья.

Далее: если два плоские тела, столкнувшись, тотчас же
Быстро опять оттолкнутся, то нужно конечно, чтоб воздух
Снова наполнил собою пустое пространство меж ними.
Воздух вокруг этих тел, даже в быстром своем дуновеньи,
Все-таки сразу не может всего преисполнить пространства,
Но, разумеется, он поначалу наполнит собою
Место ближайшее, а уж потом остальным овладеет.
Тот ошибается, кто полагает, что это случилось
При раздвигании тел оттого, что тут воздух сгустился.
Тут пустота появилась, которой тут не было прежде,
И преисполнилось место, что ранее стало порожним.
Кроме того этим образом воздух не мог бы сгуститься,

А если б мог даже, то без пустот, полагаю, не стиснул
Он бы себя и своих бы частиц не сплотил воедино.
Так что, хотя не уверен ты очень в своих изысканьях [22],
Должен однако в вещах ты признать пустоту непременно.

Кроме того я бы мог тебе много привесть доказательств
Разных других, чтоб усилить доверье к моим положеньям,
Но даже эти примеры твой ум удовольствуют острый [23].
Так, наподобье собаки, что часто чутьем открывает
Диких зверей, по горам залегающих в зарослях темных,
Раз только ей на прямые следы нападать удается,
Можешь ты тоже все сам постепенно одно из другого
В этих вопросах узнать, проникая при помощи мысли
В скрытые дебри природы и истину там добывая.
Если же ты и ко всем этим доводам медлишь склониться,
То без большого труда я бы мог обещать тебе, Меммий,
В сладких речах, исходящих от сердца, разлиться широко,
Мощным подобно потокам, текущим из главных истоков.
Но я боюсь, как бы в члены мои не закралась змеею
Дряхлая старость и смерть узы жизни во мне не порвала,
Прежде чем в уши твои переслать я стихами успею
Тьму убедительных доводов в каждом вопросе отдельно.

Я продолжаю однако свое изложение дальше.
Сущность природы в себе самой два заключает начала:
В ней существуют тела, а равно и пустые пространства,
В коих тела залегают и двигаться могут различно.
Что существуют тела, говорит нам обычное чувство.
Если б его показаньям мы веры придать не желали,
То в изысканьях о разных вещах мы рассудком
Часто опоры найти б не могли в подтвержденье сужденья [24].

То́ же, что есть пустота, установлено соображеньем [25].
Если б пространства и места, что мы пустотой называем,
Не было вовсе, то негде бы было телам помещаться.
Двигаться также тела не могли б в направлениях разных:
Это тебе уже раньше отчасти доказано было.

Нет такой вещи в природе, о коей сказать мы могли бы,
Будто она с пустотою различна, не будучи телом [26],
Будто она составляет какое-то третье начало.
Каждый предмет, существующий в мире, каков бы он ни был,
Должен во что бы ни стало быть мал иль велик по размеру.
Раз осязать его можно, то, будь он хоть мал и ничтожен,

Все же к телам он причтется, началам их следуя вечным [27].
То́ же, чего осязать невозможно и что не способно
Сопротивляться движенью вещей, чрез него проходящих,
Есть то пространство порожнее, что мы зовем пустотою.

В мире мы видим всегда или то́, что воздействовать может
И поддается само же воздействию тел разнородных;
Или же то́, что лишь служит вместилищем всех этих действий.
Действовать и под воздействием быть в состояньи лишь тело.
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.
Вследствие этого меж [28] пустотой и телами в природе
Третьего первоначала какого-нибудь не бывает.
Так что бывает лишь *тело,* доступное нашему чувству,
И *пустота,* коей сущность мы можем постигнуть рассудком [29].

Все, что названье имеет, как видишь ты, есть или свойство
Двух сих начал основных, или есть только их проявленье [30]
Свойством мы то́ называем, что без разрушения вещи
Отнятым быть у нее и само отделиться не может.
В камнях примерно их вес; теплота — у огня; у напитка —
Влажность; у тел — осязаемость их; у пустого пространства —
Неосязаемость. Рабство, напротив, свобода, богатство,
Бедность, война, примиренье и прочие вещи такие —
Есть ли они или нет их — природу совсем не меняют.
Все эти вещи *явленьями* правильно мы называем.

Время же не существует само по себе, но в предметах
Мы его чувствуем все, когда в прошлом случилось что-либо,
Ныне ли что происходит, иль в будущем следовать будет [31].
И никого еще не было, кто бы рассматривал время
Вне его связи с движением тел и их сладким покоем [32].
Так что, когда говорят об увозе младой Тиндариды [33]
Или о сломленном войнами роде Троянцев, то должно
Твердо запомнить, что речь тут идет не о чем-нибудь сущем
И поколенья, при коих события эти свершались,
Невозвратимо унесены рядом веков предыдущих.
И, таким образом, действия все, совершенные в прошлом,
Могут быть названы лишь проявленьем вещей и пространства [34].

Далее: если б материи не было вовсе в предметах
Или же места того и пространства, где все происходит,
То никогда бы и пламень любви к красоте Тиндариды,
Что загорелся в груди молодой Александра-фригийца,
Славных не вызвал деяний на поприще брани жестокой.

Тайно бы конь деревянный не сжег у троянцев Пергама,
Грекорожденных мужей из себя среди ночи извергнув.
Можешь ты ясно понять, что дела, совершенные в прошлом,
Не заключают в себе бытия, как тела все в природе,
И с пустотой у них общего мы ничего не заметим.
Но на прямом основаньи их можно назвать проявленьем
Тел и пустого пространства, в котором все вещи творятся.

Дальше: материя частью является в виде первичных
Телец, а частью собранье телец таких представляет.
Тельца первичные те никакою не могут быть силой
Укоснены, так как плотностью все побеждают своею.

Очень возможно, не мало людей затруднится поверить,
Что существуют тела с безусловною плотностью в мире:
Ведь проникает же молния с неба чрез стены жилища,
Так же как звуки и шум; а огонь раскаляет железо.
Скалы — и те рассыпаются даже от сильного жара.
Твердое золото от нагреванья становится жидким;
Плотная медь, точно лед, расплавляется действием жара;
Сквозь серебро теплота и пронзительный холод проходят.
Чувствуем мы, когда чашу мы держим в руках по обряду,
Как наливается сверху росистая влага напитка [35].
Так что нам кажется, будто бы нет вполне плотного тела.
А между тем, как того и природа и здравый рассудок
Требуют, — я доказать здесь в немногих стихах постараюсь,
Что существуют тела из материи плотной и вечной:
Именно — тельца первичные, или зачатки предметов,
То́, из чего состоит существо сотворенного мира [36].

Прежде всего, укажу я, что сущность в обоих началах
Скрыта различная. Мы замечаем большое несходство
Между природою тел и пространством, вмещающим вещи.
То и другое начало должно быть в несмешанном виде [37],
Ибо в пространстве, где нет ничего, в пустоте по-иному,
Тел никаких не бывает. С другой стороны, где есть тело,
Там пустоты никакой не бывает. Поэтому, значит,
Плотны первичные тельца; они пустоты не содержат.

Кроме того еще: если в рожденных вещах пустота есть.
То вкруг нее и материя плотная также должна быть.
И допустить невозможно бы было при здравом рассудке,
Чтобы скрывалась в вещах пустота, пребывая внутри их,
И чтобы то, чем она окружается, не было плотным.

То́, что внутри всех вещей пустоту замыкать в состояньи,
Может ли быть чем иным, как сплоченьем материи тесным?
Значит, материя, что состоит лишь из плотного тела,
Может быть вечной, а прочее все подлежит разложенью.
Если бы не было вовсе на свете пустого пространства,
Все б было плотным, а если б материи не было вовсе,
Непроницаемой той, что объемлет и все наполняет,
Все бы пространство одну пустоту представляло собою.

Так различаются между собою тела и пространство,
Но на первичных телах лишь видна эта разница, так как
Нет ничего кроме них, что являлось бы плотным всецело
И невозможно без них безусловно пустое пространство.
Силою внешней первичных сих тел разделить невозможно,
Как невозможно раскрыть изнутри, в глубину проникая.
И размягчить их нельзя никакими судьбами, как было
Мною тебе уж доказано вкратце в стихах предыдущих [38].
Без пустоты никакие тела [39] не способны столкнуться,
Ни разрушаться, ни надвое даже делиться сеченьем.
Тельца первичные влаги совсем не приемлют, и холод
Не проникает сквозь них, и огонь их разрушить не может [40].
В общем, чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем они более склонны бывают всегда к разрушенью [41].
А так как плотны первичные тельца, как сказано выше,
И пустоты не содержат, то вечны они несомненно.

Далее, если б материя не была вечной, давно бы
Весь существующий мир совершенно в ничто обратился,
И из ничтожества снова родилось бы все, что мы видим [42].
Но, как уж раньше сказал я тебе, ничего не родится
Из ничего и обратно не может в ничто обратиться.
А потому несомненно бессмертны [43] первичные тельца,
В кои по смерти своей разложиться должно [44] все на свете,
Чтобы в грядущем материю новым созданьям доставить.
Значит, первичные тельца ввиду простоты своей плотны,
Иначе как бы они сохраняли свою долговечность
И от времен незапамятных миру несли возрожденье?

Далее надо заметить, что если бы наша природа
Не положила пределов делимости тел, то зачатки
Были б к такому ничтожеству сведены прежним дробленьем,
Что уж к известной поре ни одно из существ нарожденных
Зрелого возраста не в состоянии было б достигнуть.
Мы наблюдаем, что вещи скорее разрушиться могут,

Чем народиться опять; оттого те предметы, что в годы
Давнопрошедшие и в продолженье веков многолетних
Были раздроблены, сокрушены и распались на части,
Восстановиться опять не могли бы в позднейшее время.
Ныне мы знаем уже, что пределы делимости тела
Прочно поставлены, все потому возрождается в мире.
Возраст известный при этом назначен для каждой породы,
Чтобы цветущей поры своей жизни она достигала.

Должен добавить я: как бы материя разных составов
Ни была сплочена, все же способна она размягчаться
И, подвергаясь влиянию силы какой-нибудь, может
Стать чем угодно нам: воздухом, паром, водой и землею [45].
Наоборот, если б мягкими были первичные тельца,
То не постигли б мы, как из них твердый кремень и металлы
Произойти бы могли. И природа во всех отношеньях
Всех оснований своих лишена бы была совершенно.
Сильны зачатки первичные плотностью и простотою.
Чем же тесней они сплочены, тем они крепче способны
Сдерживать все и притом обнаружить могучие силы.

Если допустим, предел раздробления тел не поставлен,
Все ж несомненно, что кое-какие тела сохранились
От стародавних времен и доныне еще существуют,
Превозмогая опасности всякие и разрушенье [46].
Но так как хрупкой природою все обладают предметы,
То непонятно нам было бы, как всем телам этим древним
Жизнь сохранить удалось под ударами стольких столетий.
Вследствие этого точный предел установлен для жизни
И для развитья, присущего каждой породе созданий.
И по законам природы всегда установлено точно
Все, что возможно и что невозможно для каждой породы
Без изменения. Даже напротив, с таким постоянством
Все проявляется здесь, что у птиц одного и того же семейства
Мы замечаем на теле всегда одинакие пятна.
А потому вещество неизменное быть должно в теле
Каждой породы. Когда бы первичные тельца в природе
Были бы склонны меняться как-либо под разным влияньем,
То никогда мы не знали бы, что породить они могут
Или не могут, какие границы поставлены силе
Разных существ и какие пред ними конечные цели [47],
И в поколеньях родящихся не повторялись бы вечно
Склонности, нравы, движенья, привычки и свойства породы.

В каждом предмете бывает последняя, крайняя точка;
Точка, которая неуловима для нашего чувства
И, несомненно, частей составных никаких не содержит.
Это — наименьшее тело в природе. Отдельно от прочих
Не существует оно, и значенья оно не имеет [48],
Так как само существует как часть лишь другого предмета,
Первая и в то же время последняя. Части такие,
Сходные между собою по роду, теснятся друг к дружке,
Чтобы, сплотясь воедино, наполнить природу вещами [49].
И так как сами они по себе не имеют значенья [50],
То бытие обеспечить стремятся взаимным сцепленьем.
Но не в виду только встречи взаимной так сплочены тельца;
Более в силу тех свойств, что присущи всем тельцам простейшим.
Их уменьшать и урезывать не допускает природа,
Оберегая всегда их в себе как зачатки предметов.
К этому: если бы не было в мире наименьшего тела,
Тело мельчайшее из бесконечных частей состояло б,
И без конца пополам бы делилися в нем половины.
Мы бы не видели разницы между мельчайшею вещью
И. величайшей. Подобно тому, как и в целой вселенной
Вещи в числе бесконечны, так каждое малое тело
Равным бы образом из бесконечных частей состояло.
Так как противно рассудку то здравому и невозможно
Этому верить, то я с убеждением высказать должен:
Что существуют тела неделимые вовсе на части
И по природе наименьшие. Если мы их допускаем,
То признавать в них должны неминуемо плотность и вечность.

Далее, если б природа творящая не разлагала
Все то, что создано ею, на части мельчайшие эти,
То из погибших вещей уж создать ничего не могла бы,
Так как в телах, состоящих из многих частей, не бывает
Необходимых условий материи производящей,
Как-то: сцепленья различные, вес, столкновенья, удары,
Также движение, через которое все возникает [51].

Вследствие этого, думаю, те, что огонь почитали
Производящей материей и из огня выводили
Весь существующий мир, далеки чрезвычайно от правды.
Муж Гераклит поучал так, первейший застрельщик сраженья,
Славный туманностью речи скорей средь людей недалеких,
Чем среди вдумчивых греков, ретивых искателей правды.
Глупые люди всегда почитают и любят не мало
Всякие обиняки, что скрываются между словами,

Правдой лишь то признавая, что слух им приятно ласкает,
То, что прикрашено блеском речей и красивых созвучий.
Но я спрошу, — почему столь различными могут быть вещи,
Если и подлинно все они в пламени чистом возникли?
Мы ничего не получим, сгустим ли огонь мы горячий
Или его разредим, если части огня по природе
Однообразны и сходны с огнем вообще в его целом.
Через сближенье частиц увеличим мы пламя;
Эти частицы рассеяв, его мы, напротив, ослабим;
Но ничего не случится другого от этой причины,
В том будь уверен ты; и никогда столь различные вещи
От разреженья огня и сгущенья его не возникли б.

Кроме того, допуская еще пустоту у предметов,
Можно огонь уплотнить и его разредить как угодно.

Те же ученые доводов много противных приводят
И не хотят признавать, что в вещах пустота существует.
Так, из боязни запутаться, путь они верный теряют,
Не понимают притом, что, не будь пустоты в нашем мире,
Все бы сплотилось и телом единственным стало из многих.
Тело такое, притом, ничего испускать не могло бы,
Как, для примера, огонь, что и свет и пары испускает,
Тем указуя, что он составляет неплотную массу.
Но допускают они, что каким-нибудь образом пламя,
Вдруг уплотнившись [52], погасло и тем свою суть изменило.
Если б случилося то, как упорствуют все эти люди,
То, несомненно, огонь бы в ничтожество впал совершенно [53],
И созидалося все бы тогда из ничтожества [54], так как
Вещи, меняя свой вид, из пределов своих выступая,
Перестают быть немедленно тем, чем они были раньше;
Все же должно что-нибудь из огня нерушимым остаться,
Иначе будешь ты видеть, как мир весь в ничто обратится
И из ничтожества вновь совокупность вещей разовьется.

Ныне нам ясно: тела существуют на свете такие,
Кои всегда неизменной природу свою сохраняют,
Но их присутствие или отсутствие и измененье
Их распорядка меняет порою [55] природу предметов.
То, что тела эти не заключают огня, — видит каждый.
Если б природа вселенной в себе лишь огонь заключала,
То прибавляй, убавляй что угодно, а также
Телец порядок меняй, ничего получиться не может:
То, что огнем рождено, лишь огнем и должно оставаться.

Вот мое верное мненье. Тела существуют такие,
Коих стеченье, порядок, движенье, фигуры и формы
Вызвать способны огонь. Изменяя свое положенье,
Также природу меняют они. Но с огнем у них сходства
Нет, как и с теми вещами, от коих могли бы частицы
К нашему чувству нестись, чтоб задеть его прикосновеньем.
Да! Говорить, что весь мир есть огонь, утверждать с Гераклитом,
Будто бы всякая вещь не считается истинной вещью,
Если она не огонь, — нахожу я весьма сумасбродным.
Борется с чувством философ тот и против доводов чувства,
Ниспровергая все то, от чего достоверность зависит,
И через что он же сам получил об огне представленье.
Он признает, что познать можно с точностью чувством лишь пламя,
Все отрицая другое, будь даже оно очевидно.
Мненье такое считаю я вздорным и прямо безумным.
Где ж мы найдем достоверность? И что есть надежнее чувства,
С помощью коего правду всегда мы от лжи отличаем?

Но почему предпочтительней все отрицать без разбора,
Только огню одному придавая значенье в природе,
Чем отрицать в ней огонь, признавая лишь все остальное?
То и другое, могу я сказать, одинаково глупо.
А потому, кто материей мира огонь почитает
И полагает, что сущее все из огня сотворилось,
Равно и те, кои воздух началом творенья считают,
Или по мнению коих вода своей собственной силой
Образовала все вещи, и кто наконец утверждает,
Что создала все земля, претворившись в природу вещей всех, —
Все удаляются очень от истины, я полагаю.
Также и те, кои предполагают двойное начало:
Воздух, примерно, с водой сочетают, а воду с землею;
Кто наконец из стихий четырех этих мир образует:
То-есть из пламени, влаги, земли и воздушных течений.

Между последними стал во главе Эмпедокл Агригентский.
На берегах своих вырастил остров его треугольный [56],
Влагой Ионийского моря омытый в широких заливах,
Там, где лазурные волны холодную пену кидают,
Там, где, чрез узкий пролив протекая стремительно, море
Берег Сицилии от Италийской страны отделяет.
Здесь на просторе Харибда лежит. Здесь и Этна вещает
Рокотом грозным своим о пылающем скопище гнева,
Что из расщелин открытых огня извергает потоки
И небосводу огонь молньеносный назад возвращает.

Эта страна удивление вызвала разных народов
Вследствие многих причин, и достойна она обозренья,
Многими благами славясь и силой оружия граждан.
Но изо всех этих благ, как мне кажется, самым прекрасным
Самым святым, драгоценным, вниманья достойным был муж тот,
Так как в божественном сердце его зарожденные песни
Громко звучат до сих пор, излагая такие открытья,
Что человеком едва мы его признаем по рожденью.
Он, как и много других, упомянутых раньше ученых,
Ниже стоящих его и сравнительно более мелких,
Хоть и измыслили многое по вдохновению свыше,
Из глубины сокровенной сердец изрекли свое мненье,
Все ж оно праведней и достоверней во всех отношеньях
Пифии, что на треножнике в Фебовых рощах вещает.
Да, потерпели крушенье они в объясненьи природы,
Но в величавом паденьи великими все ж остаются [67].

Прежде всего, исключив пустоту из предметов, движенье
Все же они признают, допускают при этом неплотность
Разных вещей, пустоту отвергая как примесь в составе,
Воздуха, пламени, солнца, земли и плодов, и животных [68].

Далее, также конечных пределов в делимости тела
Не допускают они и не ставят границы дробленью;
Тела наименьшего также в вещах признавать не желают.
Между тем видим мы в каждом предмете предельную точку,
Что нашей мысли [69] дает себя знать, как наименьшее тело.
Ты убедиться в том можешь, что крайняя точка предметов,
Неуловимая глазу, и есть их наименьшее тело.
Кроме того все первичные тельца вещей, по их мненью,
Мягки, а значит, являют позднейшее происхожденье
И состоят из материи хрупкой, подверженной смерти.
А потому обратиться в ничто вся природа должна бы [60];
И сотворенный в ничтожестве мир разрастался бы снова.
То и другое, как ты понимаешь, далеко от правды.
Тельца такие враждуют притом меж собою и служат
Ядом друг другу. Сошедшись, они бы погибли от тренья
Или же врозь разметались подобно тому, как при буре
Молнии, ветры и дождь разлетаются, как мы то видим.

Если рождается все из стихий четырех и, напротив,
Если все вещи по смерти туда возвращаются снова,
То почему же стихии началом вещей всех зовутся,
А не зовутся все вещи началом, родившим стихии?

Тут ведь одно из другого рождалось бы, вид и окраску,
Как вообще всю природу, меняя свою постоянно?

Может быть, думаешь ты, что сплотился в едином составе
Воздух небесный с землею, с огнем и росистою влагой,
Не изменяя при этом ни в чем своих свойств прирожденных?
Но из такого состава создать ничего ты не можешь:
Ни оживленных существ, ни безжизненных тел, ни деревьев.
И в сочетаниях даже различных стихии покажут
Каждая свойства свои. Так что воздух, с землею смешавшись,
Тотчас себя обнаружит, и жар сохранится во влаге.
Всем же первичным началам в рожденных созданиях должно
Скрыто природу свою проявлять незаметным влияньем,
Во избежанье препятствий к тому, чтобы эти созданья
Все народиться могли бы в присущих им собственных свойствах.

Ищут те люди начала на небе в огнях его светлых,
Мысль проводя, что впервые огонь превратился в теченье
Воздуха, этот последний дожди накопил, из дождей же
Образовалась земля. Из земли создалася, напротив,
Сызнова влага, из влаги же воздух, из воздуха — пламя.
Так производится будто бы смена веществ, нисходящих
С неба на землю и вновь восходящих к светилам небесным;
Но не бывает того с основною материей мира.
Кое-что вечно должно неизменным остаться в природе,
Чтобы в ничтожество впасть не могли сотворенные вещи,
Так как все вещи, меняясь, пределы свои преступая,
Перестают быть немедленно тем, чем они были прежде.
А потому те стихии, о коих недавно сказал я,
Будучи склонны меняться, должны непременно создаться
Из чего-либо иного, что вовсе меняться не может;
Иначе до основанья весь мир твой в ничто превратится.
А потому согласись ты скорее, что некие тельца
Свойством таким снабжены. Если пламя они образуют,
То равным образом могут создать дуновение ветров,
Кое-чего понемногу прибавив к себе иль отбросив,
Иль изменив положенье свое и порядок движенья.
Так одни вещи посредством других изменяются вечно.

Ты возразишь: указует всегда очевидность, что в область
Воздуха все существа из земли вырастают [61]. К тому же,
Если погода не благоприятствует в нужное время,
Если от гроз и дождей проливных не колеблются рощи,
Если и солнце не явит себя, теплоту разливая, —

То вырастать ни плоды, ни деревья, ни звери не могут.
Истинно: если бы твердая пища и сладкий напиток
Не подкрепляли нас, наши тела уж давно бы распались,
И отлетела бы жизнь вся из наших суставов и членов.
Но подкрепляемся мы, без сомненья, и в пищу приемлем
Вещи одни, а созданья другие приемлют иное.
Так как в составе различных вещей заключается много
Телец первичных, присущих и прочим вещам, то конечно
Необходимо, чтоб вещи одни подкреплялись другими.
Много значенья имеет и то, с чем первичные тельца
Связаны, и положенье, какое они занимают;
Также и то, каким образом в них происходит движенье, —
Так как из той же материи [62] созданы небо и солнце,
Море и суша, и реки, и лес, и живые все твари,
Только различный состав и движенье они заключают.
Множество букв одинаких ты в песнях моих замечаешь,
Все же стихи и слова меж собой совершенно не схожи
И отличаются сутью своей и оттенками звуков.
Азбука выразит многое перестановкой одною,
Но еще многообразнее тел родовых сочетанья,
Чтобы оттуда могли возникать разнородные вещи.

Взглянем теперь мы на гомойомерию Анаксагора,
Как называется это ученье у греков, — родное
Наше наречье названием точным его не снабдило [63].
Все-таки суть мирового порядка, что носит названье
Гомойомерии [64] очень легко мы изложим словами.
Анаксагор поучает [65], что кость состоит из мельчайших
Косточек; равным же образом мясо из мелких частичек
Мяса слагается; также и кровь, что течет у нас в жилах [66],
Образовалась из множества слившихся капелек крови.
Воздух таким же путем составляют мельчайшие крошки
Воздуха [67], и из мельчайших частиц земляных создалася
Наша земля, как из пламени — пламя, а влага — из влаги.
Прочее, думает он, образуется тем же порядком,
Но отрицает он, что пустота существует в предметах,
Также как то, что дробление тела имеет границы.
Кажется мне, потому он впадает в двойную ошибку,
Как и мыслители те, о которых мной сказано выше.
Кроме того у него слишком хрупки первичные тельца.
Если они одинакие свойства содержат с вещами,
Кои от них происходят, и действия их одинаки,
И погибают они и ничто не мешает им гибнуть,
Что же тогда бы от них сохранилось при натиске сильном?

Что избежало б в них гибели между зубами у смерти?
Воздух, вода иль огонь? или кости и кровь? иль иное?
Нет, мне сдается, ничто; и тот мир, что из сходных с ним телец
Создан, подвержен всегда будет смерти, без всяких сомнений,
И на глазах наших действием сил каких-либо погибнет.
Но невозможно, чтоб вещи в ничто обратились, а также —
Чтоб создались они из ничего, как доказано выше.

Кроме того, так как пища растит и питает нам тело,
Следует нам согласиться, что кровь наша, кости и жилы [68],
Словом — все тело включает в себе чужеродные части.
Если допустим, что вся наша пища есть сборное тело
И заключает в себе в уменьшенном значительно виде
Кости и всякие жилы и части запекшейся крови [68*],
То мы признаем, что также питье, как и твердая пища,
Видимо, из чужеродных слагается разных частичек,
То-есть смешения косточек, жил и запекшейся крови [68**].

Далее. Разного рода тела из земли вырастают.
Если уж в самой земле обретается все то, что ею
Создано, то и земля состоит из частей чужеродных.
В тех же словах приложу я пример свой к предмету другому.
Если скрывается в дереве пламя с золою и дымом,
То состоит само дерево это из тел чужеродных.
Также и почва, питая тела и плоды их, должна вся
Из чужеродных вещей, возникающих в ней, составляться [69].

Здесь остается еще одно тонкое средство защиты,
Анаксагором принятое. Он говорит, что к вещам всем
Скрыто, невидимо все без изъятия примешаны вещи,
Но выступает наружу лишь то, чего вмешано больше,
Или же то, что виднее и что на поверхность всплывает.
Мненье такое однако далеко от верного взгляда.
В этаком случае злаки, которые жернов тяжелый
Крошит на мелкие части, нередко б на нем оставляли
Признаки крови и прочего, что наше тело питает,
И потекли б капли крови при трении камня о камень.
Равным же образом разные травы должны б были часто
Каплями сладостный сок выпускать, одинакий по вкусу
С тем молоком, что из вымен овцы шерстоносной сочится.
В глыбах разрытой земли можно было бы часто заметить
Виды различные трав, и плоды, и зеленые ветви.
А наконец и в расколотом дереве мы б увидали
Множество огненных блесток, таящихся в пепле и дыме.

Но очевидно, подобного произойти не могло бы.
Следует знать, что такого смешенья вещей не бывает,
Но что должны находиться в различных предметах зачатки,
Общие многим предметам в смешении многообразном.

Но на горах, возразишь ты, высоких бывает порою,
Что от взаимного тренья верхушек двух смежных деревьев,
Силой могучею южного ветра сведенных, нежданно
Яркий огонь, охвативши их оба, блестит и сверкает.
Это бывает. Но в дереве все же не кроется пламя.
Пламени в нем лишь зачатки таятся, которые треньем
Соединяются вместе, лесам причиняя пожары.
Если б готовое пламя таилось в лесах постоянно,
Верь, ни в какое бы время оно не могло укрываться,
Но охватило бы все и сожгло бы сады и дубравы.
Чтоб в вышесказанном ты убедился, я вот что прибавлю;
Много имеет значения, *как* сочетаются тельца
Эти первичные и в положеньи каком пребывают;
Также, какое движенье друг другу дают и приемлют,
Так что, чуть-чуть изменив сочетанья, они образуют
Пламя из дерева. Это и в самых словах мы заметим.
Звуками мы отличаем понятия ligna от ignes [70],
В буквах почти одинаких слегка изменивши порядок.

Если же ты относительно разных вещей очевидных
Думаешь, что возникать они могут под тем лишь условьем,
Чтоб обладали зачатки их сходною с ними природой,
То от тебя ускользает понятие телец первичных.
Тельца такие могли б хохотать, сотрясаясь от смеха,
И увлажняли б соленые слезы глаза их и щеки.

Но ободрись! и точнее узнай, что осталось сказать мне,
Не обольщаюсь я: многое темным еще остается,
Но ожиданье похвал поселяет мне в сердце охоту
И в то же время в груди поощряет любовь мою к музам,
С помощью коих я, острым чутьем и умом подкрепленный,
Темные дебри в полях Пиэрид [71] исхожу, где дотоле
Не был никто. Я источников девственных первый достигну;
Первый оттуда черпну и нарву я цветов себе новых,
Чтобы стяжать для своей головы тот венок знаменитый,
Коим еще до меня никого не украсили музы.
Прежде всего потому, что о важных вещах я толкую,
Души от тесных оков суеверья стараясь избавить.
Ясные песни свои я слагаю, затем, о предметах,

Тьмою объятых, и муз обаянье на мир изливаю.
Это последнее, кажется, не лишено основанья.
Я поступаю, как врач. Когда горький полынь он ребятам
Маленьким дать пожелает, сперва по краям свою чашу
Сладкою влагой янтарного меда немного он мажет,
Чтоб услажденьем губ их неопытный детский рассудок
Ввести в заблужденье. Так без труда поглощается ими
Горькая жидкость полыни; и этот обман не вредит им,
Наоборот — еще более восстановляет здоровье.
Так же и я поступаю. Мое рассужденье для многих
Непосвященных покажется скучным; толпа отвернется
Вся от него, и я задался целью ученье это
В сладких и звучных стихах Пиэрид изложить пред тобою
И, так сказать, его сдобрить поэзии сладостным медом,
Чтобы хоть этим путем удалось мне стихами своими
Твой испытующий ум направлять, пока ты не узнаешь,
Что составляет природу вещей в проявленьях внешних.

Как я сказал уже раньше, материи плотные тельца
В вечном движеньи находятся, непобедимы годами.
Ныне посмотрим мы, — есть ли пределы числу этих телец
Или же нет, существует ли то, что зовут пустотою,
То-есть пространство и место, в котором все зиждутся вещи? [72]
Взглянем же, заключено ль оно в целом в предельные грани,
Иль бесконечно оно в необъятную глубь распростерлось?

Не существует границ ни с одной стороны во вселенной,
Так как в противном и вне ее нечто должно находиться.
Нечто стоящим вне вещи никак мы не можем представить,
Если в ней нет ничего, что ее означает границы,
Дальше которых она недоступна природному чувству [73],
Но допустить вне вселенной нельзя бытия никакого.
А потому нет границ у нее, ни конца, ни размеров.
Все-равно в странах каких бы тебе ни пришлось находиться,
Даль одинакая будет во всех направлениях, так как
Всюду вселенная перед тобой бесконечно простерта.

Далее, если мы даже допустим границы пространства
И предположим, что некто, успешно достигнув
Края предельного, выстрелил там бы снарядом летучим [74],
То полетел ли бы этот снаряд по тому направленью,
Кое дается ему приложеньем силы известной,
Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?
С тем иль с другим согласиться ты должен во что б то ни стало.

То и другое тебе доставляет решенье, которым
Ты убеждаешься, что безгранично пространство вселенной [75].
Так как понятно, что пущен снаряд не у самого края,
Ни при том случае, если б лететь ему что-то мешало,
Ниже тогда, если б он в самом деле унесся в пространство [76].
Так вот тебя я преследовать буду: в какое бы место
Выстрела ты ни направил, спрошу я: что стало с снарядом? [77]
Значит, в пределах конечных пространство замкнуться не может,
И от летящего вечно вселенная цель удаляет.

Если б к тому же пространство вселенной во всем ее целом
Замкнуто было кругом и в известных пределах лежало
И находился конец в нем, давно б вся материя мира,
Собственной тяжестью книзу влекома, слилась с преисподней,
И ни одно существо не росло бы под сводами неба.

Не было б самого неба, — и солнца лучи не светили б,
Так как, в комок бы свернувшись, материя косно лежала
И оставалась бы так от времен бесконечных навеки.
Ныне же, знаем мы, косности в первоначальных зачатках
Нет никогда и нигде, как и нет вовсе дна, где могли бы
Эти зачатки стекаться и там пребывать без движенья.
Все нарождаются вещи всегда в беспрестанном движеньи.
Всюду во всей необъятной вселенной они почерпают
Из бесконечности быстрые тельца материи вечной.

Видим же мы наконец, как одна вещь граничит с другою:
Воздух вершинами гор ограничен, а воздухом — горы;
Море — граница земли, у земли же кончается море.
Но ничего нет такого, что мир ограничить могло бы,
И таковая природа присуща пространству и месту.
Пусть бы река величавая, вдаль устремившая воды,
Вечно струи бы катила свои в бесконечном пространстве,
Все ж она не была б ближе к концу, чем была при истоке [78].
Так далеко простирается всюду по всем направленьям
Сонмище неисчислимых вещей без конца и пределов.
Строго природа блюдет, чтоб вещей совокупность пределов
Ставить себе не могла, между тем как тела пустотою
Принуждены ограждаться всегда, пустота же — телами.
Этим взаимным воздействием сделался мир бесконечным.

Если б одно для другого границею не было точной
В силу природы самой и лежало бы все без пределов [79],
То ни морей, ни земли, ни простора небес лучезарных,

Также ни рода людей, ни священного тела бессмертных
Существовать не могло бы и самое краткое время.
Множество тел, отложившись от массы материи общей,
Вечно б носилось тогда, в пустоте растворяясь громадной.
И никогда бы они не сплотили какой-нибудь вещи,
Так как сдержать их при том беспорядке ничто не могло бы.

Истинно: тельца первичные все при своих сочетаньях
Твердым порядком и ясным сознаньем не руководились
И не условились раньше, какое кому дать движенье.
Многообразно меняясь во всем бесконечном пространстве,
Пробуя всякие роды движения и сочетаний,
Силой ударов, толчков непрестанно они потрясались
И наконец оказалися в тех положеньях, в которых
Вся совокупность вещей сотворенных находится ныне.
Раз сообразное между телами движенье явилось,
То они долгие, многие годы его сохраняют;
И оттого происходит, что реками жадное море
Воды питает свои и что солнцем согретая почва
Новые родит плоды, процветают породы животных
И в небесах, по эфиру блуждая, сияют светила.

Но это все не случилось никоим бы образом, если б
Масса материи из бесконечности не возникала,
Где постоянно погибшее все возрождается к жизни.
Так же, как жизнь угасает животных с утратою тела,
Пищи лишенного, должен погибнуть весь мир несомненно,
Если материя вечная, с правильной сбившись дороги,
Вдруг перестанет природу снабжать родовыми телами.

Также и внешним влияньем толчков сохранить невозможно
Всю совокупность вещей, как она по началу сложилась.
Правда, толчки, повторяясь, могли б сохранить их отчасти
До появления новых веществ, чтоб утрату пополнить.
Но так как эти толчки отражаться должны непременно,
Предоставляя зачаткам первичным пространство и время,
Чтоб уноситься свободно долой, оторвавшись от массы,
То, значит, нужно, чтоб множество тел обновлялося вечно.
Даже влиянье указанных внешних толчков допуская,
Здесь проявиться должна бесконечной материи сила.

В этих вещах ты всегда избегай заблужденья, Меммий,
Будто бы к точке срединной вселенная вся тяготеет,
А потому безо всяких воздействий, извне исходящих,

Существовать бы могла, и ничто в ней ни кверху, ни книзу
Не отлагается, так как теснится тут все к середине.
Не доверяй, чтобы вещи держалися сами собою,
Чтобы тяжелая масса камней, под землею лежащих,
Вверх поднималася вдруг и потом опускалась обратно,
Напоминая нам то, что мы в волнах всегда замечаем.

Равным же образом нам говорят, что живые созданья
Прямо под нами живут, но с земли им упасть невозможно
В области нижние неба, подобно тому как не можем
Собственной силою мы подниматься ко сводам небесным;
Будто бы видят созданья те солнце, когда у нас звезды;
Будто бы их время года всегда чередуется с нашим
И одновременно с нашими днями их ночи бывают.
Людям пустым внушено это все заблуждением вздорным,
Так как уж с первых шагов их понятия были превратны.
Где бесконечно пространство и место, что-либо не может
Быть в середине; и если б была середина, то в ней бы
Все помещаться не больше могло, по той самой причине,
Нежели в месте любом, далеко от нее отстоящем [80],
Так как пространство и место, что мы пустотой называем —
Будь серединой она или нет — уступать в равной мере
Тяжестям всяким должно и движение в нем происходит.
В мире нет места такого, достигнув которого, вещи,
Тяжесть утратив свою, в пустоте находиться могли бы;
И оттого, что всему пустота уступает дорогу,
По своим свойствам она ничего поддержать не способна.
И таким образом держатся вещи в известном порядке
Не потому, что стремленье одно их влечет к середине.

Предполагают, затем, что не всякому телу присуще
К этой средине тянуться, а землям, к примеру, и водам,
Волнам морским и потокам, что с гор ниспадают высоких,
Словом тому, что как-будто земные тела заключает.

Воздух прозрачный, согласно такому ученью, напротив,
Как и палящий огонь уклоняются от середины,
Так: теплота, от средины стремясь, свое пламя скопляет,
И оттого вокруг звезд трепетанье эфира бывает,
И среди неба лазурного солнце сбирает огонь свой.
Но не таким ли путем от земли все питаются твари? [81]
Вверх не могли бы расти у деревьев зеленые ветви,
Если б земля понемногу питания им не давала [82].

Сверху, по этому мненью, все сущее небом покрыто,
Чтоб по летучему свойству огня за пределы вселенной
Не улетели светила, в пространстве пустом исчезая
И целый мир увлекая вослед за собою туда же;
И чтоб не рушились из-за небес громоносные выси,
Чтобы внезапно земля из-под ног не исчезла и мир весь,
Перемешавши обломки небес и земли в беспорядке
И разложившись на части, не впал в пустоту преисподней,
Так что со временем здесь ничего не осталось бы больше
Кроме пустыни пространства и темных зачатков природы.

Да, в какой части ни стали б слабеть родовые зачатки,
Часть эта станет немедленно дверью открытою смерти,
Через которую выйдет материя вся без остатка.

Все тут одно из другого становится ясным, и, если
Понял меня ты, труды приложив небольшие, с дороги
Ночь не собьет тебя больше, и узришь ты тайны природы.
Так одна вещь постоянно должна освещаться другою.

Сладко, когда на поверхности моря, взволнованной ветром,
С берега ты наблюдаешь большую опасность другого;
Не потому, что чужая беда тебя радует сильно,
А потому, что приятно себя вне опасности видеть.
Также приятно смотреть на могучие подвиги брани,
Стоя вне поля сраженья, на месте вполне безопасном.
Но ничего нет милее, как жить в хорошо защищенных
Храминах светлых, воздвигнутых славным учением мудрых.
Можешь оттуда людей разглядеть ты и их заблужденья,
Видеть, как ищут они в колебаньях путей себе в жизни,
Как о способностях спорят они и о знатном рожденьи,
Ночи и дни напролет проводя за трудом непрестанным,
Чтобы достигнуть богатства большого и власти высокой.

Жалкие души людские! Сердца ослепленные смертных!
В скольких опасностях жизни, в каких непроглядных потемках
Тщется краткий ваш век! Неужели для вас непонятно,
Что ничего для природы не нужно иного, как только
Сладостным чувством души наслаждаться спокойно, из тела
Всякую боль устранив и откинув весь страх и заботы?
Мы наблюдаем, что нашему телу по самой природе
Нужно немногое, чтоб из него удалить все страданья
И вместе с тем ему много доставить таких наслаждений,
Слаще которых не требует даже оно от природы.

Если в дворце твоем нет золотых изваяний, что в виде
Отроков юных лучистые факелы держат в десницах,
Пусть освещаются пиршества ночью светилами неба.
Если твой дом серебром не сверкает и златом не блещет,
В сводах его разукрашенных звуки кифары не льются,
Все же ты можешь, на мягкой зеленой мураве простершись,
На берегу ручейка, под ветвями тенистых деревьев
И без малейших хлопот усладительный отдых дать телу;
А особливо, когда улыбнется весна и цветами
Всюду она окропит изобильно зеленые травы.
Жар лихорадки спадет не скорей в твоем теле, когда ты
На разукрашенных тканях лежишь иль на пурпуре красном,
Чем когда должен покоиться ты на простом покрывале.
В силу того, так как прибыли нашему телу нималой
Не принесут ни богатство, ни слава, ни знатность рожденья,
То для души это лишнее также и вовсе без пользы.

Может быть, впрочем при виде твоих легионов на поле,
В пламенном рвеньи готовых сражения зрелище вызвать,
Или же флота, снующего по морю с жаждой сразиться,
Страх наводящие вероученья от этих предметов
Робко покинут твой дух, а боязнь перед смертью оставит
Сердце свободным в тебе и лишенным забот всевозможных?
Все эти вещи нам кажутся шуткой и детской забавой.

Вправду, боязнь человека и многие всюду заботы
Не устрашаются звуком оружья и стрел не боятся.
Между царями они и владыками мощными мира
Смело вращаются и не питают почтенья ни к блеску
Золота, ни к красоте ослепительной пурпурных тканей.
Можешь ли ты сомневаться, что только по бедности мысли
Большею частью во тьме совершается жизнь человека?
Так как, подобно детям, что дрожат и вещей всех боятся
В мраке ночном, и мы также страшимся иного при свете.
А между тем ничего нет, чего нужно больше бояться,
Нежели вымыслов, ночью детей напугать лишь способных.

Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.

Ныне скажу я, какие движенья зачатков первичных
Разные вещи рождают, родивши же, вновь разлагают;
Сила какая к тому их толкает; какая подвижность

Придала им, чтоб они чрез пространство могли пробираться.
Все это я изложу; ты ж внимателен будь к моей речи.

Части материи между собою не сомкнуты плотно.
Видим мы, как уменьшаются многие вещи в объеме
И в продолжение долгого времени, так сказать, тают,
А наконец даже вовсе из глаз исчезают под старость.
Между тем вся совокупность вещей остается все той же.

Могут тела отлагаться от вещи; и там, где отходят,
Вещь уменьшается, где же приходят, — она возрастает [83],
Так что одно расцветает, другое же старится ими.
Косность вещам не присуща, но все обновляется вечно.
Смертные все существа постепенно живут, чередуясь:
Племя одно возрастает, другое же чахнет, напротив;
И поколенья животных сменяются в краткое время,
Передавая на быстром ходу факел жизни друг другу [84].
Думая, что прекратить все движения могут зачатки
И вслед затем возбудить меж вещами ряд новых движений,
Ты уклоняешься очень далеко от верного взгляда.
Вечно в пространстве блуждают они и должны непременно
Или от действия собственной тяжести прочь относиться,
Или же силой толчка, когда, встретившись в быстром движеньи,
Вдруг они в разные стороны вновь оттолкнутся взаимно.
Не удивительно то, так как тельца первичные тверды,
Плотны и тяжки и двигаться вспять им ничто не мешает.

Чтобы ты лучше постиг, как частицы материи могут
Распространяться повсюду, припомни, что в целой вселенной
Нет преисподней, где эти частицы могли б застояться,
И не имеет пространство вселенной конца и размеров.
Всюду оно безгранично открыто по всем направленьям,
Как это признано многими на основаниях точных [85].

Раз установлено это, конечно первичные тельца
Не обретают покоя нигде в необъятном пространстве,
Но пребывают всегда в непрерывном различном движеньи.
Часть их, столкнувшись, расходится на расстоянье большое,
Часть от толчков на коротком пространстве сцепляется вместе.
Те из первичных зачатков, что в плотном составе слилися
И недалеко при встрече своей оттолкнулись взаимно,
Вследствие самых фигур своих спутанных связаны крепко.
Эти тела образуют могучие скалы, железо
И небольшое количество прочих вещей однородных [86].

Те же, напротив, тела, что, блуждая в пространстве огромном,
Распространяются в ширь с быстротою и вдаль отлетают
На расстоянье, значительно большее, — нам доставляют
Воздух неплотный и яркого солнца лучи золотые.

Много такого еще в необъятном пространстве витает,
Что не вошло ни в какие составы вещей и к тому же
Не в состоянии соединиться взаимным движеньем.
Как образец и пример таких тел мне не трудно припомнить
Тó, что в природе у нас на глазах происходит нередко.
Именно: это всегда наблюдаешь ты в солнечном свете,
Что в твоем доме лучи свои сквозь темноту пропускает.
Ты замечаешь, что множество мелких частиц разновидных
Вертится тут в пустоте меж лучами дневного светила.
Будто бы в вечном сраженин, в битвах и распрях жестоких,
Вместе толпятся они непрерывно и без остановки;
Сходятся в кучу и врозь разлетаются многообразно.
Можешь по этому ты заключить, как первичные тельца
Распространяются вечно среди пустоты необъятной.

Малые вещи для более крупных пород доставляют
Ясный пример, а порой к достоверности путь указуют.
Вот потому-то вниманье твое привлекать должны сильно
Тельца такие, которые можешь в лучах ты заметить,
Так как подобные скопища правильно обозначают
Существованье в материи скрытых от глаза движений.
Часто ты видишь, как вследствие разных толчков неприметных
Тельца меняют свой путь, как, столкнувшись, назад отступают
И то туда, то сюда пролетают по всем направленьям.
Значит, от этой причины сумятица в них происходит.

Движутся сами собою сначала первичные тельца.
Вследствие многих толчков незаметных приходят в движенье
Тельца, которые малы и сплочены менее тесно
И как бы больше доступны воздействию сил первобытных.
Дальше, затем возбуждаются тельца немного крупнее;
И таким образом все возрастает движенье, доколе
Нашему чувству отчасти не даст себя знать в том блужданьи
Маленьких телец, которое можем в лучах мы увидеть,
Но от каких происходит толчков это, — нам незаметно.

Ныне узнать тебе надобно, Меммий, какая подвижность
Придана этим частицам материи первоначальным.
Утром, как только Аврора рассеет лучи над землею

И разновидные птицы по чащам лесным запорхают,
Песнями звонкими воздух прозрачный везде оглашая,
Мы убеждаемся, что очевидной для каждого станет
Та быстрота, с какой солнце в обычную пору восхода
Мир весь объемлет, лучей своих свет проливая на землю.
Но теплота, что идет к нам от солнца, и свет его ясный
Не чрез пустое пространство проходят и тише несутся
К нам, так как с воздухом, будто с волнами, бороться им нужно.

Кроме того не отдельно частицы тепла проникают,
Но меж собою сомкнутые в шарообразные формы.
Вследствие этого сильно стесняют друг дружку, а также
Держит извне их препятствие, что заставляет их медлить.
Между тем тельца первичные, кои суть плотны и просты,
Чрез пустоту проникая, преград никаких не встречают
Внешних, и так как они состоят из одной только части,
То как единое целое, тронувшись с места, несутся,
Так что гораздо быстрей они солнца лучей пробегают
И, несомненно, своею подвижностью их превосходят.
Множество раз пробегают зачатки в такое же время
То расстоянье, что солнца лучи только раз пробегают [87].
Для размышления также не медлят в движеньи зачатки,
И не исследуют каждый в отдельности всех обстоятельств,
Чтобы узнать, по законам каким все на свете творится.

Но возражают иные невежды по этим вопросам [88],
Будто природа сама без участья богов неспособна
Приспособляться настолько ко всем человеческим целям:
Установлять время года, плоды создавать на деревьях,
И создавать также то, к чему всех заставляет стремиться
Страсти божественной сила, наставница главная жизни, —
Чтобы от ласки Венеры созданья плодились во-веки,
Чтоб не погиб человеческий род, для которого будто
Боги все создали в мире. При мненьи таком, очевидно,
Очень далеко отброшены люди от верной дороги.
Так как хотя б неизвестны мне были первичные тельца,
Я бы посмел утверждать по строению самого неба
И заключать из большого количества прочих явлений,
Что не для нас была призвана к жизни божественной силой [89]
Мира природа, в которой погрешностей столько найдется.

Все это, Меммий, в дальнейшем ученьи тебе объясню я;
Ныне ж дополню я то, что осталось сказать о движеньи.

Я нахожу здесь уместным тебе доказать между прочим,
Что из вещей ни одна своей собственной силой не может
Вверх вознестись своим телом и там наверху удержаться.
Пусть же при этом тебя не введет в заблужденье пламя.
Правда, оно поднимается и разрастается кверху;
Кверху растут тоже чистые злаки, равно как деревья,
Но это все в силу собственной тяжести клонится книзу [90].
Так что, когда к самой крыше домов пробирается пламя
И с быстротою огонь пожирает стропила и бревна,
Мнишь ли, что то самовольно творится, без силы сторонней?
Или, как только из нашего тела мы кровь выпускаем,
Брызжет она высоко и струит свои теплые соки.
Равно, как видишь ты, с силой какою вода выпирает
Всякие брусья и доски. Чем больше мы их погружаем,
С силой огромной и крайним трудом подавляя их книзу,
Тем настоятельней вверх выпирает вода их обратно,
И еще больше они выдаются, наружу всплывая.

Но тем не менее, в сущности, я не питаю сомненья,
Что тяготеют все вещи в пространстве пустом прямо книзу.
И таким образом пламя хотя и бывает способно
Вверх подниматься на воздух от силы сторонней, а все же
Вниз оно склонно тянуться, поскольку в нем действует тяжесть.

Также и факелы ночи, что в небе витают высоко;
Разве не видишь ты огненный след, оставляемый ими
В том направленьи, куда их природа итти заставляет?
Или не видишь ты звезд и светил, упадающих на земь?
Солнце с высот небосвода свою теплоту разливает
Всюду, по всем направленьям и свет на поля рассевает;
Значит, и солнечный жар вниз на землю склоняется также.
Ты замечаешь, как молнией пересекаются тучи,
По облакам то туда, то сюда огоньки пробегают,
Обыкновенно же падает пламени сила на землю.

Надобно знать тебе также и то в настоящем предмете,
Что, когда тельца первичные вниз в пустоту упадают
Вследствие собственной тяжести, то в неизвестное время
И в неизвестных местах отклоняются чуть-чуть с дороги,
Столь незаметно, что можно едва это звать отклоненьем.
Если б первичные тельца, как капли дождя, прямо книзу
Без отклонения падали вместе в пустое пространство,
То не встречались они б никогда, и толчки не возникли б,
И ничего уж природа тогда создавать не могла бы.

Если кто думает, будто тела, тяжелейшие весом,
Прямо в пространстве пустом проносясь с быстротою великой,
Падают сверху на более легкие и производят
Этим толчки, что способны творящие вызвать движенья, —
То уклоняется очень далеко от верной дороги.

Всякое тело, что падает вниз через воду и воздух,
Собственной тяжестью это паденье всегда ускоряет.
Жидкой воды вещество, как и воздух, весьма легковесный,
В равном размере падение тел всех замедлить не могут,
А уступают скорее дорогу телам тяжелейшим.
Но пустота никакому предмету, нигде, ниоткуда
Не в состоянии вовсе оказывать сопротивленья,
Так как всему поддаваться должна уж по самой природе.
Вследствие этого вещи, которые разнятся весом,
Падать должны одинаково все в пустоте неподвижной.
Так что не может в паденьи на легкое тело наткнуться
Более тяжкое и произвесть здесь толчка неспособно,
Чтоб изменить то движенье, которым все зиждет природа.

Я повторяю: в падении тельца должны отклоняться
Несколько, как можно меньше, чтоб мы за косое движенье
Это принять не могли вопреки справедливому взгляду.
Ибо везде замечаем наглядно мы сразу, что тело,
Падая вследствие собственной тяжести сверху, не может
Двигаться вбок в направленьи косом, — в том легко убедиться.
Но, что с дороги прямой при паденьи тела совершенно
Не уклоняются, — чей это взгляд в состояньи заметить?

Далее, если б движения все были связаны вместе,
В определенном порядке одни из других возникая,
И, уклоняясь с пути, не вводили в первичные тельца
Неких начал, кои могут нарушить судьбы повеленье,
В силу которого следствие вечно идет за причиной,
То отчего у созданий живых происходит свобода?
Где же источник, спрошу, от судьбы не зависящей воли,
Вследствие коей идем мы туда, куда тянет охота?
Не сообразно со временем мы изменяем движенье,
Не по условиям места, а по указанью рассудка.
Ибо сомнения нет, что толчок здесь дает наша воля,
И из нее лишь во все наши члены исходит движенье.
Ты не видал ли в мгновенье, когда загородку спускают,
Как скакуны беспокойно пытаются с места сорваться
С силой стремленья, к какой вынуждает их воля? [91]

Чтоб существа могли следовать всем повеленьям рассудка,
В теле их необходимо должны воедино собраться
Тельца материи все, возбужденные всюду в суставах.
Как ты здесь видишь — начало движения в сердце родится
И возникает впервые из воли, что в духе сокрыта,
А уж оттуда оно сообщается целому телу.

Дело другое, когда мы подвержены внешним влияньям
Силой стороннею и принужденьем властным влекомы.
Ясно, что в случае том существо всего нашего тела
Движется недобровольно, насильно, от нас не завися,
Вплоть до тех пор, пока воля в нас членами не овладеет.
Значит, и в случае том, когда внешняя сила гнетет нас
И побуждает порою нас к недобровольным поступкам,
Прочь отвлекая от цели, то все же живет в нашем сердце
Нечто такое, что может бороться, противиться силе;
Нечто такое, чьему повеленью должна подчиняться
Вся совокупность частиц в нашем теле, в суставах и членах,
Чтоб, подкрепившись, они возвратились опять к равновесью [22].
А потому мы должны признавать, что в движеньи зачатков
Кроме толчков или тяжести есть и иная причина,
Именно та, от которой была врождена нам свобода.
(Так как ведь из ничего ничего не могло бы возникнуть).
Тяжесть препятствует, чтоб от толчков все возникло,
Будто от внешних причин, небольшие ж пути уклоненья
Телец в различных местах и притом в неизвестное время
Служат к тому, чтоб не мог быть рассудок наш связан
Необходимостью определенной при каждом поступке
И не был вынужден все выносить и покорно терпеть все.

Вся совокупность материи не была сжата плотнее
В целом своем никогда, как и не была более редкой,
Так как ничто не приходит в нее и ничто в ней не гибнет.
А потому и движенье, в котором первичные тельца
Вечно бывают, с начала веков оставалось все тем же;
Тем же путем и впоследствии тельца те двигаться будут.

То, что они порождали, рождать при условиях тех же
Будут и дальше они. Существует, растет, здоровеет
Все здесь, поскольку назначено то по законам природы,
И никакое усилье порядок вещей изменить не способно.
Ибо не может ничто из материи прочь отделиться,
Бывши в нее включено; и напротив, не могут ворваться

Новые силы в нее, при посредстве которых возможно
Переиначить природу вещей и порядок движенья.

В этих вопросах и то не должно возбуждать удивленья,
Что при таком непрерывном движении телец первичных
Вся совокупность вещей представляется нам неподвижной,
Кроме существ, коим свойственно двигаться собственной силой.
Телец первичных природа под спудом таится от чувства
Нашего очень далеко. А все-таки там, где не можешь
Видеть движения ты, в виде скрытом оно происходит [93].
Даже те вещи, которые можем мы видеть, от взора
Нашего часто скрываются на расстояньи далеком [94].
Часто по склонам холмов шерстоносные овцы плетутся,
Пищу срывая обильную. Каждую там привлекает
Зелень травы изумрудной, покрытая свежей росою.
Сытые тут же резвятся ягнята, бодая друг друга.
Все это издали кажется нам как бы слившимся вместе,
Будто пятном беловатым на поле зеленого склона.
А точно так же, когда легионы могучие быстро
Сходятся в поле толпой, вызывая тут зрелище боя,
Блеск тут до самого неба несется, кругом же земля вся
Медью доспехов сверкает, и от боевого усердья
Ног всюду слышится топот, и звук голосов, отразившись
В ближних горах, долетает к далеким светилам вселенной.
Всадники мчатся туда и сюда по равнине широкой,
И от могучего натиска их сотрясается поле.
Все же бывают места на вершинах высоких, откуда
Кажется все неподвижным, а блеск — исходящим от поля [95].

Ныне ты должен узнать, каковы суть первичные тельца,
Как далеко между ними простерлось различие в форме,
Чем они разнятся между собою по внешнему виду.
Я не скажу, чтобы множество форм у них было несходных,
Но меж собою они по всему постоянно различны.
Это и неудивительно. Так как вещей совокупность
Столь велика, что, как сказано, нет им числа и пределов,
То и нельзя допустить, чтоб зачатки их все были равны
По очертаньям своим и по внешнему облику сходны.
Вот например: человеческий род наш, созданья немые,
Чешуеносные рыбы, ручные животные, звери,
Разные птицы, которые частью при водах прозрачных,
На берегах у ручьев и озер, собираются стаей,
Частью по дебрям лесов беззаботно порхают.
Выбрав любую из этих пород, попытайся вглядеться;

Сразу заметишь ты, как различаются особи видом.
Иначе дети своих матерей узнавать не могли бы,
Мать же детенышей не узнавала б. Тогда как мы видим,
Что они все различают друг друга не хуже, чем люди.
На алтаре перед храмом богов разукрашенным часто
Жертвою падает юный телец в фимиаме душистом.
Теплой струей из груди умирающей кровь вытекает.
Осиротелая мать между тем, среди пастбищ блуждая
И от копытцев раздвоенных в почве следы оставляя,
Всюду кидает свой взгляд, — не найдется ль где-либо детеныш,
Ею утраченный? Жалобным ревом она наполняет
Леса зеленого свод и не раз возвращается тщетно
В стойло свое, вся проникнута жаждой найти там питомца.
Ни зеленеющий лес, ни росой окропленные травы,
Ни с берегами крутыми прохладные реки — не могут
Душу утешить ей и от нежданного горя избавить.
Также тельцы из породы другой на привольной поляне
Не в состояньи отвлечь ее и облегчить ей заботы.
Так она сильно тоскует о чем-то родном и знакомом!
Так по дрожащему голосу и молодые козлята
Сразу рогатую мать узнают, и бодливые агнцы
Слушают блеянье матери. Так по приказу природы
Тянется все к материнскому вымени неудержимо.
Мы наконец то же самое видим и в злаках различных.
Колосов двух одинаких в снопе никогда не найдешь ты,
И постоянно меж ними есть некая разница в форме.
Также мы видим нередко, как разного рода ракушки
Лоно земли испещряют, где мягкие волны морские
В бухтах прибрежных порой водососный песок постилают.
Равным порядком первичные тельца в движении вечном
Разниться между собой непременно должны по фигуре,
Так как они создавались не чьей-то единой рукою
В форме единообразной, но их создавала природа.

Очень легко разгадать нам при помощи здравого смысла
Те основанья, по коим пронзительней молнии пламя,
Нежели пламя земное, что в факелах мы зажигаем.
Можешь сказать ты, что пламя небесное молний
Тоньше и мельче частицы в своем существе заключает,
А потому проникает в отверстья, в какие не может
Пламя пройти, что пылает в дровах или факелах наших.

Кроме того еще: свет через рог проникает, а влага
В роге держаться должна, оттого что [96] первичные тельца

Света значительно меньше, чем тельца во влаге прозрачной.
Мы замечаем, что быстро вино вытекает из лейки;
Наоборот, не спеша вытекает ленивое масло —
Или чрез то, что в последнем крупней составные частицы,
Или чрез то, что плотнее они и теснее сомкнуты;
И происходит из этого то, что не могут частицы
Обособиться одна от другой с быстротою большою,
Чтобы в отдельности каждой пройти сквозь отверстие лейки.

Сверх того надо заметить, что мёд и молочная влага
Чувства приятные на языке нам всегда оставляет.
Горький полынь же и золототысячник дикий, напротив,
Вкусом своим отвратительным морщиться нас заставляют.
Ты узнаешь без труда, что приятно ласкают нам чувство
Те вещества, коих тельца первичные круглы и гладки.
Те вещества же, которые горьки и остры по вкусу,
Цепкие, тесно сомкнутые тельца в себе заключают.
Вследствие этого, чтобы открыть себе путь к нашим чувствам,
Нужно им в наших телах сквозь известные ткани прорваться.
Все наконец, что приятно и худо влияет на чувства,
Из разнородных по внешнему виду слагается телец.
И не подумай ты, будто пилы неприятные звуки,
Дрожь возбуждая у нас, состоят из частиц столь же легких,
Как сладкозвучный напев музыкальный, что в струнах кифары
Беглые пальцы певца пробуждают искусно пред нами.
Также и тельца, что в ноздри тебе попадают, бывают
Формы различной, когда разлагаются трупы в зловоньи
Или когда сицилийский шафран освежает театры
И алтари воскуряют богам благовонья Памфеи.

Также не должен ты думать, что из одинаких зачатков
Краски составлены те, что наш взор так приятно ласкают
И в состоянии яркостью слезы в глазах наших вызвать
Или по гнусному виду в нас будят гадливое чувство.
Все, что нам чувство приятно ласкает и ум услаждает,
Создано лишь под условием гладкости телец первичных;
То же, напротив, что нас тяготит и нам кажется скверным,
В недрах материи некие грубые тельца скрывает.

Тельца бывают еще, кои гладкими мы не считаем,
Но кои вместе с тем также не остры и не крючковаты,
А угловатости в них лишь слегка выступают наружу.
Чувство они нам скорее щекочат, чем боль причиняют.
Сок виноградный сюда отношу я и винные жмыхи.

Жгучий огонь, наконец, и холодные иглы мороза
Все на свой лад уязвляют чувствительность тела,
Что безошибочно нам осязанье всегда указует.
Да, осязанье, — о сила святая богов всеблаженных! —
Чувство рождает в телах наших, или извне доходя к ним,
Или затронув ту сущность, что внутрь внедрена в наше тело.
Да, осязанье содействует зиждущей силе Венеры
И причиняет и боль, и смятенье во всех наших чувствах,
Как только в теле нарушено нашем частиц равновесье.
Можешь ты в том всякий раз убедиться, когда ты случайно
Сильно часть тела какую-нибудь ударяешь рукою.
Вследствие всех этих данных должны различаться по форме
Тельца первичные, кои столь разные чувства в нас будят.

Далее, то, что нам кажется твердым и плотным, должно быть
Сомкнуто тесно в частицах своих составных непременно,
И наподобие веток должны тут частицы сцепляться.
В этаком роде алмазные камни должны меж другими
Первое место занять, не страшась никакого удара;
Далее, дюжий кремень и могучая твердость железа,
Медь наконец, что призывно звучит у входной нашей двери.

Те вещества, что по свойствам природным текучи и жидки,
Все состоят из частиц главным образом гладких и круглых.
Эти частицы не держатся кучей, сцепившись взаимно,
Но по наклонности катятся вниз своевольно и быстро.
(Так же легко, как вода, рассыпаются семечки мака.)
Все, что в мгновенье одно у тебя на глазах исчезает, —
Дым например, облака и ползучий огонь, — несомненно
Не состоит из частиц, вполне гладких и круглых по форме,
Но также не из изогнутых, спутанных между собою,
Так как они и сквозь скалы проходят и тело язвят нам.
Также не цепки они наподобье того, что мы часто
Видим в репейниках. Так что ты должен легко согласиться,
Что не изогнуты в виде крючков эти тельца, а остры.

Есть вещества еще горькие, вместе с тем жидкого вида;
Влага морская к примеру. Но ты удивляться не должен [97].
Правда, что жидкость из тел составляется круглых и гладких,
Влага же моря содержит частицы, противные чувству,
Но для того крючковатыми быть не должны они вовсе.
Эти частицы хоть круглы, но вместе с тем также шершавы;
Могут катиться они и язвить одновременно чувство.

Чтоб показать, как частицы шершавые с гладкими вместе
Смешаны в жидкости, что составляет стихию Нептуна,
Способом верным мы выделить можем одни и другие.
Влага морская становится сладкой и пресной по вкусу
Там, где сквозь толщу земли проникает она в водоемы, —
Там, под землей, свои горькие части вода оставляет,
Так как последним легко зацепиться в неровностях почвы.

К этим моим положеньям считаю я долгом прибавить
То, в чем находят они подтверждение. Формы зачатков
Лишь до предела известного разнообразиться могут.
Если бы этого не было, существовали б зачатки
Некие, что необъятных размеров могли бы достигнуть.
Вследствие малых размеров своих родовые зачатки
Не допускают большого числа изменений в фигурах.
Предположи, что первичные тельца в себе заключают
Части мельчайшие, — три например или несколько больше, —
И вслед за этим попробуй на разный их лад переставить,
Сверху и снизу, то слева направо, то справа налево.
Перестановки исчерпав вполне, ты узнаешь оттуда,
Что за фигуры из этих частей ты сложить в состояньи.
Если ж ты далее разнообразить фигуры желаешь,
Должен ты новые части прибавить к телам, а отсюда
Явствует, что, чем значительней разнообразие будет
Телец первичных, тем более новых частей к ним пристанет.
Но ведь подобное образованье фигур за собою
Вечно влечет возрастание тел; потому ты не думай,
Будто бы разнообразие форм бесконечно в зачатках.
Иначе должен ты в них допустить непременно размеры
Черезвычайно большие, чему не найдешь подтвержденья.

Ткани тогда берберийские и мелибейский блестящий
Пурпур, окрашенный в цвет фессалийских ракушек багровый,
И золотые павлиньи хвосты без вниманья б остались,
Красками новых вещей превзойденные очень далеко.
Цену утратили б запахи мирры и сладости меда;
Песнь лебединая, как и стихи вдохновенные лиры
Фебовой смолкли б тогда под влиянием той же причины,
Так как являлись тогда бы все новые, лучшие вещи.

В том же порядке могло б подвигаться и все к ухудшенью,
Все-равно как бы могло без конца к совершенству стремиться,
И появлялось бы нечто такое, что больше и больше
Нашим претило глазам и ушам, обонянью и вкусу.

Но не случается этого. Держатся вещи в границах,
Определенных заране, и нужно признать непременно,
Что ограничена точно в материи [96] разница видов.

Равным же образом пламя и зимнего холода стужа
Также пределы имеют, и им установлена мера —
Именно: жар и мороз суть границы. Тепло между ними
В разных его степенях наполняет пространство вселенной.
Так что различье в тепле, как во всем, ограничено точно,
Ибо отмечено резко оно обоюдною гранью:
Жаром с одной стороны, а с другой — леденящим морозом.
К этим моим положеньям считаю я нужным прибавить
То, что им может служить в подтвержденье. Первичные тельца,
Сходные между собою во всем по строенью фигуры,
В смысле числа бесконечны. Ведь если число разных видов
В них ограничено, нужно, чтоб каждого вида зачатки
Были числом бесконечны, а иначе будет конечной
Сущность материи, что — невозможно, как сказано выше.

Раз это ясно, позволь мне в немногих стихах сладкозвучных
Истину ту доказать, что частицы материи только
В силу своей бесконечности могут поддерживать целость
Мира и лишь от нее происходит толчков непрерывность.
Так: есть породы животных, которых ты редко встречаешь,
И тебе кажется, будто у них плодовитость ничтожна.
Между тем в месте другом, в отдаленных краях иноземных
Множество водится этих пород и число пополняет.
Так, между четвероногими прежде всего ты отметишь
Хоботоносных слонов. Их так много есть в Индии дальней,
Что по границам стоят у ней стены из кости слоновой
Непроницаемой крепости. Так велика сих животных
Сила, тогда как у нас попадается их очень мало.

Но я пойду даже дальше. Пусть будет такое созданье,
Что в своем роде единственно и представляет по свойствам
Особь, которой подобия нет на земном всем пространстве.
Если б притом не была бесконечна материи сила,
В коей зачатым могло быть такое созданье, то вовсе
Не родилось бы оно, не могло б ни расти, ни питаться.

Ты на мгновенье представь себе, будто первичные тельца
Вещи какой-нибудь всюду в числе ограниченном бродят.
Где и откуда и силой какой они встретиться могут
В море великом материи, в сонме частей чужеродных?

Думаю, в случае этом столкнуться им нет основанья.
Нет. Наподобие разных вещей при кораблекрушеньи
Всюду в пространстве разбросаны были б они как попало.
Так перекладины, мачты, носы корабельные, кормы,
Райны и весла порою на берег кидает стихия,
Как бы давая людям указание, чтобы старались
Козней коварных морей избегать, их лукавства и мощи
И не вверяли себя никогда легкомысленно волнам
В пору, когда улыбается ласково тихое море.
Так, если предполагаешь ты некое ограниченье
Телец первичных, то всюду должны бы они, разметавшись,
Вечно блуждать и по волнам материи вечно носиться,
И никогда б от толчков не вступили они в сочетанье,
Ни оставаться в связи меж собой, ни расти не могли бы,
Между тем явно в природе всегда происходит два дела:
Родится каждая вещь, и, родившись, она возрастает.
Значит, понятно, что численность каждого рода зачатков
Не ограничена, так как собой они все наполняют.

Преобладать не должны вредоносные только движенья,
Чтоб погребать постоянно все блага и радости жизни;
Но родотворные, благоприятные росту движенья
Также не могут бессменно служить поддержанию жизни.
Так с равным счастием вечно ведется борьба сих начал двух;
И спокон века повсюду такая борьба происходит [99].
Здесь достается победа началам ликующим жизни,
Там побеждает их смерть. Так мешается плач погребальный
С криком младенца, впервые увидевшим света сиянье.
Не было ночи, ни дня, ни зари, вслед за ночью идущей,
В кои нельзя было б слышать младенческих криков в смешеньи
С плачем, обыденным спутником смерти и служб погребальных.

Нужно еще одну истину в нашем ученьи отметить
И постоянно держать у себя ее в памяти твердо.
Между предметами всеми, которых природа известна,
Не состоит ничего из частиц лишь единого рода.
Нет ничего, что в себе не включало бы смеси зачатков
Разных. Чем большим количеством свойств [100] обладают предметы,
Чем их способности шире, тем больше и телец первичных
В них заключается разных по роду и внешнему виду.

Прежде всего, много телец первичных земля заключает:
Те, из которых, при помощи быстро текущих потоков,
Вечно питается море, и те, что огонь порождают.

(Так как во многих местах зажигается пламенем почва;
Больше всего в извержении Этны свирепствует пламя).

В почве, затем, есть и то, что плоды и привольные рощи
Может на свет произвесть к услаждению рода людского;
То, из чего она реки и зелень, и тучные пастьбы
Может доставить животным, бродящим по горным тропинкам,
А потому как великую матерь богов и как матерь
Всяких животных и рода людей ее чтут повсеместно [101].

Греции древней поэты когда-то ее представляли [102]
На колеснице большой, парой львов приводимой в движенье,
И говорили они, что богиня в воздушном пространстве
Держится, так как не может земля опираться на землю.
Диких зверей приобщили сюда в знак того, что потомство
Действием нежных забот материнских должно приручаться.
И голова у нее украшалась стенною короной,
Так как в найлучших местах на земле города основались [103].
Образ божественной матери в этом наряде доныне
Возится всюду по странам различным, внушая всем ужас.
Также у разных народов она по обычаям древним
Матерью Идой зовется нередко, и толпы фригийцев
С ней путешествуют, ибо в стране этой стали впервые
Злаки расти на земном всем пространстве, как ходит преданье.
И от жрецов, приуроченных к ней, наставленье исходит,
Что, кто не чтит божества и к родителям неблагодарен,
Тот, значит, сам быть не хочет достойным того, по их мненью,
Чтоб от него на сем свете живое потомство родилось.
Громко повсюду литавры звучат и пустые кимвалы,
Дико и грозно гнусавые звуки рогов раздаются,
Дух возбуждают размером напевы фригийские флейты.
Пред истуканом оружье несут в знак жестокого гнева,
Чтоб своеволье умов и нечестие сердца в народе
Сдерживать страхом великим и святостью властной богини.
И, когда в шествии пышном богиню по городу возят,
Распространяет беззвучно на смертных она свои блага.
Путь устилают ее серебром драгоценным и медью,
Щедрым, богатым даяньем, и розами, будто бы снегом,
Всю осыпают ее, как и спутников, с нею идущих.
Вооруженный отряд, что названье фригийских куретов
Носит у греков, тут пляшет, себя ударяя цепями.
Скачут куреты размерно, пьянея от пролитой крови,
И на главе потрясают священные, страшные гребни
В память куретов из Дикты, которые, как повествуют,

Детские вопли Юпитера встарь заглушали на Крите;
Между тем вооруженные дети вокруг колыбели
Юного бога с размерностью медью о медь ударяли,
Чтобы Сатурн не сожрал его, злобой великой объятый,
И не нанес сердцу матери неисцелимых страданий.
В память того провожают великую матерь с оружьем,
Или как признак того, что богиня желает, чтоб люди
Вооруженьем и доблестью край свой родной защищали
И для родителей были опорою и украшеньем.

Великолепно подобрано это и очень красиво,
Но тем не менее все же от истины очень далеко.
Что до природы богов, то она в существе непременно
Радости жизни бессмертной в покое найвысшем вкушает,
Чуждая нашим делам и от нас удаленная сильно.
Так как свободна она от опасностей всех и печали,
Собственной силой мощна и от нас не зависит нисколько,
То ни добром не пленяется вовсе, ни гнева не знает.
Истинно: вечно земля лишена была всякого чувства,
Но потому, что в ней действует множество разных зачатков,
Многое разным путем она вечно на свет производит.
Если же можно нам море Нептуном назвать, а Церерой
Злаки земли, если Вакхово имя мы предпочитаем
Произнести, чем вино называть настоящим названьем,
То согласимся мы, что признавать можно также и землю
Матерью вечных богов, хотя этого нет в самом деле [104].

Часто стада на одной луговине зеленой пасутся:
Тут шерстоносные овцы, тут племя коней боевое,
Тут и рогатой скотины стада, под одним небосводом,
Из одного и того же ручья утоляют все жажду.
Все же они все различной породы. Родителей свойства
Твердо они сохраняют, наклонностям их подражая.
Столько находится всякой материи разного рода
В травах зеленого луга и в водах ручьев быстротечных!
В каждом животном, затем, заключаются разные вещи:
Кости, и жилы, и мясо, и кровь, и утроба, и влага.
Все эти вещи весьма различаются между собою,
Ибо из разных первичных зачатков они происходит.

Дальше затем. Хотя то, что сжигается огненной силой,
И не содержит зачатков огня, все ж питает собою [105]
Жаркое пламя и свет, от огня далеко исходящий,
И быстролетные искры, и дым, и разбросанный пепел.

Если подобным путем ты и прочие вещи рассмотришь,
То убедишься ты твердо, что в каждой из них затаилось
Множество телец первичных, друг с другом различных по форме.

Ты наконец видишь многое, где ощущения вкуса,
Цвета и запахов разных слилися. К примеру те жертвы,
Что по уставу религии грех искупляют злодеев [106].
Жертвы конечно должны состоять из различных зачатков,
Чтобы пройти могла копоть туда, куда сок не проходит,
На остальные же чувства богов повлиять там могли бы
Краски и вкусы. Все это зависит от формы зачатков [107].
Значит, различные формы в составе едином здесь могут
Слиться, и вещи тогда состоят из смешенья зачатков.

Это отчасти в стихах моих можешь легко ты заметить:
Много в них знаков, которые общи словам разнородным.
Все же ты должен признать, что слова и стихи в моей книге
Из разнородных частей тут слагаются все несомненно.
Не потому, чтобы в них избегалися общие буквы
Или что тут двух стихов или слов не нашлося бы сходных,
Но потому, что они вообще не во всем одинаки.
Так же и каждый предмет заключает не мало зачатков,
Общих для многих предметов, которые все-таки могут
Очень значительно разниться между собой по составу.
Так что мы в праве сказать, что из многих зачатков сложились
Злаки, плоды, человеческий род и веселые рощи.

Думать однако нельзя, что тела [108] могут все сочетаться,
Ибо тогда бы чудовищ пришлось тебе видеть нередко,
И человек-полузверь расплодил бы породу, а также
Ветки высоко росли б сплошь и рядом из тела живого,
Члены животных морских попадались бы у земноводных,
И на земле всеродящей тогда бы природа взрастила
Племя химер, изрыгающих пламя из пасти ужасной.
Но, очевидно, подобного нет ничего, потому что
Лишь из известных зачатков в родной материнской утробе
Все существа рождены и породу свою сохраняют.
Значит, должно по известным законам все это твориться.
Лишь подходящие части исходят от пищи различной
В наши тела, чтобы в членах путем сочетаний известных
Действие нужное вызвать; тогда как негодные части
Прочь извергаются в землю природой. И от сотрясений
Много частиц незаметно отходит от нашего тела,

Именно тех, что не могут примкнуть ни к чему и движений
Жизненных не возбуждают и не согласуются с ними.

Но не подумай притом, что относятся эти законы
Только к животным. Все вещи поставлены в те же условья.
Все, что природою создано, между собою несходно.
Вследствие этого необходимо, чтоб вещи все в мире
Из разнородных фигурой начальных частиц состояли.
Не потому, чтобы было тут множество видов [109] различных,
Но потому, что предметы все не по всему одинаки.
Если различны зачатки, то также должны различаться
Их сочетанья, движенья, пути, промежутки меж ними,
Их столкновенья, тяжесть, все то, что не только животных
Всех разделяет, но землю от бурных морей отличает
И небеса голубые вдали от земли нашей держит.

Но продолжай познавать моих сладких трудов изысканья
И не впади в заблужденье, будто из белых зачатков
То созидаться должно, что глазам твоим кажется белым,
Или что черные вещи возникли из черных зачатков, —
Словом, что вещь вообще носит ту иль другую окраску
Ради того только, что родовые материи тельца
В тот же окрашены цвет, как и вещи, рожденные ими.
Цвета у телец первичных материи нет совершенно
Ни однородного с вещью, ни также различного с нею.
Если же ты полагаешь, что тельца такие рассудку
Не постижимы совсем, то от истины очень далек ты.
Слепорожденные, солнца лучей не могущие видеть,
Все ж познавать тем не менее могут на-ощупь те вещи,
Кои для них с малых лет никакой не носили окраски.
Следует, значит, признать, что наш ум себе также понятье
Может составить о том, что не смазано некою краской.
Сами же мы наконец средь ночной темноты постоянно
Трогаем вещи, не будучи в силах почувствовать красок.

В том убедившись на опыте, взглянем мы ныне на сущность [110].
Каждая краска способна меняться в любую же краску,
Но не должно того быть никогда у первичных зачатков,
Так как должно кое-что оставаться всегда неизменным,
Чтобы в ничтожество впасть не могли сотворенные вещи.
Если же вещь из условий присущей природы [111] выходит,
То прекращает тотчас же быть тем, чем была она раньше.
А потому признавать ты не должен окраску в зачатках,
Иначе все бытие мировое в ничто обратится.

Далее. Если окраски природа первичным зачаткам
Не придала, все же формами разными их наделила,
А от последних различного рода цвета происходят.
Много зависит к тому еще, с чем сочетались зачатки
И положенье какое они меж собой сохраняют;
Также, какие движенья друг другу дают и приемлют.
Этим путем ты легко очень можешь причин доискаться [112],
Как, почему, то, что было за несколько времени черным,
Мрамора белого цвет принимать неожиданно может.
Море к примеру, когда его глади взволнованы ветром,
Все превращается в пену седую, белея, как мрамор.
Можно на это сказать: то, что раньше казалось нам черным,
Перемешало материю всю свою и изменило
Телец порядок, отняв и прибавив что-либо к составу,
А потому оказалось пред нами блестящим и белым.
Если б однакоже воды морские включали зачатки
Цвета лазурного, то никогда побелеть не могли бы.
То, что имеет лазоревый цвет, не должно измениться
И беломраморным стать оттого, что его ты взболтаешь.
Если бы цвета различного были первичные тельца,
Кои морям придают одноцветную всюду окраску,
То надлежало бы нам замечать на поверхности моря,
Как и в другой всякой жидкости однообразно-прозрачной,
Разнообразные и меж собою несходные краски.

Так: из неправильных форм и фигур разнородных мы можем
Образовать и квадрат и любые другие фигуры.
В этом квадрате увидим мы разнообразные части,
Но разновидность фигур составных не мешает нисколько,
Чтобы квадрат в очертаньях остался все тем же квадратом,
А между тем разноцветные части вещей совершенно
Не допускают, чтоб были те вещи вполне одноцветны.

Далее, довод, который тебя завлекает и манит
Всякие краски приписывать тельцам первичным природы,
Падает, так как не белы зачатки у белых предметов,
Также не черны у черных по виду, а разного цвета.
Возникновение белых вещей мы гораздо охотней
Склонны бесцветным зачаткам приписывать, нежели черным
Или же цвета иного, различного с теми вещами.

Кроме того, так как не существуют окраски без света
И незаметны зачатки первичные даже при свете,
То лишены, значит, эти зачатки каких-либо красок.

Могут ли быть в темноте непроглядной у вещи окраски,
Если окраски зависят от света, смотря по тому лишь,
Прямо иль косвенно падает свет, отражаясь в предметах?

У голубей замечается это на солнце в тех перьях,
Кои растут на затылке и шею кругом обрамляют:
Цвет их с одной стороны представляется красным, как пурпур,
А в то же время с другой — те же перья внушают нам чувство,
Будто мы видим коралл с изумрудом зеленым в смешеньи;

Также хвосты у павлинов, когда озаряет их солнце,
Равным порядком цвета свои очень заметно меняют.

Если все это творится всегда от падения света,
Значит, нельзя не признать, что без света оно невозможно.
Да и зрачок принимает различно влияние света
В случаях тех, когда белая краска его поражает
И когда действует черная или же краска иная.
Вовсе не важен там цвет, где предмет познаешь ты на-ощупь;
Больше наглядности здесь придает ему самая форма.
Значит, первичные тельца совсем не имеют окраски,
Но только разностью форм вызывают различные чувства.

Если б к тому же цвета не являлися следствием формы
Телец первичных, то все, что из телец таких возникает,
В цвете любом представляться имело б возможность пред нами.
Но отчего существа все, возникнув из телец первичных,
Не появляются в разного рода случайной окраске?
И отчего не приходится видеть, чтоб ворон, летая
В белом, как снег, опереньи, глаза поражал белизною,
Чтобы водилися где-нибудь лебеди черного цвета
Или же пестрые — из разноцветных таких же зачатков? [113]

Можешь заметить еще, чем на больше частей ты разложишь
Вещи какие-нибудь, тем значительней мало-по-малу
Краски бледнеют, пока не исчезнут всецело из виду.
Это бывает, где золото крошится в мелкие части.
Также и пурпур пунийский свой цвет потеряет блестящий,
Как только будет разобран он весь на отдельные нитки.
А потому составные частицы теряют окраску,
Прежде чем их приведут в состоянье первичных зачатков.

Ты наконец соглашаешься, что не от всякого тела
Звуки исходят и запахи, вследствие этого также

Звуков и запахов всем без изъятья телам не припишешь.
Равным же образом зреньем не все ощутить мы способны.
Ясно отсюда: тела есть, лишенные всякой окраски,
Как и тела, что ни звуков, ни запахов не производят.
Острый же ум тем не менее распознавать их сумеет,
Как и другие предметы, лишенные признаков ясных.

Ты не подумай однакоже, что лишены только красок
Первоначальные тельца. Они недоступны нисколько
Тоже и действию холода и раскаленного жара;
Звуков издать не способны и соков в себе не содержат;
Также особого запаха не издают никакого.
Если раствор приготовить желаешь ты из майорана
Нежного или из мирры смолы драгоценной и нарда,
Дух издающего сладкий, то ты, сколько надобно, должен
Прежде всего запастись веществом непахучего масла,
Не подносящего к нашим ноздрям никаких благовоний,
Чтобы наименьше могло оно в примеси с теми духами
Собственным запахом их заглушить и ослабить в них силу.
И не должны, значит, первоначальные тельца предмету,
Их содержащему, запах и звук сообщать какой-либо,
Так как они от себя ничего испускать не способны.
Ради того же не могут придать они вещи и вкуса,
Как передать не способны ей жар, теплоту или холод,

Прочие свойства, присущие в общем всем смертным созданьям,
Как: пустота полых тел, разложение, гибкая мягкость,
Вовсе должны быть не свойственны первоначальным зачаткам,
Если хотим мы весь мир на бессмертных основах построить
И обеспечить ему безопасность во всем его целом,
Чтобы в ничтожество [114] впасть не могло бытие мирозданья.

Ныне скажу, что должны существа, наделенные чувством,
Все состоять из зачаточных тел, совершенно лишенных
Всякого чувства. Не опровергает того очевидность,
И указания опыта не убеждают в противном.
Руководит нас и то и другое, признать заставляя,
Что из бесчувственных телец живые созданья возникли.

Нам приходилось видать, что рождаются черви живые
В грязном навозе, когда по причине дождей изобильных
Мокрая почва приведена вся в состоянье гниенья.
Кроме того мы вещей превращенье всеобщее видим.
Так, превращаются реки, леса и привольные пастьбы

В стадо скота; превращается в наши тела это стадо.
Также нередко и нашим же телом питаются силы
Диких животных и силы властителей в царстве пернатом.
В тело живое природа всегда превращает всю пищу
И из нее развивает в живущих созданиях чувства
Не по иному закону, как тот, по которому также
Пламя она производит, деревья в огонь превращая.
Видишь ли ныне, какое большое значенье имеют
Тел родовых положенья, порядок и те сочетанья,
Вследствие коих движенье друг другу дают и приемлют?

Следует далее. Если не веришь ты, что происходят
Из нечувствительных тел существа, одаренные чувством, —
В чем заключается то, что у нас самый дух потрясает,
Что нас волнует подчас и в нас чувства различные будит?

Правда, хотя и смешаем мы дерево, камни и землю,
Все же однако не могут создать они чувства живого.
Стало быть, вот что по этому поводу следует вспомнить:
Я не скажу, чтоб из всех безусловно зачатков мгновенно
Чувства возникнуть могли и созданья, снабженные чувством.
Прежде всего очень много зависит, как малы зачатки,
Кои рождают чувствительность, и какова у них форма;
Дальше, какие движенья у них, положенье, порядок.
Чувства мы вовсе в дровах или в глыбах земли не заметим,
Все же, как только они загнивать начинают от влаги,
Тотчас в них черви являются, ибо материи тельца,
Вследствие новых условий меняя свой старый порядок,
Так сочетаются, что из них твари живые родятся.

Дальше. Кто думает, что из чувствительных телец родится
Тварь, наделенная чувствами, в тельцах признать должен мягкость [115]
На основании том, что, как можем заметить мы, чувство
Связано тесно с утробою, жилами, кровью, а это
Все состоит из материи, смертной и мягкой конечно.

Но предположим, что тельца такие могли б быть бессмертны.
В случае этом должно ли в них быть лишь частичное чувство
Или же цельное, как и в животном во всем его целом?
Но части тела не могут ведь чувствовать сами собою;
Каждый же член отвергает чувствительность в членах всех прочих [116].
Так, ни рука, ни иная любая часть нашего тела,
Будучи отделена, неспособна хранить в себе чувство.

Нам остается признать, значит, в тельцах первичных те чувства,
Кои присущи животным и жизнь всесторонне объемлют.

Можно ль однакоже тельцам таким дать названье первичных?
Как они смерти избегнут, когда всем животным подобны
И одинаки по свойствам с созданьями смертными всеми?
Даже когда б это было и так, то от их сочетаний
Не родилось бы ничто кроме множества сходных созданий,
Так же как разной породы животные или же люди,
Совокупившись, родить в состоянье себе лишь подобных.

Но, может быть, свои чувства теряют первичные тельца
И обретают другие? Зачем же тогда придавать им
Свойства, которые тотчас отъемлются? Видел не раз я,
Как превращаются яйца пернатых в птенцов оживленных,
И наблюдать приходилось, как черви кипят, когда почва
Вследствие влаги обильной дождей загнивать начинает,
Так что из телец бесчувственных чувства способны возникнуть.

Если мне скажут, что чувство способно возникнуть из телец,
Чувств не имеющих, с помощью тех изменений лишь, кои,
Так же как роды у самок, наружу его проявляют,
Я удовольствуюсь тем подтверждением и разъясненьем,
Что не бывает родов, если не было прежде соитья,
Так же как быть изменений не может, пока не сойдутся
Первоначальные тельца; и чувств не бывает у тела,
Прежде чем не рождена в нем природа живого созданья.
Как уж известно, повсюду материя распространилась —
В воздухе, в водах, в земле и в огне, порожденном в эфире,
Но не тотчас по соитии телец меж ними движенья
Установляются жизнеспособные, с помощью коих
Жизнь сохраняют свою существа, наделенные чувством.

Дальше. Удар, настигая живое созданье сильнее,
Чем оно вытерпеть может, его повергает на землю
И чувства духа и тела приводит в большое смятенье.
Ибо тут в тельцах первичных нарушено их положенье,
И затрудняются сильно движения те, что присущи
Жизни, как только материя вся, потрясенная в членах,
Узы живые души порывает у тела и душу,
Врозь разметавши, чрез поры и скважины вон выгоняет.
Что ж бы другое удар упомянутый мог еще сделать
Кроме такого разгрома и разъединенья всех связей?

В случае том, когда с меньшею силой удар настигает,
Превозмогают порой животворных движений остатки.
Раз удалось это им, то смятенье они унимают
И в состояние прежнее восстановляют все снова.
Смерти движенья, уже овладевшие было всем телом,
Вновь исчезают, и вновь оживают угасшие чувства.
Где же иначе причина того, что от смерти пределов
Вновь иногда существа возвращаются к жизни, к сознанью,
И не дано им оканчивать жизни, столь близкой к кончине?

Далее. Там ощущаем мы боль, где первичные тельца
Силой какой-нибудь в нашей утробе живой или в членах
Возбуждены и в своих потревожены гнездах глубоких;
И нам приятно, когда они вновь возвратятся на место.
Видно отсюда, что телец первичных не может коснуться
Боль никакая и сладкое чувство для них недоступно,
Так как они в свой черед не составлены тоже из телец
Первоначальных, чтоб боль ощущать с переменой движенья
Или же плод удовольствия сладкий вкушать через это.
Вследствие этого тельцам первичным не свойственны чувства.

Если живая вся тварь потому только чувствовать может,
Что создалася из телец первичных, в которых есть чувство,
То каковы же первичные тельца людей особливо?
Истинно стали б они хохотать, сотрясаясь от смеха,
И увлажняться могли б их ресницы и щеки слезами.
Много б сумели они рассказать о различных предметах
И рассуждали б о том, из чего состоят они сами.
Так как первичные эти тела на людей походили б,
То, в свой черед, из частиц составных они сами б слагались;
Эти ж из новых частиц состояли б, и так бесконечно.
Так существа, наделенные смехом, словами и мыслью,
Все бы слагались из телец, снабженных такими ж дарами.
Если нам кажется предположенье такое безумным,
Если создался наш смех из частиц, не могущих смеяться,
Если возможно быть мудрым и знанья в речах обнаружить,
И не родясь от семян просвещенных и красноречивых,
То, очевидно, и прочее все, наделенное чувством,
Может возникнуть из семени, вовсе лишенного чувства.

Все наконец из небесных семян родились мы, бесспорно.
Небо — наш общий отец. От него плодоносная матерь,
Наша сырая земля, насыщается каплями влаги.
Злачные нивы рождает земля и привольные рощи

И человеческий род; создает и звериное племя;
Пастьбы растит, на которых животные тело питают
И, проводя беспечальную жизнь, размножают потомство.
А потому по заслугам дается ей матери имя.
Вновь возвращается в землю, что раньше в земле находилось;
То же, что было ниспослано нам из пределов афира,
Снова несется туда и приемлется в сводах небесных.

Смерть, разрушая все вещи, однакоже не убивает
Телец первичных; она разлагает лишь связи меж ними.
В связи другие вступают они, через то происходит,
Что превращаются формы вещей, изменяются краски
И образуются чувства, чтоб некогда снова погибнуть.

Можно из этого видеть, сколь важно, какие зачатки
Сходятся вместе, в каком положеньи они пребывают,
Что за движенья друг другу взаимно дают и приемлют.

Также не думай, что вечность первичным телам не присуща
Лишь оттого, что их шаткость в вещах мы порой замечаем
И наблюдать можем их появленье и исчезновенье [117].

Так и в стихах моих очень большое значенье имеет,
С чем сопоставлено что и в каком поместилось порядке.
Ведь одинакими буквами обозначаются: небо,
Море, и земли, и реки, и солнце, и злаки, и звери.
Если не все одинаки тут буквы, то бóльшая часть их.
Но изменяет значенье в словах только букв распорядок.
То же бывает с вещами. Материи в них, изменивши
Плотность, пути, сочетания, вес, столкновенья, движенье,
Соединенья, порядок, толчки, положенья, фигуры, —
Необходимо должна изменить также самые вещи.

Ныне внимательно должен ты выслушать истины слово.
Новые сведенья с силой хотят тебе в уши проникнуть,
И пред тобою откроются новые взгляды на вещи.

Но не бывает простых таких сведений, кои вначале
Не показались бы для понимания трудными очень,
Так же как нет во всем мире вещей, удивленья достойных,
Кои бы не перестали потом вызывать удивленье.
Глянь на прекрасные, чистые краски небесного свода,
Где прикрепились блуждающих светочей ясные сонмы;
Или на солнце и месяц с их дивным лучистым сияньем.

Если бы все это пред человеком открылось впервые,
Взоры его поражая внезапным своим появленьем,
Что указать бы он мог удивительней этих предметов,
В существованье которых едва бы поверили люди?!
Нет! Ничего! Столь чудесным казалось бы зрелище это!
Ныне же, к виду такому привыкнув, никто не считает
Нужным и взора поднять к лучезарным пространствам небесным.

А потому перестань уклоняться от доводов, кои
Могут тебя новизной испугать, но скорее сужденьем
Острым ты взвесь их; и, если найдешь, что они справедливы, —
Руку мне дай, если ж ложны они, против них ополчайся.

Так как и там, за пределами здешнего мира пространство
Всюду лежит без конца, то исследовать свойственно духу, —
Что там такое? Проникнуть туда домогается ум наш
И своевольный, свободный полет свой туда направляет.

Прежде всего, как сказал я, нигде, ни в каком направленьи:
Ни наверху, ни внизу под ногами, ни вправо, ни влево, —
Не существует границ никаких. Указует на это
Самое дело, и суть бесконечности то подтверждает.
Вследствие этого невероятным должно почитаться,
Будто бы там, где простерта кругом бесконечность пространства,
Там, где в бесчисленных числах бездонная масса зачатков
В вечном броженьи находится, вечным движеньем гонима,
Образовался один только мир наш земной с небесами
И из материи всей ничего не возникло другого,
А особливо когда мирозданье есть дело природы.
Разнообразно, без цели, порою напрасно и всуе,
Сами собою, случайно первичные тельца встречались
И напоследок сплотилися в то, что внезапно, нежданно
Сделалось многих великих вещей постоянной причиной,
Как например: небосвода, земли, океанов, животных.
А потому непременно ты должен со мной согласиться,
Что где-нибудь во вселенной, в объятиях жадных эфира
Есть кроме нас и другие скопленья материи вечной.

Далее: где существует запасов материи столько,
Где есть довольно пространства и нет недостатка в причинах,
Там возникать, нарождаться должно что-нибудь непременно.
Если количество телец первичных настолько несметно,
Что человечества жизни не хватит для их исчисленья,
И одинаки природа и силы, которые могут

Всюду в пространстве разбрасывать тельца таким же порядком,
Как и разбросаны здесь они, — то согласиться ты должен,
Что существуют иные земные миры во вселенной,
Как и иной род людей и иные породы животных.

Вещь не бывает притом вообще никогда одинокой,
И одиноко не родится и не растет одиноко,
Но составляет всегда часть породы. В породе же много
Точно таких же вещей. Указует наш ум на животных.
Так, среди гор наблюдаем мы диких животных породу.
Также мы видим людей поколенья, и племя немое
Чешуеносное рыб и воздушное царство пернатых.

Нужно признать нам поэтому, что в свою очередь небо,
Солнце и месяц, земля и моря и другие предметы
Не одиноки, но их существуют бессчетные числа
И установлены также границы их существованья,
И точно так же они из природных веществ создалися,
Как и порода любая, где особей сходных так много.

Если усвоил ты это, должна пред тобою природа
Вечно свободной предстать, неподвластной властителям гордым,
Движимой волей своей, от богов независимой вовсе.
Так как, — о боги, чьи души святые объяты покоем!
Боги, чьи годы текут безмятежно средь радостей жизни! —
Кто же бы мог необъятной вселенною править? Кто мог бы
Сдерживать сильной рукой управленья бразды в этой бездне?
Кто бы с такой равномерностью небо вращал, и кто мог бы
Всю нагревать изобильную землю огнями эфира?
Быть одновременно всюду в пространстве во всякое время?
Тучами тьму наводить, потрясать лучезарное небо
Звуками грома? Кто б молнию мог ниспослать, что порою
Рушит и самые своды небес и, в пространстве летая,
Выстрелом на земь несется, при этом нередко минуст
Грешников [118] и незаслуженно честных людей убивает?

После того, как создался весь мир, как впервые возникли
Наша земля и моря и взошло наше солнце впервые,
Много прибавилось телец извне. Из огромной вселенной
Много примкнуло зачатков, летавших вкруг нашего мира,
Чтобы земля и моря почерпали прирост свой оттуда,
Чтоб небеса расширяли чертоги свои и их своды
Выше еще уносились и воздух наверх воздымался.

Силой толчков наделяется каждая вещь отовсюду
Тельцами, кои к породе своей постоянно приходят.
Влага стремится ко влаге, земля из земных же зачатков
Черпает рост свой, огонь из огня, и эфир из эфира.
Так все идет здесь, пока совершенная матерь-природа
К зрелому возрасту не приводит существа, порожденного ею.
Это бывает, когда то, что служит поддержкой для жизни,
Не превосходит того, что отходит от тел и спадает.
Всем существам должен быть такой возраст предельный назначен,
Где прекращается силой природы развитье в дальнейшем.
Все, что, как видишь ты, весело здесь прибавляется в росте
И с постепенностью к зрелому возрасту жизни восходит,
Больше приемлет в себя вещества, чем долой выделяет,
Так как в сосудах питанье свободно течет и сосуды
Столь широко не открыты, чтоб многое прочь отходило
И чтобы тратилось более силы, чем пища приносит.

Нужно сказать вообще, что отходит и прочь отпадает
Множество тел от существ, но должно приходить еще больше
Тел к ним, доколе предельный их возраст не будет достигнут.
После того уменьшаются силы, и бодрость слабеет,
И остается созданию худшая часть его жизни.
И, чем полней существо, чем заметнее в нем приращенье,
Чем наконец оно шире размерами, тем оно больше
Телец теряет и с разных сторон от себя отлагает.
Пища уже не легко протекает в сосудах; к тому же
И недостаточно пищи при столь изобильном отливе,
Чтобы поддерживать жизнь, возмещая такие утраты.
Да, справедливо погибнуть должны те предметы, у коих
Тело тощает и кои ударам извне поддаются,
Так как им в старости уж никогда нехватает питанья.
Множество телец при этом на них и извне нападает
И сокрушает влияньем губительным их непрестанно.
Пища должна обновлением восстановлять все утраты;
Пища должна укреплять и поддерживать существованье.
Все понапрасну! Сосуды удерживать больше не могут
То, что им нужно, и к службе дальнейшей природа негодна.
Некогда тем же порядком и стены великого мира,
Взятые приступом, рухнут и кучею станут обломков.

Ныне к упадку идут времена. Истощенная почва
Слабые силы рождает в животных, а между тем раньше
Диких зверей от рожденья снабжала огромнейшим ростом.
Мнения я не держусь, что породы все смертные с неба

По золотому канату спустилися вниз на поля к нам·
И что их создало море с волнами, бьющими в скалы.
Их породила земля, как и ныне она их рождает.
Создала также и злаки она: виноградник веселый
Собственной силою людям в утеху она сотворила;
Собственной силой взрастила плоды и привольные пастьбы.
Ныне все это растет, уступая лишь нашим усильям.
Мы истомляем быков, истомляем и пахарей силу,
Тупим плуги, чтоб хоть малое вызвать содействие почвы,
Но постепенно хиреют плоды, а труды возрастают.
Ныне, главою качая, вздыхает седой земледелец,
Как он великий свой труд убивает порою напрасно;
И при сравненьи плохих настоящих времен с временами
Прошлыми часто он счастие предков своих восхваляет.
И виноградарь, что ветхостью лоз опечален, припомнив
Старое время, клянет божество и кивает на небо.
Часто твердит он, что древний народ, благочестия полный,
В тесных владениях все-таки жизнь проживал беспечально,
Даже хотя приходилось на каждого меньше запашки.
Не понимает того он, что чахнет все мало-по-малу
И направляется к гробу, под бременем лет истомившись.

О украшение Греции! Ты, что из мрака впервые
Светоч познанья извлек, объясняя нам радости жизни!
Вслед за тобой я иду и шаги свои сообразую
С теми следами, что раньше стопы твои напечатлели.
Не состязаться с тобой я хочу, но тебе с восхищеньем
Следовать только дерзаю. Возможно ли ласточке спорить
С лебедем? Можно ль дрожащему телом козлу состязаться
С силою той, что являет в ристалищах конь быстроногий?
Ты — наш отец, открывающий тайны вещей, ты — ученье
Преподаешь нам отечески. В славных твоих сочиненьях
Черпаем все мы, подобные пчелам, что лучшие соки
Пьют из цветов. Все мы жаждем твоих золотых изречений.
Да! золотых и достойных бессмертья всегда и во-веки.

Ибо, как только слова твои мудрые провозгласили,
Что создалася природа вещей не богов изволеньем,
Сразу исчезли все страхи души, грани мира распались,
И я узрел, как в пространстве пустом нарождаются вещи [119].
Мне вдруг [120] открылось богов существо и их мирные домы,
Коих ни ветры не рушат, ни тучи обильно дождями
Не поливают, ни снег, леденеющий в сильном морозе,
Не засыпает, но кои всегда пребывают в покое [121]
В вечно прозрачном, безоблачном и лучезарном эфире.
Всеми дарами природа богов наделила. Ничто их

Мира душевного ни на мгновенье коснуться не может,
И Ахерузии пропасть у них впереди не зияет.
Им не мешает к тому же земля разглядеть, что творится
Там, под ногами у нас, в глубине пустоты преисподней.
При обсужденьи вопросов таких меня трепет объемлет
Вместе с отрадным сознаньем, что ты обнаружил природу
Силой ума и что ныне она отовсюду раскрыта.

Раньше сказал я уже, каковы суть зачатки, поскольку
Между собой они разнятся формами, как своевольно
Всюду они пролетают, гонимые вечным движеньем,
И каким образом могут из них созидаться предметы.
С тем сообразно я должен, мне кажется, духа природу,
Как и природу души, разъяснить здесь моими стихами
И разогнать все те ужасы пред глубиной Ахеронта [122],
Что до глубоких основ возмущают всю жизнь человека,
Все на земле омрачая печальными красками смерти,
Не оставляя ему даже чистой, невинной утехи.

Многие люди толкуют, что следует больше бояться
Всяких болезней и жизни позорной, чем Тартара Леты [123];
И будто знают они, что душа состоит их из крови
Или дыханья, — смотря по тому, как им кажется лучше, —
А потому не нуждаются в нашем ученьи вовсе.
Речи такие, поверь, внушены им скорее тщеславьем,
Нежели тем, что на деле самом подтверждается ими.
Будучи изгнаны родиной и убегая далеко
От человеческих взоров, запятнаны делом преступным,
Горем подавлены, люди те все-таки жить продолжают.
Где б они, жалкие, ни были, предкам поминки справляя,
Черный свой скот они в жертву приносят божественным манам
В честь преисподней и в разных печальных событиях жизни
Часто к религии рвения больше еще проявляют.
Да, наблюдать человека в беде угрожающей надо,
И познавать лишь в превратностях рока возможно, каков он.
Только тогда голос правды от чистого сердца исходит,
Маска срывается прочь, и действительность лишь остается.

Жадная скупость, затем, и слепое стремленье к почету
Могут принудить несчастных людей преступить за пределы
Права, явив себя в виде участников, слуг преступленья.
Ночью и днем в непрестанной работе находятся люди
С целью добыть положенье высокое. Все эти раны
Жизни их по большинству происходят от страха пред смертью.

Стыд же позорной молвы и презренье, и горькая бедность,
Подстерегая людей у могильного будто бы входа,
Несовместимы, сдается им, с тихой, приятною жизнью.
Вследствие этого люди, смущенные ужасом ложным,
Думая всех таких бед избежать и от них устраниться,
Кровью сограждан достатки свои пополняют; богатства
Жадно скопляют опи, громоздят на убийстве убийство,
С радостью шествуют на погребении собственных братьев
И пировать за столом у родных своих кровных боятся.
Также мы видим, что часто людей этот страх иссушает
Завистью: тот облечен перед ними могучею властью,
Этот у всех на виду, окруженный блестящим почетом,
Между тем сами они в нищете и во мраке влачатся.
Многие гибнут от жажды достигнуть статуи и славы,
И до того иногда ужас смерти доходит, что к жизни
Ненависть люди питать начинают и свет им противен;
Так что себе они сами же смерть, скрепя сердце, наносят,
Вовсе забыв, что беды их источник и есть этот ужас,
Тут приносящий бесчестие, там разрывающий узы
Дружества и до основ потрясающий их благочестье.
Ибо нередко отчизну и близких родных предавали
Люди, желая избегнуть суровых глубин Ахеронта.

Часто, подобно детям что дрожат и вещей всех боятся
В мраке ночном, и мы также страшимся иного при свете,
А между тем ничего нет, чего нужно больше бояться,
Нежели вымыслов, ночью детей напугать лишь способных.

Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.

Я утверждаю, что дух (мы зовем его часто рассудком),
Дух, содержащий в себе направленье и смысл нашей жизни,
Есть только часть человека, подобно тому как и руки,
Ноги, глаза составляют живого создания части.

Между учеными многими мнение то проводилось,
Что ощущение духа [124] таится не в части известной
Тела, но в теле оно составляет лишь свойство [125] живое.
Это у греков зовется гармонией, вследствие коей
С чувством живем мы, но дух ни в какой части тела не вложен.
Так иногда говорится о добром здоровии тела,

Но части тела какой-нибудь не составляет здоровье.
Также и духу они не отводят известного места.

Но, мне сдается, от истины сильно они отступают.
Можно нередко заметить, что тело объято недугом,
Часть же, которая скрыта внутри, совершенно здорова[126].
Также мы видим нередко обратное: дух непокоен,
А в свою очередь тело все дышит прекрасным здоровьем.
Можно привесть и тот случай, когда у нас ноги болеют,
А голова никакой в то же время не чувствует боли.
Кроме того, когда сладкому сну предаются все члены
И утомленное тело лежит безо всякого чувства,
Все-таки нечто такое в нас есть, что в то самое время
Действует многоразлично и живо в себе восприемлет
И ощущенья отрады и праздные сердца заботы.

Чтобы ты уразумел, что душа расположена в членах,
А не гармонией в целости тело держаться привыкло,
Прежде всего укажу, что с утратой частей неких тела
Жизнь тем не менее в членах у нас остается порою.
Наоборот, когда малая доля тепла исчезает
И изо рта вылетает в ничтожном количестве воздух,
Жизнь прекращается, вдруг покидая все жилы и кости.
Можно понять из того, что не все вещества в нашем теле
С равною силой поддерживать могут здоровие наше.
Более прочих веществ к сохранению жизни стремятся
Те, что содержат в себе тельца теплых паров или ветра.
Значит, тепло и живительный ветер находятся в самом
Теле у нас, и в час смерти они отлетают из членов.

Так как нам ясно теперь, что как нашего духа природа,
Так и природа души составляют часть нашего тела,
То возврати им названье *гармония,* что с Геликона
Звучных высот или с места иного принесено ими[127]
И приурочено к вещи, дотоль не имевшей названья.
Пусть оно им остается, и внемли ученью ты дальше.

Ныне скажу я, что дух и душа тесно связаны вместе
Между собой и одно существо из себя представляют.
Но во главе стоит, так сказать, телом всем правит сознанье,
Именно то, что зовется обычно рассудком и духом.
В области средней, в груди, пребывает наш дух постоянно.
Здесь разгорается трепет и страх; вокруг этого места
Радость блаженствует. Значит, здесь дух, здесь рассудок ютится.

Части же нашей души по всем членам рассеяны в теле
И повинуются в разных движеньях приказу рассудка.
Он лишь один в себе смысл заключает и самодовлеет,
Даже когда ничего не влияет на душу и тело.
И наподобье того, как мы боль головы или глаза
Чувствовать можем, не чувствуя общего в теле расстройства,
Так же и дух иногда ощущает большое страданье
Или же радость вкушает, тогда как в суставах и членах
Части души не приемлют совсем впечатлений особых;
Если ж однако рассудок объемлется страхом чрезмерным,
То мы заметим сочувствие целой души во всех членах:
Пот выступает обильно, и бледность по целому телу
Распространяется, речь заплетается, голос слабеет,
Блекнут глаза, звон в ушах раздается, и гнутся колени.
Мы наконец замечаем, как, трепетом духа объяты,
Падают замертво люди. Легко заключить нам отсюда,
Что тесно связана с духом душа, что душа, силой духа
Будучи потрясена, повергает на землю все тело.

То, что наш дух и душа суть телесны, докажут нам те же
Доводы. Иначе как бы могли они члены к движенью
Вынудить, тело от сна пробуждать, изменять выраженье
Лиц и людьми всеми править, ворочая их как угодно?
Все это быть не могло бы, понятно, без прикосновенья:
Прикосновенье же быть не могло бы без тела. Не правда ль,
Надо признать нам, что дух и душа по природе телесны?

Дальше мы видим, что тело и дух в направленьи едином
Терпят воздействие и заодно ощущенья приемлют.
Если стрела, проникая во внутрь, сухожилья и кости
Наши заденет, но не угрожает опасностью жизни,
То вызывается слабость, желание темное падать;
И на земле уж в рассудке рождается нашем тревога,
А вместе с нею порою неясная склонность подняться.
Следует, значит, признать нам, что духа природа телесна,
Так как стрелы пораненье ему причиняет страданье.

Ныне тебе рассказать попытаюсь о том, каким телом
Нам представляется дух: из чего он и как возникает.

Прежде всего укажу я, что дух в существе очень тонок
И из мельчайших слагается телец. Чтоб ты убедился
В истине этой, ты должен внимать, что скажу я в дальнейшем.
Более быстрого нам ничего невозможно представить,

Нежели предначертанья рассудка, его начинанья.
Так что проворнее движется дух, чем все вещи другие,
Коих природу приходится нам созерцать постоянно.
Но при такой необычной подвижности дух непременно
Должен слагаться из круглых, притом наймельчайших зачатков,
Чтобы могли они двигаться в силу малейших влияний.
Движется быстро вода и течет от ничтожной причины,
Ибо она создана из малейших подвижнейших телец.
Меда природа, напротив, гораздо устойчивей будет,
И его влаги ленивой движенье медлительно очень,
Так как материи общий состав его сплочен теснее
И так как кроме того еще тельца его составные
Менее гладки и тонки, притом недостаточно круглы.
Так, дуновение легкое ветра способно рассеять
Маковых зернышек кучу большую до самого низу;
А между тем даже Кавру [129] никак разметать не удастся
Скопище камней; а, значит, чем меньше тела по объему,
Чем они глаже фигурой своей, тем быстрей их движенье.
Наоборот, чем крупнее тела, чем в них тяжесть сильнее
И чем грубее они, тем устойчивость будет в них больше.
Установили мы, значит, отныне, что духа природа
Чрезвычайно подвижна, а вследствие этого ясно,
Что состоит он из телец мельчайших, легчайших и круглых.
Сведенья эти во всех отношениях, милый мой, будут
Очень полезны тебе и вполне здесь окажутся кстати.

Кроме того указуется самой природою духа,
Сколь его ткань легковесна, какое ничтожное место
Занял бы он, если б мог воедино теснее сплотиться.
Именно: как только смерть человека наделит надежным покоем,
Как только дух и душа в существе своем прочь удалятся,
Ты не заметишь, чтоб тело чрез то в чем-нибудь умалилось
В смысле объема и тяжести. Смерть оставляет у тела
Все кроме чувства живого, а также испарины теплой.

Наша душа составляется тоже из самых мельчайших
Телец первичных и скрыта в утробе, в суставах и жилах.
А потому, когда вовсе она исчезает из тела,
Все же размеры наружные тела во всем остаются
Неизмененными; не умаляется также и тяжесть.

Тем же путем, когда в Вакховой влаге весь спирт [130] испарится
Или же в воздухе запах ее [131] улетучится сладкий, —
Или иначе ее вещество свою крепость утратит, —

То по количеству меньше она не покажется взору,
А равным образом и не убудет нисколько по весу.

Это понятно вполне, так как множество телец мельчайших
Запах и вкус производят в материи каждого тела.
Стало быть, ясно отсюда, что сущность души и рассудка
Создана вся, несомненно, из телец первичных мельчайших,
Коих отсутствие тяжести не умаляет нисколько.

Сущность же духа однако простою считать не должны мы.
У умирающих легкое вон дуновенье выходит
Вместе с теплом, а тепло за собою влечет всегда воздух.
(Нет теплоты никакой, куда воздух бы не был примешан.
Так как ее вещество весьма редко, то очень понятно,
Что меж частями ее составными колеблется воздух).
Стало быть, вот уж тройная природа открыта у духа.

Но недостаточно их для того, чтоб создать у нас чувство,
Так как из этих веществ ни одно возбудить не способно
Чувственных тел проявлений, которые ум направляют.
Вследствие этого необходимо еще тут прибавить
Нечто четвертое, что никакого названья не носит.
В мире всем нет ничего подвижнее и тоньше, чем это;
И ничего не содержит столь малых и легких [132] зачатков,
Нежели то, что чувствительность в члены вливает впервые.

Прежде оно в силу мелкости телец приходит в движенье,
А от него уж приемлют движенье тепло с дуновеньем.
Далее воздух и все остальное приходит в движенье:
Кровь обращается, внутренность вся проникается чувством,
И сообщаются после костям всем и костному мозгу
Как впечатления сладкие, так и страдания жгучесть.
Впрочем сюда, в глубину никогда не доходит страданье,
И не гнездится тут без причиненья столь тяжкой болезни
Телу всему, что и жизнь не находит в нем больше приюта
И из него вылетает душа чрез отверстья и поры.
Большею частью снаружи кончаются все потрясенья
Тела, и вот почему сохранять свою жизнь мы способны.

Я б разъяснил, каким образом связаны между собою
Все вещества эти и каковы им присущие свойства,
Но мне препятствует очень в том бедность родной нашей речи,
Я постараюсь однакоже суть [133] изложить, как сумею.

Тельца веществ четырех составных таким быстрым движеньем
Связаны, что невозможно нам выделить ни одного здесь
И разделить промежутками действие общей их силы.
Нет, существуют они как различные силы в едином
Теле. Мы видим ведь, что в существе у живущих созданий
Есть теплота, обоняние, вкус и однако такие
Свойства различные вместе один организм образуют.
Стало быть, воздух, тепло, дуновенье и скрытая сила [134],
Вместе смешавшись, одно существо образуют, а эта
Сила подвижная им от себя наделяет движенья,
Те, из которых внутри зарождается чувство впервые.
И оттого, что она в существе глубоко залегает
И внедрена она в тело нам больше всего остального,
Мы признавать ее самой *душою души* нашей можем.

И, наподобье как в членах у нас и во всем нашем теле
Силы души вместе с силами духа сокрыты глубоко
В виде немногих, при этом мельчайших первичных зачатков,
Так же в тебе самом скрыта в мельчайших первичных зачатках
Та безымянная сила, что душу души составляет
И пребывает владычицей полной во всем твоем теле.
Воздух, тепло, дуновение, между собою смешавшись,
Тем же порядком во всех наших членах должны проявляться.

Преобладает одно над другим иль под спудом таится,
Все же, сдается, единое нечто все три составляют,
Чтобы тепла, дуновенья и воздуха силы особо
Чувств не убили и их не разрушили, врозь разделившись.

Преобладает у духа тепло, когда, гневом пылая,
Весь возбуждается он и глаза загораются грозно;
Есть также в нем дуновенье холодное, ужаса спутник.
Трепет вселяет по членам оно, потрясает все тело.
И наконец миротворного воздуха свойства присущи
Сердцу спокойному и проясняют лица выраженье.
Значит, тепло больше свойственно тем, у которых жестоко
Сердце и дух у которых легко возгорается гневом.
К этому виду порода могучая львов примыкает,
Грудь потрясающих грозным рыканьем и ревом ужасным
И не могущих смирить в себе ярого гнева порывы.
Хладное веянье больше подходит к породе оленя
И в его сердце студеные токи скорей возбуждает.
Вот почему у оленя бывает дрожание членов.
Мирное племя быков оживляется воздухом больше.

Не с чрезвычайною силою в них разгорается гнева
Факел дымящий, бросающий тени глубокого мрака,
Но и от ужаса стрел ледяных они не цепенеют.
Среднее место отве́дено им между львом и оленем.
То же и в роде людей происходит. Хотя бы наука
Равное им воспитанье дала, тем не менее в каждом
Первоначальной душевной природы следы остаются.
Даже не стоит пытаться в них вырвать пороки до корня,
Так как один проявляет наклонность к суровому гневу,
Между тем робость скорее присуща другому, а третий
Все с благосклонностью большею воспринимает, чем надо.
Надо природу людей различать и в других отношеньях,
Как и те нравы различные, что из нее вытекают.

Я не могу изложить тебе ныне начал всех сокрытых
И подыскать столь большое количество разных названий
Тем из зачаточных форм, от которых зависит различье.
В этих вопросах, мне кажется, только могу подтвердить я,
Что незначительны те проявленья первичной природы,
Коих рассудок не мог устранить бы путем обученья,
Чтобы бессмертных достойную жизнь проводить нам ничто не мешало.

Наша душа, таким образом, сдержана телом всецело,
И в свой черед она — страж и причина здоровья тела.
Тело с душою взаимно связуются общностью корней,
И разойтись без погибели общей для них невозможно.
В этом же роде из ладана крошек извлечь очень трудно [135]
Запах его без того, чтоб его существо не погибло;
Также души или духа природу из целого тела
Трудно [135*] извлечь без того, чтобы не разложилося все в нем.
Так их первичные тельца сплелись уже в самом начале
Между собою и одарены такой общею жизнью,
Что без взаимной друг другу поддержки, сдается, не могут
Дух наш и тело в отдельности чувствовать сил, им присущих [136],
Но в силу общих с обеих сторон побуждений возникли
Чувства, которые в нашем нутре загораются вечно.

Далее, тело не может само по себе ни родиться,
Ни возрастать, ни по смерти бытье продолжать, очевидно.
Не наподобие влаги, что часто пары выделяет,
Ей сообщенные, и ни сама через это не гибнет,
Ни повреждений не терпит; — не так, утверждаю я, члены
Вынести могут тот случай, когда их душа покидает.
Гибнут они совершенно, и все обращаются в тленье.

В нас от зачатия самого тело с душой привыкают
К прикосновенью взаимному в жизненных всех побужденьях.
Даже скрываясь у матери в чреве и в членах глубоко,
Разъединяться не могут они без того, чтоб не гибнуть.
Если причиной одной обусловлена их безопасность,
Ясно, что общее также они естество составляют.

Кроме того еще, кто отрицает, что в теле есть чувство,
И говорит, что душа, только будучи смешана с телом,
Те производит движенья, которые чувством зовутся, —
Тот с очевидностью борется и против истины спорит.
Иначе чем доказать, каково в нас телесное чувство,
Как лишь не тем, что действительность нам указует на деле?

Правда, с утратой души своей тело лишается чувства.
Тело однако теряет не то, что присуще во-веки
Было ему (как теряет и много другого с кончиной).
Но утверждать, что глаза ничего будто видеть не могут,
А через них только дух, как чрез двери открытые, смотрит,
Я почитаю безумным и вовсе их чувству противным.
(Чувство ведь все привлекает и к нашему взору подносит).
Часто мы взором блестящих вещей рассмотреть неспособны,
Так как сияние сильное света мешает нам в этом.
С дверью того не бывает. Отверстья, в которые сами
Смотрим мы, гнету такому подвергнуться не в состояньи.
Нет, если вправду твердят, что глаза наши суть только двери,
То, потерявши глаза, еще далее видеть могла бы
Наша душа оттого, что ей створы дверей не мешали б.

В этих вопросах однако отнюдь ты не должен поверить
Тем освященным сужденьям, что муж Демокрит предлагает,
Будто зачатки отдельные духа к отдельным зачаткам
Тела касаться должны и тем разнить и связывать члены.

Нашей души родовые зачатки во много раз меньше
Нежели те, из которых слагаются тело с утробой.
Численность меньше у первых, и, значит, рассеяны реже
В членах они. И одно только предположить нам возможно:
Сколько бывает зачатков первичных, что, к нам прикоснувшись,
Вызвать способны у нашего тела движения чувства,
Столько ж содержат первичные тельца души промежутков [137].
Не ощущаем порой мы, как пыль прикасается к телу,
Как и не чувствуем также, как мел оседает на членах
Или же ночью туман. Мы не чувствуем той паутины,

Что на дороге протянута часто и нас облепляет,
Ни кожуры пауков, что на голову падает нашу,
Ни также перышков птичьих, ни пуха, который летает
И по своей легковесности медленно падает на землю.
Не ощущаем мы ползанья маленьких разных животных
И уловить неспособны отдельных шагов, что на теле
Делают мошки и прочие виды других насекомых.

Вследствие этого ясно нам: нужно, чтоб много зачатков
Нашего тела пришло в возбужденье во всех его членах,
Прежде чем тельца души воспринять впечатленио могут;
Прежде чем могут они, находясь на большом расстояньи,
Вместе собраться, сцепиться и врозь оттолкнуться взаимно.

Дух представляет главнейший оплот нашей жизни;
Больше, чем сила души, он над жизнью господство являет.
В членах без силы рассудка и духа не может остаться
Часть никакая души даже самое краткое время,
И она следует духу как спутник и в воздух несется,
Члены холодные кинув в холодных объятиях смерти.
Но остается в живых тот, в ком держится дух и рассудок,
Даже когда у него отовсюду отрезаны члены.
Так что такая колода с отъятыми членами все же
Жить без души продолжает, вдыхая живительный воздух.
Если душа не всецело, а только в значительной части
Удалена в человеке, он жизнь свою все-таки тянет.
Так, когда глаз поврежден, но зрачок невредимым остался,
Все ж оттого человек не теряет способности видеть.
Можешь ты резать кругом, лишь бы яблоко в целом глазное
Не повредить и зрачку как-нибудь не нанесть пораненья.
(Это последнее было бы не безопасным для глаза.)
Но, если малая средняя часть повредится у глаза,
Тотчас закатятся света лучи, и наступят потемки,
Даже хотя б невредимы остались все прочие части.
Вот каким образом связаны дух и душа постоянно.

Ныне внемли мне ты. Легкие дух и душа у живущих
Могут рождаться, равно умирать; да поймешь ты суть мыслей,
Издавна найденных, с помощью сладкой работы открытых.
В песне, достойной тебя, попытаюсь тут все изложить я.
Соединить воедино названья ты оба здесь должен;
Так что когда говорю я о том, что душой называю
И почитаю подверженным смерти, то это и к духу
Также относится. То и другое связуется тесно.

Прежде всего, как сказал я, душа состоит из мельчайших
Телец первичных, которые много раз меньше,
Нежели тельца первичные влаги в воде или тельца
Облака или же дыма; при этом подвижность их больше.

В силу их тонкости легче душа начинает движенье.
(Образы туч или дыма будить в ней уж может движенье.)
Так например, когда, в сон погруженные, видим алтарь мы,
Что от себя клубы дыма и едкого чада пускает,
То вызывается образом это у нас, без сомнений.
А потому, если видишь ты, что из разбитых сосудов
Влага течет отовсюду и что испаряется жидкость,
Что облака и пары исчезают в воздушном пространстве,
Верь мне, что так же душа исчезает и гибнет всецело,
Раз она прочь из суставов живых человека выходит,
Легче, быстрее еще разлагаясь в первичные тельца.
Ведь если тело, разрушившись или же сделавшись дряблым
В силу потери крови, уже сдерживать больше не может
Душу, которая в нем заключается, будто в сосуде,
Как допустить, чтобы мог ее сдерживать воздух тот самый,
Что по сравнению с телом является более редким?

Кроме того наблюдаем мы, как заодно с нашим телом
Дух нарождается и заодно с ним растет и стареет.
Так, пока мальчики с нежным еще и неразвитым телом
На ноги слабы, их дух подчиняется мысли нетвердой.
Как только с возрастом дюжие силы у них разовьются,
Станут суждения выше у них, силы духа обширней.
После того, как суровая времени сила расслабит
Тело их и с притупленными силами члены поникнут,
Мысли хромают их, бредит язык, и слабеет рассудок.
Все пропадает в них и одновременно прочь исчезает.

А потому надлежит, чтобы нашей души существо разложилось,
Дыму подобно летучему, в высших пространствах воздушных.
Так: вместе с телом родится душа, как сказал я уж выше,
Вместе растет и под бременем старости вместе же гибнет.

К этому надо прибавить, что так же, как самое тело
Видимо терпит порою болезнь и большое страданье,
Дух наш объемлется тяжкой заботой, печалью и страхом.
А потому надлежит ему также быть к смерти причастным.

Также при тяжких страданиях тела и дух наш порою
С толку сбивается: он начинает безумствовать, бредить.

А иногда человек в летаргии тяжелой вступает
В сон непробудный, когда увядают глаза и движенья.
Тут голосов он уж больше не слышит и не в состояньи
Лиц распознать, что вокруг его тела толпятся, слезами
Щеки свои орошая и к жизни его призывая.

А потому согласиться нам надо, что дух разлагаться
Должен, как только в него проникает зараза болезни,
Так как болезнь и страданье суть мастера нашей смерти.
Много смертей предыдущих давно нас к тому приучило.

Кроме того, когда крепость вина в человека проникнет
И, в его жилы попав, возбудит в нем пылание чувства,
То почему происходит от этого тяжесть всех членов?
Ноги шатаются, речь замедляется, взоры блуждают,
Разум пьянеет, и множатся возгласы, брань и икота,
И вообще приключаются следствия в этом же роде?
Чем объяснить это, если не тем, что душа вся в смятенье
Приведена в самом теле от действия крепости винной?
Все то, что можно в смятенье привесть и ввести в затрудненье,
Обозначает нам, что́ с примененьем бо́льших усилий
Может в дальнейшем погибнуть и в будущем жизни лишиться.

Часто мы видим, что кто-нибудь, сразу объятый припадком
Тяжкой болезни, склоняется на земь, как-будто сраженный
Молнией. С пеной у рта он кричит и трепещет всем телом;
Лежа без памяти, вытянув члены, он корчится, стонет,
Дышит порывисто и, обессилев, совсем поникает.
Также припадок болезни, проникнув в суставы, приводит
Душу в смятенье, подобно тому, как на море соленом
Сила могучая ветров вздымает бурливые волны.
Стоны затем прорываются, так как страданием члены
Обременяются сильно и голосовые зачатки
Рвутся наружу чрез рот и толпою сплоченной несутся
Вон по обычному способу и по знакомой дороге.

Что до потери сознанья, — она оттого происходит,
Что возмущается дух и душа, как сказал я, и силы
Их рассеваются врозь и дробятся от яда болезни.
Там же, где ослабевает причина болезни, в сосуды
Тела больного опять возвращаются бодрые соки.

С ложа болящий встает, поначалу как-будто шатаясь;
Он понемногу приходит в себя и приемлет вновь душу.
Если душа уже в теле подвержена стольким болезням
И, угнетенная, в этаком виде печальном влачится,
Как же поверить, чтоб в воздухе вольном, лишенная тела,
Эта душа удержаться могла среди ветров могучих?

То́, что наш дух можно вылечить, так же как тело больное,
И поддается искусству врачебному он, как мы видим,
Предзнаменует, что он обладает природою смертной.
Кто добивается что-нибудь переменить в нашем духе
Или желает в другое что-либо внести измененье,
Кое-что должен прибавить, порядок частиц переставить
Или, напротив, изъять кое-что из состава всей массы.
То́, что бессмертно, не терпит, чтоб части в нем переставлялись,
Ни чтобы приумножались и прочь из него извлекались,
Ибо, меняясь в чем-либо, границы свои преступая,
Всякая вещь прекращает быть тем, чем была она раньше.
Значит: болеет ли дух, поддается ли он излеченью,
Он проявляет все признаки смертности, как уж сказал я.
Истина, видно, противится всяким воззрениям ложным.
С той и с другой стороны торжествует она над неправдой,
Опровергая ее и лазейки ей все преграждая.

Далее видим порою мы, как человек угасает
Мало-по-малу, как в членах теряются все постепенно
Чувства живые. Сначала в ногах его ногти и пальцы
Сини становятся, далее в бедрах, затем и в другие
Члены тихонько проходят холодные признаки смерти.
Если души существо распадается, в это же время
Целости не сохраняя, то должно считать ее смертной.
Может быть, думаешь ты, что душа в состояньи из членов
Внутрь удалиться, чтоб сосредоточиться в месте едином
И таким образом вытянуть всякое чувство из членов?
Но в таком случае в месте, где столько души накопилось,
С чрезвычайною силою чувство должно проявляться.
Так как нигде ее нет, как сказал я, то, значит, наружи
Врозь рассевается, вырвавшись, а потому погибает.

Если бы даже признать заключение ложное это
И допустить, что душа внутри тела скопляется где-то
У умирающих, что постепенно наш свет покидают,
Все ж непременно ты должен признать, что душа наша смертна.
Что нам из этого: гибнет душа, разлетевшись ли в воздух,

Или же в оцепененье приходит, сомкнув свои части,
Если в самом человеке все больше и больше слабеют
Чувства, а жизни везде остается все меньше и меньше?

Так как рассудок есть часть человека и в определенной
Области тела находится, точно глаза или уши
Или же прочие органы чувств, кои жизнь направляют,
И так как руки, глаза или ноздри, от нас отделившись,
Самостоятельно быть или чувство являть неспособны,
Но уж в короткое время становятся жертвою тленья, —
То сам собою и дух обойтись неспособен без тела
Смертного, в коем содержится дух этот, будто в сосуде
Или же будто в другом чем-нибудь, что, сдается, теснее
С духом связуется, так как пристало к нему еще больше.

Тело и дух сохраняют к тому же все силы живые
И бытием наслаждаются только в своем единеньи,
Так как без тела наш дух сам собою не может
Произвести никоторых движений живых. Точно так же
Телу нельзя без души пребывать и являть свое чувство.
Так же как глаз, отделенный от тела и вырванный с корнем,
Не в состоянии видеть вещей никаких уже больше,
Сами собою ни дух, ни душа ни на что не способны.
Дух и душа наши вкраплены в жилы, во внутренность тела,
В нервы и кости и сдержаны крепко материей тела.
Тельца первичные их распадаться не могут свободно
На расстоянье далекое, и они будят совместно
Те проявления чувства, которых будить уж не могут,
Вырвавшись в воздух на волю по смерти и тела лишившись,
Так как ничто таким образом их уже больше не держит.
Сделался б воздух созданьем живым, если б мог удержать он
Душу в себе и притом сохранить и ее побужденья,
Бывшие в нервах до этого и управлявшие телом.
А потому ты еще и еще согласиться с тем должен,
Что с разложением общим телесных покровов, с отлетом
Веяний жизни душа разлагается, так же как чувство
Духа, затем что причины обоих связуются тесно.

Но если тело живое с душою расстаться не может
И без нее разлагается, запах гнилой издавая,
Есть ли сомнение в том, что душа, удалившись в пространство
Из глубины той укромной, как дым разлетается всюду?
Также могло ли бы тело от гнилости столь измениться,
Если б уж в самых своих основаниях не потрясалось

И не стремилась душа из всех членов его удалиться
Всеми путями и хо́дами через отверстья и поры,
Кои находятся в теле? Из этого ты убедишься,
Что вылетает душа из суставов в рассеянном виде
И что на части она разлагается в самом уж теле,
Прежде чем вылететь вон и в воздушных течениях реять.

Даже, покуда душа еще в гранях вращается жизни,
Часто ее мы расслабленной видим от некой причины:
Кажется, будто ей хочется освободиться от тела.
Вид человека становится вялым, как-будто пред смертью,
И поникают бессильно все члены в бледнеющем теле.
Случай такой представляет нам обморок, что называют
Также потерей сознанья. Дрожит человек, всею силой
Он домогается вновь возвратить себе жизни остатки.
Ибо тогда потрясаются силы души и рассудка,
И одновременно с телом они ослабляются. Так что,
Будь тут удар посильней, узы жизни совсем бы распались.
Как сомневаться еще, что душа, удалившись из тела
Прочь на простор, обессилев и всяких покровов лишившись,
Не в состояньи поддерживать жизни не только во-веки,
Но сохраниться не может и самое краткое время.

Кажется, не испытал, умирая, никто ощущенья,
Будто совсем невредимой душа вылетает из тела;
Будто сперва она к горлу, а после ко рту подступает, —
Нет, угасает она в тех местах, где она залегает,
Так же, как гибнут все чувства другие на месте присущем.
Если бы дух был бессмертным, то о разложеньи при смерти
Он не скорбел бы. Напротив, он радостно шел бы наружу,
Как покидает змея обветшалую, старую кожу.

Ради чего наконец никогда пониманье и разум
Ни в голове, ни в ногах, ни в руках не родятся, а только
В месте едином [139], в области определенной присущи?
Не оттого ли, что все возникать должно в месте известном,
Где безопасно продлить бы могло оно существованье?
То́ же мы видим в строении членов других многократно;
И никогда не бывает, чтоб тут нарушался порядок.
Каждая вещь за другой всегда следует: пламя не может
Произойти из потока, а зной — от мороза возникнуть.

Кроме того еще, если души нашей сущность бессмертна,
Если она, отделившись от тела, являть может чувство,

То, полагаю, и пять наших чувств подобает признать в ней,
Ибо иначе никоим путем мы представить не можем,
Как после смерти блуждает душа в глубине Ахеронта.
В прежнее время писатели древности и живописцы
Душу себе представляли всегда одаренною чувством.
Но без общенья с глазами, ноздрями и даже с руками
Быть невозможно душе, как нельзя, чтоб язык или уши
Сами собой без души пребывали и чувство являли.

В час ощущение есть, что по целому телу разлито
Чувство живое, и одушевленным нам кажется тело;
И если сильный удар поразит его по середине,
Так что оно пополам на две части должно разделиться,
То без сомнения силы души на такие же части
Будут раздроблены, и вместе с телом они распадутся.
Все, что дробится, на некие части свои распадаясь,
Нам указует, что вечную сущность в себе отвергает.
Так, говорят, колесница, снабженная лезвием острым,
Кровью врагов обагряясь, тела разрезает столь быстро,
Что на земле иногда можно видеть еще содроганье
Срезанных членов, покуда сознанье и ум человека
Вследствие скорости той воспринять чувство боли успеет.
Воин, всецело предавшийся духом своим делу битвы,
Часто остатками тела стремится на бой и погибель,
Не сознавая, что левой руки со щитом уже больше
Нет у него, что она лошадьми и колесами смята.
Не замечает один в наступленьи утраты десницы;
Тут же другой опереться желает напрасно на ногу,
Что на земле уж лежит, сохранив еще в пальцах движенье.
И голова, отделившись от теплого тела, живого,
Жизнь сохраняет в лице и глазах незакрытых, доколе
Вся без остатка душа не покинет ее совершенно.
Если тебе есть охота разрезать железом на части
Длинное тело змеи, угрожающей жалом дрожащим
И извивающей хвост то туда, то сюда, ты заметишь,
Как все кусочки отдельные вследствие ран своих свежих
Корчатся в муке жестокой и гной выпускают на землю
И как передняя часть от болезненных ран и страданий
Злобно на заднюю часть нападает, зубами кусая.
Можешь ли ты утверждать, что во всех тех отдельных кусочках
Души отдельные есть? Ты пришел бы тогда к заключенью,
Что не одну только душу вмещает живое созданье.
Значит, душа, что единой была, разделилась тут вместе

С телом самим. Потому, несомненно, и тело, и душу
Смертными надо считать, так как могут они разделиться.

Кроме того, еще, если душа по природе бессмертна,
Если она внедрена в наше тело при самом рожденьи,
То отчего мы не можем припомнить, что́ было с ней раньше,
И не храним никакого следа ее прошлых деяний?
Если в такой уже степени свойства души изменились,
Что от прошедшего всякая память изгладилась вовсе,
То, на мой взгляд, недалеко она и от смерти блуждает.
Вследствие этого должно признать, что прошедшие души
Умерли, те же, что ныне живут, рождены были снова.

Надо добавить: когда б животворные качества духа
После того в нас влагались, как было уж создано тело,
То-есть, когда мы вступили уже чрез порог нашей жизни,
Не подобало бы им заодно с оболочкою тела
И заодно вместе с членами в самой крови развиваться,
Но в одиночестве существовали б они, точно в клетке,
Чтоб ощущеньем душа наполняла нам целое тело [139].
Между тем ровно противное нам говорит очевидность,
Ибо так тесно связуется наша душа со всем телом,
Жилами, сердцем, костями, что даже зубам дано чувство,
Как указует их боль и ломота от влаги холодной
Или же камешки твердые в пище, попавшие на́ зуб.
Так что, еще повторяю, не следует думать, что души
Суть непричастны к рожденью и смерти законов избегнут.
Нет, надо думать, душа наша так не связалась бы тесно
С телом, когда бы она в нас извне постоянно внедрялась.
Но ведь при связи столь тесной душа не выходит из тела
Несокрушенною и без вреда отделиться не может
Прочь от всех жил и костей, а равно изо всех членов тела.

Может быть, думаешь ты, что душа, к нам внедряясь снаружи,
Вся растекается обыкновенно по всем нашим членам?
Но тем скорей погибать она будет в слиянии с телом.
То́, что течет, разлагаться способно, а значит, и гибнуть;
Так же, как пища, везде проходя по суставам и членам,
Гибнет, но тут же собой образует природу другую,
Распределяться должна и душа по всем скважинам тела.
И, как бы ни были цельны наш дух и душа при вступленьи
В тело рожденное, все же, растекшись, они раздробятся
В пору, когда те частицы, из коих родится природа
Духа, как-будто по скважинам распределяются в членах.

Так что душа, в нас царящая ныне, должна б созидаться
Из той души, что дотоле погибла, растекшись по членам.
В силу того, мне сдается, что наша душа дня рожденья
Не лишена, а равно и от смерти она не свободна.

Кроме того остаются ли в теле умершем зачатки
Этой души или нет? Если в нем остаются зачатки
И пребывают, то можно ль бессмертной считать нашу душу,
Что улетела, при этом утратила некие части?
Если же вся целиком наши члены она покидает,
Так что частей от нее никаких уже не остается,
Как объяснить появленье червей в разложении трупа
И столь несметное сонмище всяких бескровных, бескостных
Одушевленных созданий, кишащих во вздувшихся членах?

Если ты думаешь, будто извне водворяются души
В тело червей и притом по особой душе в каждом теле,
То ты не вник, отчего это множество душ собралося
В том самом месте, откуда одна удалилась. К тому же
Надобно то в рассужденье принять и внимательно взвесить,
Что или души червей собирают заране зачатки,
Чтобы построить из них для бытья своего помещенье,
Или в тела уж готовые после вселяются души.
Но для чего б это делали души? к чему хлопотали б? —
Надо спросить. Так как, если б они пребывали без тела,
То далеко от болезней, нужды и мороза витали б.
Только ведь тело одно ото всех этих недугов страждет,
И много бед сообщается духу присутствием тела.
Но, допустив даже мысль, что душе будет выгодно строить
Тело себе, непонятно, как можно ей это исполнить?
Также входить неспособна душа и в готовое тело;
Иначе б с телом душа не вязалась столь тесною связью,
И между ними сочувствия произойти не могло бы.

Далее, ради чего так присуща жестокость угрюмой
Львиной породе, а хитрость лисицам? Зачем же оленям
Предки побежку дают и врожденную робость их членам?
Или все прочее в этом же роде? Почто возникает
Все от начала веков сообразно с природой присущей?
Не потому ль, что от определенных семян и зачатков
Силы души одновременно с телом всегда возрастают?
Если бы дух был бессмертен и тело менял постоянно,
То перемешаны были бы нравы существ оживленных.
Часто гирканский бы пес избегал нападенья рогатых

Робких оленей, равно как по воздуху ястреб трусливый
В страхе метался б, спасенья ища от погони голубки,
Были бы люди безумны, а дикие звери — разумны.

Ложным путем обосновано мнение, будто, меняя
Тело, душа при бессмертьи своем изменяется также.
Вещь, изменяясь, должна разложиться, а значит, погибнуть.
Так как частицы смещаются и изменяют порядок,
Вследствие этого также душа разлагаться по членам
Необходимо должна, чтобы с телом совместно погибнуть.
Нам говорят, будто души людей переходят в людей же.
Но я хотел бы спросить: Почему из людей умудренных
Выйти б могли дураки? Почему неразумны младенцы?
И почему жеребенок в сравненьи с конем столь неловок?
Не потому ль, что из определенных семян и зачатков
Силы души вырастают всегда одновременно с телом?
Можно найти, правда, выход: в телах-де бессильных внедрились
Хилые души. Но все ж в этом случае надо признать их
Смертными, так как они до того изменяются в теле,
Что вместе с жизнью теряют всецело и прежние свойства.
Как бы могла одновременно с телом душа развиваться,
Крепнуть, расти и цветущего возраста жизни достигнуть,
Если б она не была сопричастной ему от рожденья?
Ради чего она жаждет уйти из стареющих членов?
Или боится быть запертой в недрах гниющего трупа?
Или страшится, что старый приют ее при разрушеньи
Сгубит ее? Но ведь гибели нет для созданий бессмертных.

Далее: было бы прямо смешно, как мне кажется, думать,
Что при рожденьи и случке животных присутствуют души.
Будто бессмертные души в количестве неисчислимом
Смертного тела себе ожидают и суетно спорят
Между собой, кому следует ранее в тело вселиться.
Если они не составили между собой договора,
Что прилетевшая раньше душа и внедряется раньше
В новое тело, им даже пришлось бы померяться силой.

Дальше. В эфире деревья не могут расти, а в соленом
Море не может быть облака. Рыбы не станут водиться
В поле. Не может быть крови в дровах или соков у камня.
Точно назначено, где что̀ должно возрастать и водиться,
Также и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать независимой вовсе от жил или крови.
Если же было бы это возможно, то дух приютился б

Прежде всего в голове или выбрал себе помещенье
В пятках, в плечах и в любой части тела бы мог зародиться;
В том же остался бы он человеке и в том же сосуде.
В силу того, что назначено точно у нашего тела
Место, в котором родиться отдельно могли б и развиться
Дух и душа, тем скорей отрицать надлежит нам то мненье,
Будто все это родиться могло б и росло бы без тела [140].
А потому непременно со смертию тела погибнуть
Также должна и душа, отделившись от целого тела [141].

Да. Сочетать воедино со смертным бессмертное; думать,
Будто совместные чувства являют они и взаимность, —
Было б безумно. Возможно ль придумать что-либо различней
И отдаленней одно от другого по разности свойства,
Нежели тó, что бессмертно, и тó, что подвержено смерти,
Чтобы их вместе заставить сносить все жестокие бури!

Вещи при этом, которые вечны, должны непременно
Или ввиду своей плотности противустать всем ударам,
Не допуская, чтоб что-нибудь внутрь их проникло и этим
Их раздробило на некие части (сюда отношу я
Тельца первичные, сущность которых показана выше),
Или же в силу того могут вещи во-веки продлиться,
Что недоступны они для толчков. Пустоту я причислю
К этому роду. Ей чужды удары и прикосновенье.
Вещи бессмертны еще оттого, что вкруг них нет пространства,
Где бы они разложиться на части могли и исчезнуть.
Вот такова вековечная сущность вселенной, вне коей
Нет ни пространства, куда она переместиться могла бы,
Ни таких тел, что могли б ее силой ударов разрушить.
Но, как сказал уж я, духа природа собой представляет
Нечто неплотное, ибо повсюду в него пустота примешалась.
Дух же, с другой стороны, и не есть пустота. Недостатка
Не ощущается в разных телах, что, восставши, способны
С силой на дух наш обрушиться, производя в нем смятенье
Или же как-нибудь иначе гибель ему причиняя.
Нет наконец недостатка в таком бесконечном пространстве,
Где бы душе представлялась возможность рассеивать силы
Или погибнуть от разных иных каких-либо влияний.
Так что не заперты смерти врата и для нашего духа [142]

Чрезвычайно далеко от истины предположенье,
Будто бы должен тем больше наш дух почитаться бессмертным,
Что защищенным является он от вещей смертоносных

Частью тем, что к нему не доходит все чуждое жизни,
Частью же тем, что, хотя б и дошло, отступать перед силой
Некой должно оно прежде, чем вред мы почувствовать можем.
Не говоря уже, что при страданиях тела болеет
Часто и дух, что о будущем мысли его удручают,
Что он от страха не мало страдает, томится в заботах
И угнетается он угрызением совести. Вспомни
Ряд исключительно духу присущих болезней, утрату
Памяти и наконец погруженье во мрак летаргии.

А потому, если смертен наш дух, то и жизни утрата
Не составляет для нас ничего и пугать нас не может.
И наподобье того, как в прошедшие тяжкие годы
Не сознавали того мы, как пуны, для битвы собравшись,
Землю повсюду неистовым шумом войны потрясали;
Не сознавали, как все содрогалось под сводом небесным
И изнывало в сомненьи, в чьи руки судьба предоставит
Власть надо всем человечеством, власть над землею и морем, —
Тем же порядком, когда нас не станет, а дух наш и тело,
Коих единством мы живы, все связи порвут меж собою,
С нами уже ничего не случится, и чувства не смогут
Нас никакие объять, даже если бы перемешалось
Море с землею и небом, затем что в живых нас не будет [143].
Даже когда б наше тело могло проявлять ощущенье
По удалении сущности духа и силы душевной,
Не послужило бы нам ни к чему это, так как союзом
И совокупностью тела с душою мы все существуем.
Если бы снова материя тела сплотилась по смерти
И возвратилась к тому состоянью, в каком она ныне,
Если бы одарены светом жизни мы были вторично,
Все-таки по существу не коснулось бы это нас вовсе,
Раз у нас порваны воспоминания нити с минувшим.
Ныне из нас ведь никто не заботится, чем до рожденья
Были мы. Равным же образом нас не тревожит нисколько,
Что из материи нашей построит впоследствии время.
При разнородности всяких движений, в прошедшее время
Бывших в материи, можешь легко ты понять, что зачатки [144]
Раньше не раз уж бывали в таком положеньи, как ныне.
Но наш рассудок не в силах держать это в памяти, так как
Жизни периоды разделены промежутками были б [145],
В кои движенье и чувство далеки одно от другого.

Тот, кому в будущем столько тревог предстоит и несчастий,
Должен в то время быть там, где беда его может настигнуть.

Между тем смерть упраздняет все беды. Она отклоняет
Зло то, которое впредь причинить бы могло неприятность,
Если бы к этому времени жил он на свете. А, значит,
Ясно нам, что ничего после смерти бояться не надо.
Тот, кого нет уж на свете, не может беде подвергаться.
Раз уж бессмертною смертью похищена жизнь человека,
То для него это все-равно, будто бы он не родился.
Между тем можешь ты встретить порой человека, который
Ропщет на то, что сгниет его тело по смерти иль станет
Жертвою пламени или же пищей для диких животных.
Знай, что не искренне слово его, что таится в нем все же
Скрытая сердца заноза, хотя отрицает он веру
В то, что по смерти в нем будет какое-то чувство.
Слову не верен, сдается мне, он своему и не может
То допустить, что он с корнем оторван от жизни,
Но бессознательно мнит, что останется нечто по смерти.
Тот, кто при жизни себе представляет, как в будущем станут
Хищные звери и птицы по смерти терзать его тело,
Сам сожалеет себя, потому что в достаточной мере
Сущности не отделяет своей от лежащего трупа.
Видит он в трупе себя и свои придает ему чувства
И оттого негодует, что смертным он создан на свете,
Позабывая, что кем-то другим он по смерти не станет,
Чтобы о том сокрушаться над собственным трупом,
Как этот труп разлагается и изнывает от боли.
Если прискорбно по смерти попасть на звериные зубы,
То я не вижу причин, отчего было б менее тяжко
Сделаться жертвой огня и изжариться в пламени жгучем
Или в меду утопать, или зябнуть от злого мороза,
Лежа на хладной поверхности камня могильного, или
Тяжестью грузной земли наконец быть придавленным сверху.

„Я не увижу уж больше свой дом и жену дорогую!“
„Детки мои не сбегутся ловить у меня поцелуи,
Что наполняют мне втайне отрадою сладкою сердце!“
„Я не свершу больше славных деяний, что будут на пользу
Мне и родным моим! Бедный я, бедный! Все радости жизни
День незадачный один вдруг уносит с собою“. Так ропщут
Люди все, но в таких случаях позабывают, что вовсе
Их тяготить уж не будет желание радостей этих.
Если б они хорошо это поняли и поученьям
Верили, то от заботы и страха избавили б дух свой.
Ты, когда смерть тебя в сон погрузит, все дальнейшее время
Будешь избавлен от всяких невзгод и страданий тяжелых;

А между тем перед страшным костром мы оплакивать долго
Будем тебя, обращенного в пепел; от нашего сердца
День ни один не отнимет тяжелого, вечного горя.
А потому я спросить пожелал бы: уж будто так грустно,
Если кто-либо, поверженный в сон, свой покой обретает,
Чтоб из-за этого стоило так сокрушаться в печали?

Именно так поступают нередко участники пира.
Чаши с напитком подняв и чело осенивши венками,
Часто они от души говорят: „Мол, у нас, у людишек,
Коротки радости! Скоро они безвозвратно нас кинут!“
Будто для них после смерти особой невзгодою будет
То, что их жажда измучит и тело несчастных иссушит
И что их будет тревожить не мало других вожделений.
Нет, когда тело и дух одновременно в сон погрузились,
То человек сам себя или жизнь свою не изучает [146].
Так что, хотя бы наш сон и во-веки-веков продолжался,
Нас вожделенье уже никакое не может касаться.
Все ж, тем не менее, наши первичные тельца во время
Сна удаляются мало от чувственных всех побуждений,
Так как, от сна пробудясь, человек оправляется снова.
Смерть еще меньше, чем сон, оставляет у нас побуждений.
(Если ничто в состояньи быть меньше чего-нибудь в свете).
Вместе с тем в тельцах материи следствием смерти бывает
Больший еще беспорядок, и вновь пробудиться не может
Тот, кого раз остановка холодная смерти постигнет.

Если б природа сама наконец подала нам свой голос
И кого-либо из нас укорила такими словами:
„Смертный! что стало с тобой? Отчего предаешься ты грусти
Столь непомерной? Почто ты о смерти горюешь и плачешь?
Если твоя предыдущая жизнь протекала приятно,
Если твои наслажденья и радости в ней не исчезли,
Точно в сосуде просверленном, и не пропали бесследно,
То отчего ты, глупец, не уходишь, как гость насыщенный,
И равнодушно покоя надежного ты не приемлешь?
Если же все, что служило утехой, истрачено даром
И ненавистною жизнь тебе стала, зачем ты стремишься,
Чтобы и дальше все тратилось и погибало без пользы?
Разве не лучше предел положить и заботам и жизни?
Так как, чего б ни измыслила я и ни создала дальше,
Ты не найдешь утешенья ни в чем. Остается все то же.
Хоть бы под бременем лет твое тело еще не увяло,
И не состарились члены, пойдет все одним же порядком,

Даже когда ты века победишь долголетием жизни
Или, тем больше, когда умереть ты не должен во-веки".

Что мы ответим на это? Не то ли, что иск справедливый
К нам предъявляет природа и верно ее обвиненье?
И если кто-нибудь жалкий по поводу смерти тоскует,
Если особенно старец скорбит, удрученный годами,
То не по праву ль бранит его голосом громким природа?
„Прорва! уйди со слезами и жалобным воем отсюда!
Не одряхлел ли ты от пресыщенья утехами жизни?
Так как ты вечно желаешь того, чего нет, презирая
То, что имеешь, прошла твоя жизнь без довольства и счастья,
И неожиданно смерть настигает главу твою прежде,
Нежели, сытый, довольный, способен ты с миром расстаться.
Ныне однако покинь все, что к лéтам твоим не подходит,
И равнодушно другим уступи это, ибо так надо".

Думаю, были б заслужены брань и упреки природы.
Ветхая старость должна уступать постоянно напору
Юности. Нужно, чтоб все возрождалось одно из другого,
И не нисходит ничто [147] в пропасть ада и тартар глубокий.
Силам материи нужно расти в поколеньях грядущих,
Кои в черед свой с утратою жизни пойдут за тобою.
Сущее ныне умрет, как все умерло бывшее прежде,
И непрестанно одно из другого родится во-веки.
Жизнь нам дается не в собственность, а во владенье на время.
Но оглянись ты на прошлое. Нас не касается вовсе
Та вереница веков, что прошла перед нашим рожденьем, —
Этим природа нам зеркало ставит, чтоб тут отразились
Дальние судьбы грядущих времен после нашей кончины.
Разве есть что-нибудь страшное там? Или кажется грустным
Это? Не сна ли спокойного вид восстает во всем этом?

Все, что, согласно преданью, на дне Ахеронта творится,
То, несомненно, уже в самой жизни находится нашей.
Млеет ли Тантал [148] несчастный от страха под глыбой утеса,
Где-то повисшего в воздухе, как нам толкует сказанье?
Нет. Но тревожит людей в самой жизни их страх беспричинный
Перед богами, и всякая их устрашает случайность.
И в Ахеронте лежащего Тития [149] птицы не мучат.
Да и притом, прокопавшись всю вечность в груди его мощной,
Птицы уже для себя ничего в ней найти не могли бы,
Как велико бы там ни было тела его протяженье
И хоть бы члены его занимали не только лишь девять

Югеров, по покрывали бы даже собою всю землю.
Кроме того еще вечно мучений сносить он не мог бы,
Как не могло б доставлять его тело питания вечно.
Тот из нас Титий, которого недуги страсти любовной
Будто бы коршуны жрут и терзают тревожные страхи
Или которого мучит тоска похотливых желаний.
Также стоит и Сизиф [150] у нас в жизни всегда пред глазами.
Тот, кто задумал добиться в народе почета и стражи
Ликторской [151], должен с печалью назад отступить, побежденный,
Так как стремление к власти есть труд безуспешный, напрасный
И сопряженный притом постоянно с тяжелой заботой.
Вот что и впрямь называется вскатывать силой на гору
Камень, который, достигнув вершины, обратно катится
И с быстротой устремляется снова на ровное поле.
Далее. Вечно питать существо ненасытное духа,
Кучу сокровищ копить, никогда не довольствуясь ими, —
Вот, полагаю, что значит цветущего возраста девы,
Льющие воду в бездонный сосуд, как толкует преданье,
И не могущие все же его совершенно наполнить [152].
Это бывает, когда времен года чреда круговая
Нам беспрестанно приносит плоды и другие утехи
И вместе с тем никогда нашей жизни не может насытить.

Да, в самом деле ни Цербер, ни Фурии, ни беспросветный
Тартар, из пасти своей изрыгающий страшное пламя,
Не существуют и существовать никогда не могли бы.
Между тем в жизни боязнь наказания за злодеянья
Очень значительна. Для наказанья проступков бывают
Тюрьмы, сверженье преступников вниз со скалы, заточенье,
Розги, смола, палачи, раскаленные бляхи и пытки.
Даже без этого совесть, виновная в скверном деяньи,
В страхе последствий приемлет уколы и кары боится.
И не предвидит она, где границы таким всем невзгодам,
Где отыскать она может конец наказаньям жестоким.
Кроме того еще совесть боится и мук после смерти.
Этим путем у безумцев становится жизнь Ахеронтом.

Далее вот еще, что́ ты б сказать себе мог между прочим.
Свет созерцать перестали глаза добронравного Анка,
Хоть он и лучше тебя, нечестивого, был по деяньям.
Также и множество прочих царей и властителей мира
Кончило жизнь, хоть народами славными повелевало.
Сам даже тот, кто когда-то проник чрез великое море,
Кто проложил чрез пучины своим легионам дорогу,

Кто научил проходить по соленым волнам, как по суше,
Кто на коне нападал, презирая угрозы стихии, —
Света лишился и выпустил душу из смертного тела.
Сам Сципион, молньеносец сраженья, гроза Карфагена,
Предал земле свои кости, как всякий невольник безродный.
Изобретатели разных наук и изящных творений,
Братья-певцы с Геликона, из коих Гомер лишь единый
Царским жезлом овладел, все почили, как прочие люди.
И наконец Демокрит, когда он уже в старости поздней
Стал замечать, что слабеет в нем память и сила рассудка,
Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу.
Умер и сам Эпикур, когда жизненный путь им был пройден;
Он, тот что гением род весь людской превзошел и затмил всех,
Как затмевает взошедшее солнце все звезды в эфире!

Будешь ли ты колебаться, досаду являть перед смертью,
Ты, что живой и глядящий на свет, уже к смерти столь близок?
Ты, что во сне свою жалкую жизнь большей частью проводишь?
Даже во бденьи храпишь ты и сны непрестанные видишь,
Свой возбужденный рассудок виденьями тщетно пугая.

И, между тем как кидаешься в стороны ты, будто пьяный,
И среди волн переменчивых духа блуждаешь в потемках,
Не в состояньи ты выяснить то, что во вред тебе служит.
Если бы люди могли распознать и изведать, откуда
Тяжесть души происходит и что́ их гнетет постоянно;
Если б постигнуть могли те причины, которые столько
Муки приносит им, столькими трудом удручая им сердце, —
То не вели бы так жизни, как видим мы большею частью.

Ныне не знает никто, чего жаждет, но всякий хлопочет
Место менять и как-будто желает сложить с себя тяжесть.
Часто иной из большого дворца своего убегает,
Так как ему тут наскучило, но возвращается снова,
Чувствуя также себя и вне дома нисколько не лучше,
Иль, иноходцев своих погоняя, стремится в поместье,
Точно торопится помощь подать он горящей постройке,
Но начинает зевать, лишь достигнув пределов поместья.
То погружается в сон, то забвения ищет он всюду,
То он торопится снова покинутый город увидеть.
Каждый бежит от себя самого, но себя он избегнуть
Все же не может никак. Он колеблется тщетно и страждет,
Так как больной не способен причину болезни постигнуть.

Если б он понял причину, то, всякие средства оставив,
Стал бы учиться он знанью природы вещей по началу.
Ибо тут дело идет не о часе единственном только,
Но о течении вечном времен, где должны оставаться
Все без конца поколения смертных созданий по смерти.

Ради чего, в заключенье, такая привязанность к жизни
Нас трепетать заставляет при стольких опасностях тяжких?
Все-равно жизни конец неизбежный для смертных настанет;
Смерти не может избегнуть никто, и должны все погибнуть.
Круг нашей жизни, к тому же, и быт остаются все те же;
Радостей новых уже никаких нам не встретится в жизни.
Кажется нам наилучшим все то, чего мы не имеем,
Но, получив это, сызнова мы вожделеть начинаем.
Вечно в сомненьи мы, что за удел предстоит нам в грядущем,
Случай какой нас постигнет и где из него будет выход.
Тем, что живем мы на свете, нисколько мы не убавляем
Времени смертного сна. Оттого, что нас смерть захватила
Несколько позже, ее продолжительность не сократится.
Даже хотя б люди жили в течение многих столетий,
Вечная смерть тем не менее той же всегда остается.
Смертный ведь сон у того, кто пределов на поприще жизни
Только сегодня достиг, продолжаться не менее будет,
Чем у того, кто уж месяцы, годы пред этим скончался.

В темные дебри, в поля Пиэрид ухожу я, где раньше
Не был никто. Я источников девственных первый достигну,
Первый из них зачерпну и нарву там цветов себе новых,
Чтобы стяжать для своей головы тот венок знаменитый,
Коим еще до меня никого не украсили музы.
Прежде всего потому, что о важных вещах я толкую,
Души от тесных оков суеверья [153] стараясь избавить.
Далее, ясные песни слагая о разных предметах,
Тьмою объятых, я муз обаянье на мир изливаю.
Это последнее, кажется, не лишено основанья.
Я поступаю, как врач. Когда горький полынь он ребятам
Маленьким дать пожелает, сперва по краям свою чашу
Сладкою влагой янтарного меда немного он мажет,
Чтоб услаждением губ их неопытный, детский рассудок
Ввесть в заблуждение. Так без труда поглощают ребята
Горький полынный настой, и подобный обман не вредит им,
Наоборот, еще более восстановляет здоровье.
Так же и я поступаю. Мое рассужденье для многих
Непосвященных покажется скучным; толпа отвернется
Вся от него, и я задался целью учение это
В сладких и звучных стихах Пиэрид изложить пред тобою
И, так сказать, его сдобрить поэзии сладостным медом,
Чтоб хотя этим путем удалось мне стихами своими

Твой испытующий ум направлять, пока ты не узнаешь
В целом природу вещей и полезности в том не постигнешь.

Я говорил уж о том, каковы суть зачатки предметов,
Как они все различаются между собою по форме,
Как они носятся вольно, влекомые вечным движеньем,
И каким образом могут из них созидаться все вещи.
Я говорил уже, что представляет наш дух по природе
И из чего в единении с телом он черпает силу;
Как разлагается он на зачатки, извлекшись из тела.

В том, что открою я ныне, есть тесная связь с предыдущим.
В мире есть нечто такое, что образом вещи зовем мы,
Что составляет у тел как бы род оболочки наружной.
Образы тел, отделившись, по воздуху всюду летают
И ужасают рассудок наш, как наяву нам являясь;
Так и во сне, когда необычайные облики чудищ
Видим мы перед собою, и призраки тьмою объятых
Нас, угнетенных боязнью, порою от сна пробуждают.
Все же не думай, что души из тьмы Ахеронта восстали
Или что тени умерших проносятся между живыми
И что от нас оставаться должно кое-что после смерти.
Как только сущность души отделилась от нашего тела,
Тотчас в нас все разлагаться должно на первичные тельца.

Я утверждаю теперь, что с поверхности тела предметов
Тонкие образы их отделяются и очертанья.
Их называть бы я мог оболочкой, корою предметов,
Так как имеют те образы сходство с фигурой и видом
Тех же предметов, от коих, отторгшись, они отлетают.

Истину эту легко даже слабый рассудок воспримет.
Прежде всего, существует не мало вещей, что открыто
Вон выделяют частицы: порою в рассеянном виде —
Дым испускают дрова, теплоту же огонь выделяет —
Или порою как кое-что цельное; так, для примера
Старую шкурку свою среди лета снимает цикада.
Так и телята, рождаясь, с себя оболочку срывают.
Тем же путем и коварная змейка в терновнике частом
Старый покров оставляет. Нередко мы можем заметить
Ветки терновника, обогащенные этой добычей.
Раз это в мире бывает, то также и прочие вещи
Выделить тонкие образы могут с поверхности тела,
Так как нельзя объяснить, почему отделялись бы легче

Все эти вещи, чем то, что сравнительно более нежно.
Кроме того на поверхности внешней предметов бывает
Множество крошечных телец, которым легко отделиться,
Прежнюю форму и облик предметов вполне сохраняя.
Это тем легче для них, что они не встречают препятствий,
Будучи малы, притом расположены в плоскости крайней.

Мы замечаем, что много частиц от вещей отлетает,
Не изнутри и не из глубины их, как сказано раньше,
Но лишь от внешней поверхности их, от наружной окраски.
Под парусами багрового, желтого, алого цвета,
Что над театрами укреплены на столбах и стропилах
И развеваются в воздухе, это порой происходит.
Цвет придают паруса эти сходбищу в зрительном зале,
Сцене, матронам, старейшинам и изваяньям бессмертных,
Властно над всею толпою окраску свою разливая.
И, чем плотнее со всех сторон стены театра закрыты,
Тем веселее являют нам вид, красотой наполняясь,
Все эти вещи внутри, с изменением света дневного [154].
Если с поверхности этих полотен исходят окраски,
Значит, и образы тонкие могут истечь от вещей всех,
Так как с поверхности тел отделяются те и другие.
А потому существуют уж признаки тех очертаний,
Кои витают кругом и сотка́ны из нитей тончайших,
В силу чего их в отдельности видеть никак невозможно.
Далее, запахи, дым, испаренья, тела все другие
Вроде того, существуют в предметах в рассеянном виде [155].

Эти тела, зародившись внутри, изнутри пробиваясь,
Косвенный путь пролагают, дороги прямой не имея,
Через которую можно им в целости выйти наружу.
Тонкий же слой, исходящий всегда от поверхности красок,
Расположе́нный снаружи на плоскости внешней, напротив,
При выделении вовсе не должен ничем рассеваться.

Изображения, кои являются нам постоянно
В зеркале, в водах, в блестящих других плоскостях, своим видом,
Будучи на настоящие вещи похожи, конечно
Из отделившихся образов этих должны составляться,
Так как нельзя объяснить, почему отделяться могли бы
Многие тельца от разных предметов в природе скорее,
Нежели то, что сравнительно с ними гораздо нежнее.
А потому существуют тончайшие образы эти,
Схожие с формой предметов, а порознь невидные глазу.

Но, многократно и часто в зеркальном стекле отражаясь,
Образы передаются и нашему зрению также.
Иначе мы не найдем объясненья той точности, с коей
Зеркало нам представляет подобие каждой фигуры.

Ныне ты должен узнать, как тонка по составу природа
Образов этих. Первичные тельца их не поддаются
Нашему чувству совсем. Они меньше гораздо и тоньше,
Нежели самое малое, что примечать может взор наш.
Чтобы яснее еще себе мог ты представить, как тонки
Эти первичные тельца, ты вот что усвой себе вкратце.

Прежде всего: существуют животные, кои столь малы,
Что уже третья их часть незаметна для нашего глаза.
Должно судить из того, как ничтожен размер их желудка,
Как невелики комочки сердец, их глаза, все их члены,
Все их суставы, а также первичные тельца, из коих
Сущность души их и духа должна состоять несомненно!
Не понимаешь ли ты, как все это ничтожно и мелко?

Далее, вещи есть всякие, что из себя испускают
Острые запахи, как-то: полынь и целебные травы,
Пряное божие дерево, золототысячник горький.
Стоит тебе к одному из них даже легко прикоснуться,
Чтоб убедиться, что в видах различных от них истекает
Множество образов, силы лишенных, для чувств неприметных.
Но сколь ничтожную часть тех растений они составляют —
Выразить словом и определить никому невозможно.

Но не подумай однакоже, будто в пространстве витают
Те только образы, кои от разных вещей истекают.
Нет, существуют такие, которые сами родятся
И создаются в том небе, что воздухом мы называем.
Там в высоте они носятся в множестве форм разнородных
И непрестанно меняют свой вид, расплываясь в пространстве,
И всевозможные там в небесах образуют фигуры.
Мы наблюдаем ведь, как облака разрастаются в выси,
Радостный лик мирового пространства собой омрачают,
Воздух смиряя движением. Часто приходится видеть
В них очертанья гиганта, далеко кладущего тени;
Или высокие горы и скал раздробленных обломки,
Что перед солнцем проносятся и вслед за солнцем влекутся;
Или же тучи, что тянутся в виде уродливых чудищ.

Ныне скажу, с какой легкостью и быстротой возникают
Образы и, от вещей отделясь, непрестанно несутся [156].
Есть на поверхности всяких вещей очень много такого,
Что выделяется прочь и, попавши на вещи другие,
Как для примера на ткани, свободно сквозь них проникает.
А, попадая на твердые камни и дерево, это
Врозь распадается и передать образ вещи не может.
Если ж что-либо блестящее, плотное противоставят,
По преимуществу зеркало, то происходит иное.
Здесь невозможно проникнуть насквозь, как чрез ткань, но распасться
Тоже причины нет, — гладкость зеркал сохраняет всю цельность;
Вот отчего нарождаются образы тут перед нами;
Вот отчего с быстротой величайшей во всякое время
Образ является, что бы пред зеркалом ты ни поставил.
Знай же поэтому, что от поверхности тел постоянно
Образов тонкая ткань и тончайший их облик исходит.
Множество образов так возникает в кратчайшее время,
И справедливо считается их зарожденье внезапным.
И наподобье, как солнца лучи в промежуток короткий
Всюду должны разлетаться, чтоб все преисполнить собою,
Тем же путем непременно должны отходить от предметов
Образы этих предметов во всякое данное время
И проноситься во множестве всюду, по всем направленьям,
Так как, в какую б мы сторону зеркала ни повернули,
В нем отражаются вещи с такой же окраской и формой.
Часто в то время, когда небосвод совершенно прозрачен,
Вдруг неожиданно мрак и смятение в нем наступают.
Можно подумать, что тени все, глубь Ахеронта покинув,
Тут собрались, чтоб наполнить пустоты великие неба.
Вот до чего эти грозные скопища туч, нависая
С вышних пределов небес, мрачный ужас повсюду вселяют!
Но, как ничтожна та часть их, что образы их составляет,
Может ли кто-нибудь определить или выразить словом?

Ныне в стихах своих, более сладостных, чем изобильных,
Я передам, с какой скоростью носятся образы эти
И при полете по воздуху сколь велика та подвижность,
Вследствие коей в короткое время они проникают
Очень далеко, куда бы их ни увлекло тяготенье [157].
Краткая песнь лебединая лучше, чем крик журавлиный,
Что высоко в облаках аустриальных разносится ветром [158].

Прежде всего убедиться возможно, что легким и тонким
Всяким телам вообще быстрота подобает большая.

К этому роду относятся жар и сиянье солнца
В силу того, что они состоят из мельчайших зачатков.
Эти зачатки, сквозь воздуха слой проникая, не могут
Мешкать в пути под напором зачатков, за ними идущих.
Свет пополняется светом внезапно и без перерыва,
И подгоняется молния молнией, будто ударом.
Вследствие этого нужно, чтоб образы тем же порядком
На расстоянье неизмеримое вмиг улетали.
Прежде всего потому, что есть сила, которая сзади
Гонит их тельца первичные и издалека толкает.
Кроме того в этих образах ткань столь неплотна, что даже
С легкостью могут они проникать сквозь любые предметы;
Могут пространство воздушное как бы пронизывать на́сквозь.

Из середины предметов с высот истекает на землю
Множество мелких частиц. Например постоянно мы видим,
Как теплота и лучи, среди дня отделяясь от солнца,
Вмиг разливаются всюду в пространстве небесного свода;
Как по земле и по морю они пробегают и небо
Все наполняют вверху и проносятся с легкостью птицы.
Стало быть, то, что в вещах расположено в плоскости внешней,
При выделеньи не может никоим путем задержаться.
Разве оно не должно подвигаться скорее и дальше
И пробегать многократно в такое же самое время
То расстоянье, которое солнца лучи пробегают?

Опыт такой еще лучше всего, мне сдается, докажет,
Сколь велика быстрота при движении образов этих.
Стоит лишь зеркало чистое влаги на воздух открытый
Вынести, чтоб при сиянии звездного неба мгновенно
Сонмище ясных светил мировых здесь тотчас отразилось.
Разве ты не примечаешь, как быстро из далей эфира
Образы этих предметов пределов земли достигают?

А потому, повторяю еще, что тела выделяют
Образы, кои глаза поражают и в нас возбуждают
Зрение. А от известных вещей выделяется запах,
Так же как холод от рек, как от солнца тепло, а от моря
Мощный прибой, размывающий часто прибрежные стены.
Без остановки по воздуху всякие звуки несутся;
В рот наконец попадает при наших прогулках близ моря
Влага соленого вкуса; когда же настойку полыни
Изготовляют при нас, то во рту ощущаем мы горечь.
Каждая вещь из себя таким образом вон выделяет

Нечто такое, что носится всюду по всем направленьям;
И при таком выделении нет никаких перерывов,
Так как мы безостановочно чувствуем и постоянно
Видим и нюхаем вещи и слышим порою их звуки.

Кроме того, прикасаясь в потемках к различным предметам,
Мы то же самое в них познаем, что при помощи зренья
Мы среди белого дня различаем. Поэтому нужно,
Чтоб осязанье и зренье причиной одной вызывались.
Если, допустим, к фигуре квадратной во тьме мы коснемся
И впечатленье квадрата получим, то что же иное
Может при свете представиться кроме фигуры квадрата?
А потому, как мне кажется, нашего зренья причина
В образах этих лежит, и без них неспособны мы видеть.

Ныне тебе говорю я, что образы всяких предметов
Всюду проносятся и пролетают по всем направленьям.
Истинно: так как мы зреть в состоянии только глазами,
То и понятно, что там лишь, куда мы глаза обращаем,
Их поражают все вещи окраскою и очертаньем.
Образы также дают нам возможность узнать расстоянье,
В коем находится вещь, и ее различать помогают:
Так как в движеньи они в то же время толкают и гонят
Воздух, который находится между собой [159] и глазами.
Весь этот воздух тотчас устремляется к нашему взору
И, потихоньку зрачки задевая, туда проникает.

Вот почему происходит, что можем мы видеть, как близко
Каждая вещь отстоит [160]. Чем движение воздуха больше [161]
И чем длинней тот воздушный поток, что зрачки задевает,
Тем удаленней от нас будет каждый предмет нам казаться.
Это творится с большой быстротой, посему происходит,
Что одновременно видим мы вещи и их расстоянье.

При обсужденьи вопросов таких удивляться не должно,
Что мы не можем в отдельности видеть тех образов, кои
Взор поражают наш, видим же мы только самые вещи.
Так, когда ветер слегка на нас дует, когда нас пронзает
Холод жестокий, то мы ощутить никакими путями не можем
Каждой отдельной частицы в том холоде или же ветре.
Нет, в совокупности всей мы их чувствуем. Кажется, будто
Тело стороннее нашему телу наносит удары,
С помощью коих извне нам дает о себе представленье.
Кроме того еще, если мы трогаем пальцами камень,

То прикасаемся к самой поверхности, к внешней окраске.
Но осязаньем мы краски не чувствуем, чувствуем только
Твердость, присущую камню до недр его самых глубоких [162].

Ныне узнай, отчего по ту сторону зеркала образ
Нам представляется (образ во внутрь отодвинутым будто
Кажется нам) — нечто сходное с тем, когда мы созерцаем
Вещи какие-нибудь на дворе, чрез открытые двери,
И изнутри наблюдаем за тем, что творится наружу.
Воздуха столб здесь двойной и сугубый содействует зенью:
Воздух один, что мы видим всегда по сю сторону двери,
Самые двери за этим, раскрытые справа и слева;
После же воздух другой вместе с светом глаза поражает,
Также все то, что действительно видно снаружи чрез двери.
Так, когда в зеркале образ вещей отразился впервые,
К нашему взору стремясь, пред собой он толкает и гонит
Воздуха столб здесь двойной и сугубый содействует зренью:
Вот отчего происходит, что раньше мы видим тот воздух,
Нежели зеркало. Но в тот же миг, как мы зеркало видим,
Образ, от нас исходящий, до глади зеркальной доходит
И, отразившись в нем, вновь возвращается к нашему взору
И струю новую воздуха перед собою толкает.
Эту последнюю видим мы прежде, чем образ, а, значит,
Образ нам в зеркале кажется на отдаленьи известном.
Вследствие этого мы не должны удивляться нимало
Изображениям, кои даются поверхностью зеркал;
Это является делом двояких воздушных течений.

Те части тела затем, что у нас расположены справа,
В зеркале будут являться нам слева всегда, потому что
Образы, встретившись с плоскостью зеркала и отразившись,
Не возвращаются без изменения к нам, но в обратном
Виде нам кажутся. Так, если кто-нибудь маску из глины,
Прежде чем дать ей просохнуть, ударит о столб или балку
И, сохраняя при этом у маски всю цельность фигуры,
Вывернет лишь наизнанку черты все ее, то увидит, —
Что у нее вместо правого глаза окажется левый,
Вместо же левого глаза, напротив, очутится правый.
Образ предмета, из зеркала в зеркало передаваясь,
Выглядит, будто здесь пять или шесть таких образов было.
И в этом случае все, что во внутренних скрыто покоях,
Как бы глубоко в косом направленьи оно ни лежало,
Может быть извлечено чрез кривые проходы жилища
С помощью нескольких зеркал и видимо так же, как вещи,

Тут же стоящие. Вот как из зеркала в зеркало образ
Передается! Все левое тут отражается справа,
Но, отразившись вторично, вид прежний свой вновь принимает.

Далее, есть зеркала с боковыми притворами, кои
Наклонены сообразно с наклонами нашего тела
И оттого передать всякий образ наш правильно могут.
Тут или передается из зеркала в зеркало образ,
Так что доходит до нас он в двойном отражении, или
Самый наклон того зеркала так здесь на образ влияет,
Что на пути своем перевернуться он должен обратно.
Образы (в зеркале) шествуют с нами, и кажется, будто
Делают с нами шаги, повторяют все наши движенья;
Стало быть, каждое зеркало в той его части, от коей
Мы отошли, прекращает тотчас отражать в себе вид наш.
Все по законам природы под тем же углом отражаться
И отклоняться должно, под каким пред зеркалами встало [163].

Взор уклоняется наш и бежит от блестящих предметов.
Солнце слепит тебя, если пред ним ты стоять продолжаешь,
Так как великая сила присуща ему и несутся
С натиском образы вниз от него через воздух небесный [164].
Кроме того нестерпимый блеск солнца порой воспаляет
Наши глаза оттого, что оно заключает не мало
Огненных телец, глазам причиняющих боль и страданье.

Людям, болящим желтухою, кажутся всякие вещи
Желтыми, так как от этих людей истекает не мало
Желтых зачатков, которые к образам всем прилипают [165].
Да и к тому же в глазах им примешано много такого,
Что покрывает все вещи какой-то окраскою бледной.

Сидя в потемках, мы видеть способны предмет освещенный,
Так как здесь прежде всего проникает окрестного мрака
Воздух и раньше открытые наши глаза занимает.
Тотчас же следует белый светящийся воздух за этим
И очищает как-будто глаза, прогоняя отсюда
Тени все черные, в силу того, что во всех отношеньях [166]
Он подвижнее и тоньше и тельца в нем более гладки [167].
Как только в наших глазах все проходы наполнятся светом
И все пути тут раскроются [168], раньше объятые тьмою,
Тотчас войдут туда образы всех освещенных предметов,
Кои в глаза нам бросаются, так что мы можем их видеть [169].
Наоборот же, не можем со свету мы видеть в потемках,

Ибо воздушный состав вслед за светом идущего мрака
Гуще значительно. Мрак наполняет собою все ходы
И замыкает пути все в глазах наших; так что не могут
Образы тьмою объятых вещей возбудить здесь движенья.

Башни четыреугольные города кажутся взору
Издали круглыми. Это всегда оттого происходит,
Что всякий угол вдали представляется нам притупленным
Или что мы его не замечаем. Угла впечатленье
Гибнет для глаза; оно не доходит до нашего взора
В силу того, что у образов, к нам доходящих чрез воздух,
Живость теряется от постоянного тренья о воздух.
Так что, где угол такой ускользает от нашего чувства,
Кажется, будто бы видим мы круглое скопище камней.
Но не вполне это кажется круглым, как ближние вещи,
А представляется только неясным подобием круга.

Кажется, будто при солнце шевелится тень и за нами
Следует всюду она, подражая всем нашим движеньям,
Если допустишь, что воздух, свое освещенье утратив [170],
Может ходить, повторяя движения все человека.
(Так как ведь то, что обычно у нас называется тенью,
Может ли быть чем иным, как не воздухом, света лишенным?).
Да, несомненно [171], земля шаг за шагом лишается света
В месте известном, где, хóдя, мы солнца лучи заслоняем,
Но они вновь наполняют то место, откуда ушли мы.
А потому нам сдается, что тень, ниспадая от тела,
Сопровождает нас всюду с одной стороны постоянно.
Новые света лучи проливают вечно на землю,
Гибнут же прежние, будто бы шерсть, что сквозь пламя мы тянем [172].
Значит, не трудно отнять у земли лучи света и снова
Их возвратить и при этом рассеять все черные тени [173].

Но, чтоб глаза наши тут погрешали, мы не допускаем.
Свойственно им замечать только: есть ли тут свет или тени.
Но тот же самый ли свет, та же самая ль тень, что и прежде,
В данное время сопутствуя нам, пред глазами проходит,
Или же все происходит, как я объяснил уже выше, —
Этот вопрос разрешить надлежит одному лишь рассудку.
Наши глаза познавать не умеют природу предметов,
А потому не навязывай им заблуждений рассудка.

Так, когда на корабле мы идем, нам сдается — стоит он,
Все же, что в пристани есть, представляется мимо бегущим,

Кажется, будто к корме набегают холмы и долины,
Мимо которых, надув паруса, направляем мы судно;
Кажется, будто созвездия все, пригвожденные к небу,
Остановились, меж тем как они в постоянном движеньи,
Так как, взойдя, они видят опять и закат свой далекий,
После того, как тела их блестящие небо очертят.
Тем же порядком недвижными кажутся солнце и месяц,
Но, что они подвигаются, дело само указует.
Горы, что вверх восстают средь пучин далеко друг от друга,
Так что меж ними есть выход, свободный для целого флота,
Нам представляются издали соединенными вместе;
Кажется, будто сцепились они в один остров громадный.
Детям же, после того как они перестали кружиться,
Кажется, будто бы вертится здание все и колонны
Ходят кругом, а порою едва их возможно уверить,
Что не грозит им нисколько своим разрушением крыша.
В пору, когда по утрам из-за горного кряжа природа
Трепетный свет красноватой зари воздымать начинает,
Часто тебе представляется, будто бы самое солнце
Пламенем жарким своим прикасается к горным вершинам,
Кои от нас отстоят на две тысячи выстрелов лука,
Или почти на пять тысяч [174] полетов метательных копий.
Между горами и солнцем однакоже тянутся глади
Моря безбрежного под необъятным простором эфира;
Тянутся многие сотни и [175] тысячи стран, населенных
Множеством разных племен и породами разных животных.
Далее, лужа воды, глубиною не более пальца,
На мостовой между камнями улиц скопившись порою,
Вид под землей открывает нам столь же большой, необъятный,
Как и зияющий свод над землей вознесенного неба,
И представляется нам, будто тут под землею мы видим
Тучи и все те предметы, что в дивном находятся небе.
Если в средине потока наш конь остановится борзый
И в это время посмотрим мы в быстротекущие воды,
То мы увидим коня в них, стоящего кверху ногами
И с быстротой уносимого волнами против теченья.
Также, куда б мы ни кинули взора, нам будет казаться,
Будто все вещи плывут и несутся таким же порядком.
Портик возьми наконец, представляющий ходы прямые
И состоящий притом из колонн одинаких повсюду.
Если же вдоль поглядеть от какой-нибудь точки предельной,
То постепенно он сводится к конуса узкой вершине:
Крыша склоняется к полу, сближается правый бок с левым
Вплоть, пока все тут к вершине конической в нем не сойдется.

Так корабельщикам кажется па море, будто бы солнце
Всходит из волн и заходит, лучи свои в волнах скрывая;
Ведь ничего моряки кроме моря и неба не видят,
А потому не подумай, что тут извратилось их чувство.
И для незнающих моря суда, что на якоре стали,
Кажутся очень непрочными и поврежденными бурей,
Так как те части у весел, которые вверх выдаются
Здесь над поверхностью, целы и прямо корма выступает,
Но вся подводная часть представляется сломанной, будто
Несколько кверху отогнутой и выпирасмой кверху,
Так что, сдается, она близ поверхности плавает самой.
Ночью, когда разреженные тучи уносятся ветром,
Нам представляется, будто блестящие светочи неба
Поверху как бы навстречу идут облакам и при этом
Вовсе не теми путями, какими итти надлежит им.
Далее: если ты руку к глазам поднесешь и немного
Снизу надавишь их, то образуется чувство, как-будто
Все, что ты видишь, в двойном пред тобою является виде.
Видишь в светильниках, как разгорается пламя двойное,
Видишь в жилище своем, как двоится домашняя утварь,
Как у людей появляется по два лица́, по два тела.
А когда сладостный сон повергает в бесчувствие члены
И наше тело объято всецело полнейшим покоем,
Нам представляется, будто мы бодрствуем, будто бы члены
Движутся наши и будто бы ночью, во тьме непроглядной,
Солнца лучи созерцаем мы и освещенье дневное.
Кажется, что перед нами сменяются реки и горы,
Небо и море, что мы переходим ногами чрез поле,
Что средь безмолвия ночи всеобщего слышим мы звуки
И на вопрос отвечаем, хотя мы молчим в это время.

В этом же роде встречается множество страшных явлений,
Кои хотят подорвать как бы наше доверие к чувствам.
Но понапрасну все то. Большей частью нас вводят в ошибку
Те заключенья рассудка, которые вносим мы сами,
Так что мы чувствуем то, чего чувства нам не указуют.
Но ничего нет трудней, как из вещи, вполне очевидной,
Выделить те заблужденья, которые вносит рассудок [176].

Тот же, кто думает, что ничего он не знает, не знает
Также, возможно ль познать что-нибудь при подобном незнаньи [177].
Значит, и опровергать я не буду того человека,
Что обратил себя сам на свои же следы головою.
Даже хотя б согласился и с этим его положеньем,

Все ж я спросил бы: откуда берет он понятье о знаньи
Или незнаньи, всегда отрицая во всем достоверность.
В чем же различие между сомненьем и сведеньем верным,
Что составляет мерило для истины и заблужденья?

Прежде всего ты найдешь, что понятье об истине точной
Чувства рождают в тебе. Невозможно ведь чувств опровергнуть,
Так что доверия стоит наибольшего то, где победа
Истины над заблужденьем сама по себе нам дается [178].
Может ли быть что-нибудь достовернее чувства на свете?
Можно ль сказать, что рассудок, всецело от чувства возникший,
Стоит чего-нибудь, если на чувстве он ложном основан?
Нет, при обманчивых чувствах ошибочен также рассудок.
Может ли удостовериться зрение слухом, равно как [179]
Слух осязанием? Можно ли вкус передать осязаньем?
Можно ли то опровергнуть ноздрями, что глаз восприемлет.
Нет, невозможно, я думаю. Каждому чувству способность
Уделена, и у каждого есть своя сила; а, значит,
То, что тепло или холодно, твердо и мягко, должно нам
Теплым, холодным, равно как и твердым и мягким казаться.
Также должны ощущаться особо и краски предметов [180]
И вообще все, что в мире связуется с разной окраской.
Свойства особые также имеет и вкус. Возникают
Звуки и запах особо. Поэтому необходимо,
Чтоб не могли подтверждаться друг другом отдельные чувства.
Опровергаться взаимно, притом же, несвойственно чувствам,
Так как доверие к ним в одинаковой степени сильно.
А потому показания чувства всегда достоверны.

И если даже рассудок не может найти ту причину,
Вследствие коей четыреугольник нам издали круглым
Кажется, все ж при отсутствии доводов верных рассудка
Лучше давать объяснение ложное этим фигурам,
Чем выпускать из рук то, что для всех нас вполне очевидно,
И подрывать этим высшую веру в нас, ниспровергая
Все основанья, на коих покоится жизнь и блаженство.
Знай, что не только один твой рассудок потерпит крушенье,
Но и сама твоя жизнь неминуемо тотчас погибнет,
Если ты чувствам своим доверять не имеешь отваги
И убегать от погибельных мест и всего в том же роде,
Что избегать надлежит, а пойдешь в направленьи противном.
А потому наставленья, идущие противу чувства,
Могут в глазах твоих быть только скопищем слов бесполезных.
Так при постройке домов: если первые линии кривы,

Если угольник не прям и от правильных черт отступает
И уклоняется уровень в неких частях хоть немного,
То неизбежно окажется зданье все криво и косо.
Криво, нескладно, изогнуто будет нестройное зданье,
Будто готовясь упасть; и действительно падает часто
Лишь оттого, что неправильны первые были начала.
А потому должен быть непременно обманчив и ложен
Также и довод, когда из обманчивых чувств он исходит.

Ныне рассмотрим мы, как ощущают все прочие чувства
То, что присуще им. Здесь не извилистый путь предстоит нам.
Прежде всего мы услышать должны всякий голос и звуки,
Если зачатки их, в уши проникнув, рождают здесь чувство:
Нужно признать ведь, что звуки и голос в себе заключают
Сущность телесную, так как воздействовать могут на чувство.
Голос подчас мимоходом гортань нам царапает, крики
Горлу порой придают хрипоту, из него вылетая.
Ибо когда тельца голоса, кучею тесной собравшись,
Через отверстие узкое вон вылетать начинают
И заполняют весь рот, то шершавым становится горло [181],
И повреждается путь, коим голос несется наружу.
Так что, сомнения нет, голоса и слова заключают
Сущность телесную, так как нам боль причинять они могут.

Также ты в том не обманешься, сколь утомляет все тело,
Сколько частиц в сухожильях и сил у людей отнимает
Речь непрерывная, что, начиная с лучей восходящих
Ранней зари, до глубокого сумрака ночи ведется,
А особливо когда произносится голосом громким.
Стало быть, голос в себе заключает телесную сущность,
Так как при долгих речах кое-что отнимает у тела.

В голосе грубость зависит от грубости телец первичных,
А его нежность, напротив, от нежности этих последних,
Так что: ревет ли угрюмо труба, подавляя свой рокот,
Или изогнутый рог издает свои тусклые звуки,
Или же лебедь, рожденный в холодных полях Геликона,
Голосом, полным томления, жалобу плавно возносит, —
В уши внедряются неодинаковой формы зачатки.
Стало быть звуки, которые мы вытесняем из глуби
Нашего тела и прямо чрез рот выпускаем наружу,
Тут же искусно в слова языком расчленяются быстрым,
Или они лишь сложением губ образуются часто.

Если то место, откуда доносится чей-нибудь голос,
Не чересчур далеко отстоит, то слова непременно
Явственно будут слышны и дойдут до вас членораздельно,
Так как они сохраняют свой склад, сохраняют фигуру.
Если ж, напротив, имеем мы тут расстоянье большое,
То, проходя через воздух, слова все мешаются в кучу,
И при полете воздушном приводится голос в смятенье.
В случае этом мы можем услышать отдельные звуки,
Не понимая, какое значенье словам придается;
Вот до чего этот голос доходит неясно и смутно.

Дальше. Указ, возвещенный устами глашатая, часто
Единовременно трогает уши всей массы народной.
Так один голос на много других голосов с быстротою
Делится. Ибо, во много отдельных ушей попадая,
Он сообщает им ясные звуки и слов распорядок.
Часть же тех звуков, которая не достигает до слуха,
Мимо несется и гибнет, рассеявшись в воздухе даром,
Или, толкнувшись о твердый предмет, отраженные звуки
Передает нам и вводит в ошибку подобием речи.

Если понятно все это, то ты объясненье представить
Сможешь себе и другим, каким образом в месте пустынном
Скалы подобие слов издают в надлежащем порядке
В пору, когда мы в горах заблудившихся путников ищем
И разбежавшихся голосом громким к себе призываем.
Видеть пришлось мне места, где раз шесть или семь отражался
Изданный звук; и к холму от холма, отражаясь взаимно,
Произнесенные речи неслись и блуждали в пространстве.
Эти места козлоногих сатиров и нимф приютили,
Как утверждают туземцы, и здесь поселилися фавны.
Здесь они, ночью блуждая, веселой игрою и шумом
Тишь нарушают безмолвную, по уверенью народа.
Слышатся струнные тихие звуки порой, и из флейты
Нежную жалобу пальцы играющих тут извлекают.
Издали люд земледельческий слышит, как Пан, потрясая
На голове полудикой убор свой из веток сосновых,
Часто губами кривыми по трости пустой пробегает
И заставляет свирель заливаться пастушеской песнью.
Ходит молва и о разных других чудесах в том же роде,
Чтобы пустынное место оставленным вовсе богами
Не почиталось [162]; вот так чудеса создаются из сказок.
Есть и другая причина речей таких; та, что все люди
До чрезвычайности жадны ко всяким рассказам чудесным.

Впрочем, дивиться не следует также причинам, по коим
В те же места, где глаза не имеют возможности видеть
Явных вещей, голоса долетают и слух поражают.
Часто беседа ведется у нас чрез закрытые двери.
Не удивляйся, что звук чрез косые все скважинки двери
Может пройти невредимо, а образы вещи не могут
И разрываются, если идут не чрез ходы прямые,
Как у стекла, чрез которое образы все проникают.

Кроме того разлетается голос во всех направленьях,
Так как один из другого рождаются звуки, и там, где
Звук единичный раздался, не мало других возникает,
Так же как искры огня рассыпаются в новые искры.
Так что кругом все места наполняются голосом, даже
То, что сокрыто кругом глубоко, пробуждается звуком.
Между тем образы, раз отделившись, всегда проникают
К нам лишь прямыми путями; поэтому мы сквозь заборы
Видеть не можем, меж тем как насквозь к нам доносятся звуки.
Все же и голос, когда он проходит чрез перегородку,
Глуше становится, несколько смутно к ушам проникая,
Так что тут слышатся более звуки, чем внятные речи.

То, как мы чувствуем вкусы путем языка или неба,
Делом является [183] более сложным, трудней объяснимым.
Прежде всего ощущаем мы вкусы во рту, когда в пище
Выдавим соки жеваньем, подобно тому как порою
Можно рукою из губки насыщенной выдавить воду.
Соки, что мы выжимаем, проходят чрез скважинки неба
И чрез неплотную ткань языка по запутанным ходам.
Там, где первичные тельца сочащейся жидкости гладки,
Прикосновенье их нежно, и сладостным чувством ласкают
Всюду они языка увлажненные, слизкие поры.
Наоборот, там, где тельца шершавы и сложены грубо [184],
Жидкости нашему чувству претят и его оскорбляют.

Сладость от соков засим воспринимается в области неба,
Ибо уж после того, как они устремляются в глотку
И когда в членах текут они, сладости нет уже больше.
Тут безразлично становится, чем ни питалось бы тело;
Лишь бы все то, что ты скушал, сварившись, могло просочиться
В члены твои и поддерживать влажные соки в желудке.

Ныне скажу, отчего разнородная пища присуща
Разным созданьям и то, что противно и горько иному,

Может другому казаться, напротив того, очень вкусным.
Много несходства и разницы видим мы в этих предметах;
То, что питает одних, для других острым ядом бывает.
Так, прикоснувшись к слюне человека, змея погибает
И умерщвляет себя, свое тело кусая зубами.
Кроме того чемерица весьма для людей ядовита,
А в перепелках и козах она только жир приращает.
Чтобы понять, от каких это все происходит условий,
Прежде всего тебе следует вспомнить, что сказано выше.
Смешаны многообразно первичные тельца в предметах.
Кроме того еще все существа, кои пищу приемлют,
Столь меж собою различны наружностью и по семействам
Столь различаются все очертаньями внешними членов!
А потому и в зачатках несхожи они и различны.
Если не сходны зачатки, то также должны изменяться
Вид, промежутки, пути или, как называем мы, поры
Всюду по членам их, а между прочим во рту и на небе.
Так что одни тельца малы [185], другие немного побольше;
Те — треугольны, а эти являют фигуру квадрата;
Многие круглы по форме, другие же многоугольны.
Самые поры должны различаться всегда меж собою
И изменять направленье согласно строению ткани,
Как того требует смысл и порядок движенья в предметах [186].
Вкусы, приятные для одного, неприятны другому.
Стало быть, там, где что-либо приятно для вкуса, зачатки
Гладки и входят в отверстие неба, слегка прикасаясь;
А у того, кому вещь эта самая кажется горькой,
В рот попадает она, как неровное, цепкое тело.
Ныне нетрудно по этим примерам узнать остальное.
Если от желчных избытков поднимется вдруг лихорадка
Или же как-нибудь иначе сила болезни возникнет,
То этим самым в смущенье приводится целое тело,
И все первичные тельца меняют свое положенье.
А потому все, что раньше ко вкусам вполне подходило,
Тою порой не подходит, а кажется более вкусным
То, что во рту ощущение скверное вызвало б раньше.
Те и другие зачатки во влаге медовой смешались,
Как многократно тебе говорил я уже в предыдущем.

Ныне внимай. Я скажу, каким образом запах на ноздри
Действует. Прежде всего есть не мало вещей, из которых
Запахов разных потоки исходят и льются в пространство.
(Надо признать, что они рассеваются и истекают) [187].
Вследствие разницы в форме зачатков различным созданьям

Запах различный приятен. Летая по воздуху, пчелы
Издалека привлекаются сладостным запахом меда,
Птицы же хищные — падалью. Так направляют собаку
Диких животных следы от расколотых мелких копытцев.
А белоснежные гуси, спасители крепости римской,
Чувствуют на расстояньи большом человеческий запах.
Так к надлежащему корму подводит различных животных
Запах различный, и он отвращает от ядов опасных.
Этим путем сохраняется диких животных порода.

Сам по себе этот запах, у нас раздражающий ноздри,
Может рассеяться на расстояньи большом или малом,
Но тем не менее он никогда не летит так далеко,
Как голоса или звуки (я не говорю уж о тельцах,
Что на зрачок наш воздействуют и поражают нам зренье [188]).
Медленно носится запах летучий и гибнет, пред этим
В веяньи воздуха мало-по-малу легко рассеваясь,
Прежде всего оттого, что из глуби вещей он исходит.
Нам указанье дает на его истеченье из глуби
То, что разбитые вещи, как знаем мы, пахнут сильнее,
Равно как все, что разрежено пламенем или растерто.
Запах, затем, возникает из телец, значительно бо́льших,
Нежели тельца первичные голоса, так как сквозь камни
Он не проходит, а голос и звук большей частью проходят.
Вот почему то, что пахнет, с трудом нам дает указанье,
Где, в какой именно части предмета оно пребывает.
Медля в движении воздуха, запахи все остывают,
Признаки вещи уже не доходят горячими к чувству.
Вот почему ошибаются псы, когда след они ищут.

Действуют так не одни только запахи или же вкусы.
Нет, точно так же и образы или окраска предметов
Не в одинаковой степени к каждому чувству подходят,
И одному они более режут глаза, чем другому.
Так для примера: проворные львы никогда не выносят
Вид петухов, нарушающих крыльями тишь полуночи
И возвещающих голосом громким зари появленье;
Так постоянно в сем случае львы вспоминают о бегстве.
Неудивительно, так как во всех петухах существуют
Некие тельца, которые, льву на глаза попадая,
В них протыкают зрачки и при этом ему причиняют
Столь нестерпимую боль, выносить коей хищник не может.
А между тем эти тельца для нашего зренья не вредны,
Так как они или не проникают в него, или даже

Хоть пропикают, но все ж им оттуда есть выход свободный,
И на возвратном пути повредить они глазу не могут.

Ныне узнай из немногих стихов моих, что подвигает
Дух наш; откуда берется все то, что на ум нам приходит.
Прежде всего утверждаю, что образы всяких предметов
Многообразно и всюду по всем направленьям блуждают.
Будучи тонки, при встречах они без труда меж собою
Соединяются в воздухе, как паутина, как блестки
Золота. Образы эти по ткани гораздо нежнее,
Нежели те, кои взор поражают, в глаза проникая,
И через поры внутрь тела проходят и там возбуждают
Сущность легчайшую духа и чувство внутри вызывают,
Так что мы видим центавров, со страшными членами Сциллу,
Цербера морды собачьи и признаки тех, кои смертью
Были унесены, коих останки приняты землею.
Образы всякого рода везде в беспорядке блуждают.
Частью они порождаются в воздухе собственной силой,
Частью совместно они истекают от разных предметов
И заключают в себе очертания этих предметов [189].
Ясно ведь, что не с живого центавра был взят его образ,
Ибо не существовало породы подобных животных.
Так что [190], когда человеческий образ встречается с конским,
То они оба сцепляются быстро, как сказано выше,
Вследствие их легковесной природы и тонкости ткани.
Прочее все в этом роде от тех же причин возникает.

То, что легко и с подвижностью высшею носится всюду,
Как я сказал уже ранее, может легко одним разом
Ум возбуждать наш смешением образов тонких,
Так как и сам наш рассудок на диво подвижен и тонок.
Что это так, как сказал я, ты можешь легко убедиться.
Все восприятья рассудка похожи на то, что приемлют
Наши глаза. Потому и причины у них одинаки.
Стало быть, если, как сказано, льва мне возможно увидеть
Только путем его образов, кои мой взор поражают,
То и рассудок по той же причине притти в возбужденье
Может лишь с помощью образов, кои столь ясно он видит,
Как и глазами, с той разницей, что эти образы тоньше.

Бодрствует разум и дух, когда в сон погружаются члены,
Не по иной какой-либо причине как та, что рассудок
Рядом подобных же образов, как наяву, поколеблен.
И до того тут доходит, что, кажется, видим мы ясно

Тех, коих жизнью давно уже смерть и земля овладели.
К этому нудит природа сама, потому что все чувства
В членах уснувшего тела находятся в полном покое
И отличить неспособны действительность от заблужденья.
Кроме того еще память во сне ослабляется, блекнет,
И ей нельзя доказать, что рассудок считает живыми
Тех, кто давно уже стал достояньем могилы и смерти.

Впрочем и не удивляйся, что движутся образы эти
И с равномерностью руки и прочие члены подъемлют.
(Кажется часто во сне, будто призраки так поступают.)
Где улетучился образ один, там другой возникает,
Так что сдается, что первый из них положенье меняет.
Стало быть, это случается от быстроты, надо думать [191].

Многое в этих вещах объяснить и исследовать надо,
Если предмет мы хотим изложить с очевидностью полной.
Прежде всего я спрошу, отчего наш рассудок тотчас же
Сам собой мыслит о том, о чем мыслить приходит охота.
Не согласуются ль с нашею волею образы эти,
Если, как только желаем, видение к нам прилетает,
Если природа творит и готовит по прихоти нашей
Все, что нам по сердцу: землю, моря, небосвод даже самый,
Пиршества, битвы, собранье народа и зрелище шествий,
А особливо, когда у иных, в одном месте живущих,
Дух размышляет о всяких вещах, чрезвычайно несхожих?

Но отчего, затем, образы так выступают размерно,
Как это видим во сне мы, и двигают членами плавно,
Или руками обеими гибкими быстро разводят,
Или глазами следят за движеньем, к ноге подходящим? [192]
Не научились ли где-нибудь образы этим приемам,
Чтобы возможность иметь среди ночи затеивать игры?
Или вернее объяснить это тем, что мы образы видим
Единовременно? Также и голос звучащий скрывает
Много времен, коих бытность рассудком затем познается [193].
Вследствие этого в месте любом и в любое мгновенье
Всякие образы тотчас готовы предстать перед нами.
Вот до чего велико их число, велика их подвижность [194].
Так как они очень нежны, то дух их не может различить
Явственно без напряженья известного. Так что бесследно
Гибнут они, если дух сам собою их не приспособил.
Дух себе образы сам создает, с надеждой в грядущем
Видеть любой из предметов, какие он видеть желает.

Не примечаешь ли ты, как, на что-нибудь тонкое глядя,
Приспособляется и напрягает внимание взор твой
И как без этого явственно видеть никак он не может.
Даже предметы, которые ты наблюдаешь повсюду,
Если не вникнешь рассудком ты в них, существуют как-будто
На расстояньи большом и в различное время с тобою.
Можно ль дивиться тому, что наш дух упускает из виду
Все, исключая вещей тех, где сосредоточился сам он?

Малые вещи, затем мы, считаем нередко большими,
Но ошибаемся и в заблуждение сами впадаем.
Часто бывает, что чей-нибудь образ другим, не таким же
Вдруг подменяется; то, что нам женщиной раньше казалось
В наших объятьях, затем превращается будто в мужчину,
Или же образ один за другим изменяет наружность.
Не удивительно. Сон с забытьем производят все это.

Вот еще что составляет большую погрешность, которой
Нужно тебе избегать, уклоняясь от всяких ошибок.
Не полагай, будто созданы светочи глаз с той лишь целью,
Чтоб мы имели возможность смотреть; будто икры и бедра
Утверждены на ногах и при этом способны сгибаться,
Чтобы большими шагами могли мы шагать по дороге;
Или же будто бы руки из мощных плечей вырастают
И снабжена из них каждая ловкой, проворною кистью
С тем, чтоб могли исполнять мы потребности всякие жизни.
Все остальное, что многие в этом же роде толкуют,
По заключеньям своим совершенно превратно и ложно.

В теле у нас ничего не родилось для нашей потребы.
Нет. То, что создано раньше, потом примененье находит.
Зрение не появилось, покуда глаза не возникли;
Так же как не было речи, покуда язык не был создан.
Нет, языка сотворенье предшествует очень задолго
Речи, и созданы были значительно ранее уши,
Нежели слышались звуки. И все наконец наши члены
Раньше, сдается мне, существовали, чем их примененье.
Значит, не могут они вырастать лишь в виду нашей пользы.

Раньше, напротив, чем вдаль полетели блестящие стрелы,
Люди в борьбе меж собою руками одними сражались,
Кровью себя обагряя и члены друг другу ломая;
А избегать поранений природа людей побуждала
Раньше, чем левой рукой со щитом обращаться учила;

И, без сомненья, усталое тело просило покоя
Раньше гораздо, чем мягкие постланы были постели;
И утолялася жажда пред тем, как явились стаканы.
Все это может считаться возникшим в виду нашей пользы
И изобретено только согласно потребностям жизни.
То же, что было само по себе и что создано раньше,
Только впоследствии нам указало свое примененье.
Прежде всего в этом роде отметим мы чувства и члены.
А потому подтверждаю: держись далеко ты от мненья,
Будто возникли они для того, чтоб служить нашим нуждам.

Не удивительно вовсе притом, что по самой природе
Самого тела живые создания ищут питанья.
Как уж сказал я, от тел выделяется и истекает
Много частиц и различным путем; но особенно много
Те выделяют животные, кои бывают в движеньи.
Много частиц изнутри чрез потенье выходит наружу;
Многое ртом выделяется при утомленном дыханьи.
Вследствие этого тело тощает, идет к разрушенью
Все существо его, вслед же затем наступает страданье.
Пища затем принимается, чтоб подкрепить ею члены,
Восстановить ею силы утрату, насытивши голод,
Что во всем теле дает себя знать по суставам и членам.
Жидкость проходит в те части, которые требуют влаги,
И рассевает большие скопленья горячего пара, который
Вызвать бы мог воспаление сильное в нашем желудке.
Влагой здесь жар умеряется, так же как гасится пламя,
Чтоб не могли наши члены иссохнуть от сильного жара.
Так устраняется жгучая жажда из нашего тела,
Тем же путем удовольствуем мы и потребность в питаньи.

Ныне скажу я о том, почему сообразно желанью
Можем мы делать шаги и другие движения членов,
Сила какая толкает вперед столь тяжелое бремя
Нашего тела. А ты постарайся понять мои речи.

Я утверждаю, что образы, кои ходьбу вызывают,
Прежде всего поражают наш дух, как указано выше.
После того образуется воля: никто не начнет ведь
Действовать, прежде чем дух не постигнет, чего он желает.
То же, что кажется нашему духу, есть образ предмета.
Так что, как только желаньем ходить и вперед подвигаться
Дух возбуждается, тотчас же он поднимает все силы
Нашей души, что рассеяна всюду в суставах и членах,

И без труда притом, ибо душа тесно связана с духом.
Действует дальше на тело душа, и таким путем тело
Движется все, и несется вперед оно мало-по-малу.
Тело при этом становится более дряблым, а, значит,
Воздух, бывающий в вечном движеньи, как то и должно быть,
Входит во внутрь, проникая туда чрез открытые поры
И рассевается этим путем по мельчайшим частицам
Тела. Поэтому силою двух сих вещей наше тело
Движется, так же как ветром и парусом движется судно.

Но не должно удивительным то представляться однако,
Что столь ничтожные тельца способны огромное тело
Двигать вперед, поворачивать всю нашу грузную тяжесть.
Ветер таким же путем, состоя из материи тонкой,
Веяньем гонит своим с напряжением судно большое,
А управляет рука им одна в самом быстром движеньи,
Руль одинокий вращая, куда ей подскажет охота.
С помощью блоков, зубчатых колес подвигает машина
Грузы тяжелые и без труда их наверх подымает.

Ныне в стихах своих, более сладостных, чем изобильных,
Я передам, каким образом сон наполняет покоем
Члены и духа тревоги притом прогоняет из сердца.
Лебедя песня короткая лучше, чем крик журавлиный,
Что в поднебесьи разносится вихрями южного ветра.
Чуткий свой слух напряги, окажи мне живое вниманье,
Чтоб не отвергнуть того, что найду я возможным на деле,
Чтоб по своей же вине не склониться к тому, что противно
Здравому смыслу, вполне отказавшись понять очевидность.

Сон наступает там, где вся душевная сила из членов
Прочь удаляется; частью она отлетает наружу,
Частью же, тесно сплотившись, глубоко во внутрь отступает.
В изнеможении полном тогда опускаются члены.
Так как сомнения нет, что от нашей души происходит
Всякое чувство, то, раз оно связано сном, надо думать,
Что в это время душа вся находится в полном смятеньи
Или же прочь отлетает. Конечно — не вся, потому что
Тело тогда погрузилось бы в вечность холодную смерти,
В теле бы не было больше души той, которая скрыта
В членах, как пламя сокрыто под грудою пепла,
И из которой все чувства воскресли бы сызнова в членах,
Как из покрытого пеплом огня возгорается пламя.

Но из чего обновляется чувство, какая причина
Душу приводит в смятенье и может ослабить все тело, —
Я расскажу; ты ж устрой, чтобы слов не бросал я по ветру.

Прежде всего я скажу, что к наружной поверхности тела
Веянье смежного воздуха всюду должно прикасаться
И непрерывно ее потрясать, наносить ей удары.
Вот почему почти все из созданий покрыты то кожей,
То чешуей, то щетиной, то коркою, то скорлупою.
Части же те, что внутри, потрясаются воздухом также
У одушевленных существ при вдыхании и выдыханьи,
Так что с обеих сторон поражается тело толчками.
И когда эти толчки через поры малейшие тела
Внутрь до первичных частиц, до первичных зачатков доходят,
То как бы мало-по-малу готовят погибель всем членам.
Тельца первичные плоти и духа свое положенье
Переменяют. Одна часть души улетает наружу,
Часть же другая, во внутрь удалившись, скрывается в недрах;
Та же частица души, что осталась в суставах, не может
Ни воедино сплотиться, ни вызвать взаимных движений,
Так как природа все входы и выходы ей заграждает.
Так с переменой движения вглубь удаляется чувство.
Падают руки, смыкаются веки, и гнутся колени,
Вялым становится тело, и члены все изнемогают,
Так как уж нет ничего, что могло бы поддерживать тело.

Следует часто за пищею сон, ибо так же, как воздух,
Действует пища в то время, пока разливается в жилах.
По преимуществу сон у тебя возникает тяжелый,
Если ты сыт или очень устал, потому что в то время
Вследствие сильной работы приходят в смятенье тельца.
Вследствие той же причины души устремляются тельца
Глубже во внутрь, широко извергаются частью наружу
И раздробляется все в ней, внутри разлагаясь на части.

Далее. Большею частью во сне нам приходится видеть
То, что бывает предметом усиленных наших занятий,
Или же то, на чем более остановиться пришлось нам,
Или во имя чего напрягался рассудок наш больше.
Иски вчиняет во сне правовед, сочиняет законы;
Грозные битвы и схватки как-будто ведет полководец,
А мореходцу мерещатся с ветрами вечные войны.
Кажется мне самому, что природу вещей испытую
Я непрестанно и речью родной излагаю открытья.

Да, полагаю, во сне ремесла и другие искусства
Большею частью рассудок твой могут держать в заблужденьи[195].
Мы замечаем нередко, что люди, которые играм
Труд свой усердный в течение нескольких дней посвящают,
После того как окончилось все, сохраняют то чувство,
Будто в уме их остались открытыми ходы, чрез кои
Образы бывших на играх вещей могут снова ворваться.
Перед глазами у них в эти дни много действий мелькает.
Бодрствуя даже, порой они живо себе представляют,
Будто бы видят прыжки и движения плавные членов,
Будто веселую песню кифары и струн переборы
Уши приемлют и будто они тех же зрителей видят
И одновременно блеск, пестроту украшений на сцене.
Вот до чего здесь имеют значенье занятие, склонность,
Все вообще, к чему силы свои существо прилагает, —
Не у людей лишь единственно, но и у всяких животных.
Видишь ты, что отдышаться не могут порой и потеют
Сильные кони в то время, как сном у них члены объяты.
Снится им, что из-за пальмы они напрягают усилья
И что пред ними в ристалищах перегородку спускают.
Также нередко собаки охотничьи в сладком забытьи
Бедрами вдруг шевелить начинают и голос крикливый
Свой подают и ноздрями по воздуху долго поводят,
Будто бы с тем, чтоб держаться следов обнаруженных дичи.
Даже от сна пробудившись, преследуют часто собаки
Призрак оленя пустой и за бегом его наблюдают,
Прежде чем от заблуждений не придут в себя, отряхнувшись.
Также собачки из льстивой породы, привыкшие к дому,
Сон свой летучий и легкий нередко из глаз прогоняют;
И непрестанно о земли они тело свое поднимают,
Как бы увидевши лица и облики чьи-то чужие.
И, чем грубее и резче зачатки подобных видений,
Тем потревожиться больше должны среди сна собачонки.
Также и разные птицы летят и биением крыльев
В рощах священных порою ночной тишину нарушают,
Если средь мирного сна они видят, что хищник над ними
Носится, в поисках битв и добычи гоняясь за ними.
То, что людские умы с напряженьем большим производят,
Осуществляется часто во сне и приводится в дело.
Снится царям, что ведут они войны, что в плен они взяты;
Крики они испускают, как-будто их кто-нибудь душит.
Снится иным, что дерутся они и при этом от боли
Стонут; что их поедают свирепые львы и пантеры,
И потому своим криком пространство они наполняют.

Многие люди во сне о делах очень важных толкуют
И выдают таким образом часто дела свои сами.
Многие при смерти видят себя, будто с гор высочайших
Падают книзу в глубокую пропасть всей тяжестью тела,
Так что в испуге очнутся едва они могут от снов тех,
Коими ум их объят, и их тело дрожит от волненья.
Жаждущий видит реку или видит, как-будто стоит он
Подле ручья, будто в глотку свою он ручей тот приемлет.
Кажется детям нередко во сне, что они подле лужи
Или же низкого чана рубашку свою подпимают,
А в это время они выпускают из тела всю жидкость
И вавилонские ткани роскошные пачкают ею.

После, когда начинает вселяться в них возраста пылкость
И образуется в членах со зрелостью самою семя,
Образы некого тела подчас выступают наружу
И во всей дивной красе возвещают им облик, который
В них возбуждает известные, семенем вздутые части,
Так что порою при этом поток из себя изливают,
Точно как-будто бы кончилось дело, и платье марают.

Семя у нас возбуждается, как уже сказано выше,
В пору, когда наши члены все в возрасте юном мужают.
Всяким созданьям присущи свои возбужденья и чуткость,
У человека же лишь человек возбудить может семя.
Семя, коль скоро из недр оно вырвалось, вон выступает
И чрез суставы и члены втекает из целого тела
К нервам известным, к местам установленным и возбуждает
Тотчас же самую ткань детородных частей того тела.
Семенем те возбуждаются части; приходит желанье
Выбросить то, чем у нас напрягается пыл сладострастья.
Ум тогда требует тела, любви наносящего рану [196],
Так как ведь все большей частью подвержены этим раненьям
И обагряют ту часть, из которой удар был нанесен [197];
А если враг по соседству, то кровью бывает покрыт он.
Вследствие этого тот, кто поранен стрелою Венеры, —
Будь то юнец, очарованный женскими членами, или
Женщина с телом прекрасным, сулящим любовные чары, —
Тянется к месту, откуда был ранен, и жаждет связаться
С ним, чтобы в тело из тела притом перелить свои соки,
Ибо великая страсть предвещает большую усладу.
Вот какова к нам Венера и что́ значит имя Амура!
Вот из какого источника в сердце впервые сочится
Сладкая капля Венеры, а вслед за ней злые тревоги.

Так как в отсутствие той, кого любишь ты, все ж ее образ
Будет с тобою, и будет звучать ее нежное имя!

Но избегать должно образов тех и от пищи любовной
Ум отвращать, направляя его на другие предметы;
И накопившийся сок извергать нужно в тело любое,
А не хранить этот сок лишь для той, кто в нас страсть возбуждает.
Тем оградим мы себя от тревог и от верных страданий.
Зреет ведь рана любви и растет, когда пищу находит.
Изо дня в день матереет безумство, скопляются беды.
Если ранением новым ты не исцелишь своей раны
И не излечишь любви своей общедоступной любовью
Или к другим побужденьям ума своего не направишь.
Кто избегает любви, не лишен наслаждений Венеры;
Наоборот, без труда он их с большим удобством вкушает,
Так как действительней, чище услада у этих здоровых,
Чем у несчастных влюбленных людей. Ведь от страсти любовник
Часто в сомненьях колеблется, даже когда овладел он,
И не решает: должны ль наслаждаться глаза или руки?
Плотно сжимая предмет своей страсти, он боль причиняет [198];
А иногда он зубами своими впивается в губы
При поцелуях; а значит, здесь полного нет наслажденья,
И остается заноза, которая все ж непрестанно
Мучит любовников и пробуждает в них дикую ярость.
Но средь любви прерывает Венера тихонько страданье
И умеряет укусы, внося в них свое наслажденье.
Льстятся надеждой иные, что то, из чего возникает
Пылкая страсть, может столь же легко погасить ее пламя.
Опровергается это однако самою природой.
Здесь есть особенность та, что, чем больше любви мы приемлем,
Тем горячей распаляется сердце жестокою страстью.
Пища и влага напитков внутри усвояются в членах
И потому оседать у нас в членах известных способны,
Так что удовлетворяем легко мы и голод и жажду.
Но от лица человека, которое блещет красою,
Прибыли нет, кроме образов от предвкушения нежных,
Кои несбывшейся часто надеждой уносятся в ветер.
Жаждущий ищет порою во сне, где бы выпить, а влаги
Не получает нигде, чтобы жар утолить в своих членах.
Образы жидкостей он вызывает и тщетно томится,
Воображая себя утоляющим жажду в потоке.
Так и в любви: постоянно с влюбленными шутит Венера.
Зрением не в состоянье любовники тела насытить;
Тщетно блуждают дрожащие руки по целому телу

И ничего соскоблить[199] с упоительных членов не могут.
Тою порой, когда в юных летах наслаждаются двое,
Членами всеми обнявшись, когда предвещает им тело
Сладость, Венера старается женщинам пашню засеять.
Жадно друг к другу любовники жмутся, сливаются вместе
Влага их губ и дыханье, в уста их впиваются зубы.
Все понапрасну! Они ничего соскоблить тут не могут
Или проникнуть друг в друга, чтоб с телом смешать свое тело.
(Этого, видимо, жаждут они и порою желают.)
И до тех пор в узах страсти их держит Венера, покуда
Не изнемо́гут их члены, от сладких утех ослабевши.
После того прерывается в нервах скопление страсти,
Тише становится пыл, настает промежуток недолгий.
Но возвращается снова безумство и ярая пылкость,
Как только явится жажда к предмету любви прикоснуться,
И устранить это зло невозможно каким-либо средством.
Вот как приходится чахнуть от тайных любовных ранений!

Вспомни к тому же, что тратятся силы и гибнут в работе;
Вспомни, что жизнь протекает под гнетом чужим постоянно.
Дело приходит в упадок меж тем, возникает порука,
Служба не спорится, добрая слава, колеблясь, страдает.
Вот на ногах сикионская обувь красуется, мази;
Вправлены в злато зеленые, чудной игры изумруды,
Носится изо дня в день фессалийская ткань голубая
И насыщается потом от сильных любовных стараний.
Да! приобретенья предков идут на повязки и шляпы,
Тратятся на украшенье плащей и на ткани Хиоса;
Приготовляются пиршества с роскошью яств и одежды,
Игры, гирлянды цветочные, масла, венки и бокалы!
Все понапрасну! Из недр, из источников роскоши этой
Некая горечь рождается и средь цветов нас тревожит,
Иль оттого, что терзается дух, сознавая, быть может,
Что среди праздности жизнь протекает и гибнет в распутстве,
Иль оттого, может быть, что намек был двусмысленный брошен,
Воспламенивший как-будто огнем твое сердце любовью;
Иль потому, что она на других обольстительно смотрит
И полагаешь ты видеть в лице ее признак насмешки.
Вот сколько зол заключает любовь при счастливом исходе,
А при любви несчастливой, зазнобой отвергнутой, беды,
Кои ты можешь увидеть с закрытыми даже глазами,
Столь многочисленны, что сторожиться заранее надо.
Вследствие этого я говорю: избегай ей попасться!
Так как ведь легче ранений любви избегать поначалу,

Нежели, в сети однажды попавши, оттуда на волю
Вырваться и сокрушить столь могучие узы Венеры.

Все-таки, даже запутавшись и потерявши свободу,
Мог бы ты бед избежать, если б сам у себя на дороге
Ты не стоял и не медлил душевные видеть пороки
И недостатки телесные в той, кого жаждешь и любишь.
Так поступает людей большинство, ослепленное страстью,
И добродетели сплошь приписывать, коих нет вовсе.
Так, постоянно мы видим порочных, уродливых женщин,
Кои живут среди роскоши и в величайшем почете.
Часто смеется один над другим, говоря, что Венеру
Надо задобрить, затем что снедаем тот страстью позорной,
Не замечая, что сам же он в худшем еще положеньи.
Черную он называет „брюнеткой“; в неряхе нечистой
„Беспритязательность“ видит он, а в пучеглазой — „Палладу“;
Нервную и сухопарую он называет „газелью“;
Карлицу малую — „грацией“ и „образцом остроумья“;
А черезмерно высокую — „важною“ и „грандиозной“;
Косноязычную — „чуть-чуть картавой“; немую — „стыдливой“;
Эту, которая от худобы еле дышит, зовет он
„Маленькой крошкой“; а ту, что страдает в чахотке, — „субтильной“,
И полногрудую чтит он „Церерой, питающей Вакха“;
С фавном в курносой он сходство находит; в губастой же видит
Он „авантаж к поцелую“ и прочее в этом же роде.

Но допусти, что какая-нибудь обладает красою
Той несравненной, какую создать может только Венера.
Ведь не одна она; и без нее обходились мы раньше,
И, как мы знаем, творит те же пакости, как и другие.
Ведь иногда издает она запах столь скверный, бедняжка,
Что с затаенным хихиканьем прочь убегают служанки.

Да, со слезами любовник отвергнутый часто цветами
Или гирляндами дверь украшает, подчас майораном
Пышные мажет пилоны и издали шлет поцелуи.
Но, когда цели любовник достиг и какой-нибудь запах
В нем оскорбит обонянье, он ищет предлогов к размолвке
И глубоко сожалеет о долгих мольбах своих прежних.
Сам же себя он глупцом называет за то, что без толку
Прелестей больше приписывал ей, чем пристало для смертной.
Этого не упускают красавицы наши и прячут
Очень старательно все сокровенные действия жизни
От обожателей, коих держать хотят связью любовной.

Но понапрасну заботы. Рассудком ты можешь все это
Вывести к свету и выведать в женщине всякую хитрость;
Если ж прекрасна душа у нее и она не противна,
То снизойти к человеческим слабостям нужно взаимно.
Но не всегда дышит женщина только поддельной любовью
В пору, когда свое тело с мужским сочетает в объятьях
И овлажняет его поцелуями уст похотливых.
Часто она это искренно делает и наслаждений
Ищет взаимных, когда побуждает в любви подвизаться.
Не по иной ведь причине у птиц, у домашних животных
И у зверей всяких самки охотно самцам поддаются?
Самок природа сама исполняется похотью жгучей,
И оттого-то любовь они с радостью все ощущают.
Не замечаешь ли ты, как жестоко страдают в соитьи
Те существа, что к нему обоюдною страстью склонились?
Как разобщиться стараются на перекрестках собаки
И прилагают усилия, чтоб отойти друг от дружки?
А между тем в крепких узах их все-таки держит Венера.
Ни в каком случае этого не совершали б собаки
И не могли бы в такую попасть западню и застрять в ней,
Если б к тому не склонялись они наслажденьем взаимным.
А потому, повторяю, утехи любви обоюдны.

Если порой при смешении семени силу мужскую
Женщина силой своей одолеет и сразу захватит,
То от матернего семени схожие с матерью дети
Родятся; а от отцовского — схожи с отцом выйдут дети.
Те же, у коих заметен обоих родителей облик,
Произошли от смешенья отцовской крови с материнской.
Семя обоих тогда, возбужденное в членах Венерой,
Здесь воедино слилося в стремлении страсти взаимной,
Так что ни то ни другое здесь семя не преобладало.
Также случается часто, что дети походят на предков
Дальних и прадедов воспроизводят черты родовые
В силу того, что в родительском теле бывает порою
В виде сокрытом большое количество телец первичных,
Кои к отцу от отца переходят от первого предка.
Вот почему производит Венера различие в лицах
И придает иным голос, фигуру и волосы предков.
Все это также зависит от определенных зачатков,
Как остальной наш состав, как тела наши, лица и члены.
Семя мужское рождает порой поколение женщин,
И происходит от семени женщин мужское потомство,
Так как всегда из двоякого семени плод возникает.

Все-таки тот из родителей более семени вносит,
С кем больше сходства имеет рожденный. В нем можно увидеть
Или же отрасль отца, или женское больше начало.

Не изволеньем богов от иного посев плодотворный
Отнят совсем, чтобы он от детей никогда не услышал
Имя отца, чтоб бесплодным всю жизнь его брак оставался.
Многие думают так, орошая потоками крови
Жертвенник и алтари оделяя большими дарами,
Чтоб одарили беременных жен их обильным потомством [200].
Люди те тщетно святыню богов и судьбу беспокоят.
Ибо бесплодны они, когда семя их густо чрезмерно
Или, напротив, когда чересчур водянисто и жидко.
Жидкое семя не может, где нужно ему, прикрепиться.
Всюду оно расплывается или стекает обратно.
Семя густое, напротив, течет слишком плотною массой
И вылетает притом с недостаточной силой стремленья [201],
А потому [202] в надлежащее место проникнуть не может
Или, проникнув, сливается плохо там с семенем женским.
От соответствия много зависит в любви, мне сдается.
Женщин одних отягчает успешней один, а другие
Женщины лишь от другого беремя приемлют и им тяжелеют.
Многие женщины раньше в супружестве были бесплодны,
Но получали впоследствии мужа, от коего дети
Произошли, и они красовались счастливым потомством.
Также и те, у которых в дому были жены бесплодны,
После того находили жену, подходящую больше
К свойствам их, так что могли они старость детьми обеспечить.
Вот до чего тут большое значенье имеет, чтоб семя
С семенем тем сочеталось, что годно к оплодотворенью:
Жидкое семя с густым, густое же — с семенем жидким.

Важно затем, какой пищею жизнь сохраняется наша.
Вследствие пищи одной у нас семя сгущается в членах;
Пища другая, напротив, его разжижает и губит.

Важно не меньше и то, каким образом кто восприемлет
Сладость любовных утех. Полагают иные, что могут
Легче их жены беременеть по образцу большей части
Четвероногих, когда при опущенной груди и бедрах,
Кверху приподнятых, самою маткой приемлется семя.
Но для супругов не нужно совсем похотливых движений.
Женщина противодействует и затрудняет зачатье,
Резвым движением бедер любовь вызывая в мужчине

Или бескостною грудью волненье в нем возбуждая.
От борозды надлежащей она только плуг совращает
И извержение семени с верных путей совлекает.
Телодвиженья такие присущи блудницам с той целью,
Чтоб не беременеть, чтоб избегать непрестанных зачатий
И вместе с тем, чтоб любовью своей быть угодней мужчинам.
Нашим супругам в движеньях таких, мне сдается, нет нужды.

Без изволенья богов иногда и без стрел Афродиты
Женка, хотя некрасивая, все же бывает любима.
Но в таком случае женщина эта своим поведеньем,
Скромным, приятным своим обращеньем, опрятностью тела
Делает то, что супруг с нею жизнь разделять привыкает.
Нужно прибавить: привычка сильней, чем любовь, нас связует,
Так как толчки, даже легкие, при повторении частом
Все побеждают с течением времени и ослабляют.
Разве не видишь, как капли дождя, упадая на камень,
Точат его и чрез долгое время насквозь пробивают?

Может ли чей-нибудь стих, исходящий из мощного сердца,
Славить достойно его за величие дел и открытий?
Кто обладает искусством речей, чтобы в песне хвалебной
Выразить всю совокупность заслуг того мужа, чей разум
Столько задач разрешил и оставил нам столько сокровищ [203]?
Нет, полагаю, никто из рожденных со смертною плотью.
Ибо, судя по значенью великому добытых знаний,
Надо назвать его богом, да! богом, блистательный Меммий!
Он изобрел нам впервые тот способ ведения жизни,
Что называется мудростью. Он с несравненным искусством
Жизнь нашу вывел из многих сомнений [204], из мрака густого,
Дав ей покой и ее к лучезарному выставив свету.

Взять для сравненья открытья, что дали нам в древности боги.
Так, говорят, нам Церера плоды доставляет, а Либер
Ввел потребление пьяного винного сока у смертных.
Между тем в жизни без этих вещей обходиться возможно,
Как существуют, по слухам, без них и иные народы [205].
Но благоденствовать в жизни нельзя нам без чистого сердца [206].
Вот потому-то тем более должен казаться нам богом
Тот, от кого утешение сладкое жизни исходит,
Распространяясь и ныне среди величайших народов.

Если делам Геркулеса ты думаешь дать предпочтенье,
То уклоняешься этим ты сильно от верного взгляда.

Что составляет для нас в настоящее время зиянье
Пасти Немейского льва иль чудовищный вепрь Аркадийский?
Что может сделать нам Критский телец и страшилище Лерны,
Гидра, кругом вся обвитая множеством змей ядовитых?
Или великая мощь Герионова тела тройного?
Сила копей Диомеда, огонь из ноздрей извергавших [207]
По берегам Бистонийским, Фракийским и возле Исмары?
Может ли как-нибудь это вредить нам? И нужно ль бояться
Ран от когтей хищных птиц Аркадийских, живущих в Стимфале?
Или же змея со взглядом свирепым и телом огромным,
Сторожа яблок златых в отдаленных садах Гесперидских,
Что вкруг ствола обвивался? И что наконец угрожает
Нам среди моря сурового у берегов Атлантийских,
К коим ни мы не дерзаем приблизиться, ни чужеземцы?

Если бы непобежденными чудища в этаком роде
Жили доныне, какой они вред принести нам могли бы?
Думаю я — никакого. Земля изобилует вдосталь
Дикой породой зверей, и исполнены ужасов всяких
Заросли горных высот и глубокие дебри лесные,
Но в большинстве в нашей власти бывает тех мест сторониться.

Если же сердце у нас не очищено, сколько боренья [208],
Сколько опасностей тяжких ему причиняется тотчас.
Сколько суровых тревог раздирает того человека,
Коего страсть обуяла. И сколько затем опасений
Сколько потерь причиняют ему неприятные мысли,
Наглая дерзость, гордыня, а также безделье и роскошь.
Тот, кто все это сумел победить и из нашего духа
Вытеснить вон не оружьем, а словом, не стоит ли, чтобы
Люди его наравне с божеством почитали бессмертным?
И потому особливо, что сам о бессмертных богах он
По вдохновению свыше привык изрекать поученья
И разъяснял существо всех вещей в поученьях этих.

Я по следам его здесь приступлю к изложенью вопроса
И докажу в сочиненьи моем, что условия, в коих
Все существа были раньше, должны продолжаться в дальнейшем
И уничтожить нельзя вековечности стойких законов.
(Так уже с первых шагов открывает нам духа природа,
Что возникает он только во плоти рожденной и смертной,
Что невредимым в теченье веков он не может остаться,
Но в заблуждение образы вводят во сне наш рассудок,
Так что, сдается, мы видим того, кто лишен уже жизни.)

Требует кроме того моего рассужденья порядок,
Чтоб доказал я, что мир состоит весь из тел преходящих,
А в то же время и то, что весь мир сотворен был когда-то [209].
Также поведаю, как из скопленья материи разной
Образовались моря, и земля, и светила, и небо,
Солнце и месяца шар и какие созданья бывают
Здесь на земле, а какие еще никогда не родились.
Дальше скажу, каким образом люди, слова изменяя
И прилагая к вещам имена, разговаривать стали.
Также о том, каким образом в сердце у них вкоренился [210]
Страх пред богами, везде на земле охраняющий святость
Капищ, священных озер, алтарей и божественных статуй.

Кроме того рассмотрю я движение солнца, блужданье
Месяца; сила какая в природе их путь направляет;
Чтобы не думали мы, что они меж землею и небом
Вследствие собственной воли свой путь непрестанно свершают,
Всюду содействуя произрастанью плодов и животных,
Или что эти движенья по воле богов происходят.
Даже и те, кои правильно мыслят, что боги проводят
Жизнь беззаботно свою, возвращаются вновь к суеверьям
Древних религий и власть допускают жестоких тиранов
В пору, когда наблюдают явления разные в мире,
А особливо явления те, что у них происходят
Над головою в пределах эфирных. Несчастные верят [211],
Что божество всемогуще. Не знают они, что возможно
В мире и что невозможно и чем ограничены свойства
В каждом предмете, какие с ним связаны высшие цели [212].

Впрочем, чтоб дальше тебя не держать на одних обещаньях,
Взглянем с тобой поначалу на землю, на море и небо.
Эти три разные сущности, эти три тела, мой Меммий,
Три существа, меж собой столь несхожие видом и складом [213],
Некогда сгинуть должны, и громада миров, продержавшись
Множество лет, пропадет, как и вся мировая машина.
Не сомневаюсь в душе, что в умах возбудит удивленье
Новая весть о крушеньи в грядущем земли всей и неба
И что к ученью сему мне людей преклонить будет трудно.
Это бывает, когда до ушей их доводим мы вещи
Необычайные, коих нельзя на глаза им представить
Или руками ощупать, чтоб способом этим надежным
Вера к ним в сердце и в область рассудка проникла глубоко.
Все-таки выскажусь я. Само дело, быть может, ученью
Веру придаст. При больших колебаньях земли ты увидишь,

С силой какой разрушаются в краткое время все вещи.
Да отвратится от нас это руководящей судьбою.
Пусть лучше разум, чем самое дело, нас в том убеждает,
Что с ужасающим грохотом мир весь разрушиться может.

Прежде чем я приступлю к изреканью [214] об этом предмете
Тех прорицаний, которые много верней и священней
Пифии, в Фебовой роще лавровой, рекущей с треножа,
Речью ученою многое выскажу я в утешенье;
Чтобы, религией связанный, ты невзначай не подумал,
Будто бы солнце, земля, небосводы, моря и светила,
Будучи плотью божественной, просуществуют во-веки.
Ты не подумай поэтому, что по примеру Гигантов
Должен вину искуплять как бы за преступленье большое
Тот, кто рассудком своим грани мира стремится разрушить,
Кто угасить будто хочет на небе прекрасное солнце
Тем, что бессмертные вещи отметил он смертною речью.
Но далеки от божественной святости все эти вещи,
Так что, сдается, им между богами и быть не пристало,
Ибо они нам скорее на то могут дать указанье,
Что лишены они жизненных всяких движений и чувства [215].
Предполагать невозможно, притом, чтобы каждое тело
Было сознанием одарено и духовной природой.
Дереву в небе расти невозможно; а в море соленом
Тучи не могут собраться. Не могут водиться на пашне
Рыбы; не может быть крови у дерева, соков у камня.
Точно назначено, где чему быть и чему развиваться.
Так: сущность духа не может отдельно без тела возникнуть
И пребывать где-нибудь в отдаленьи от нервов и крови.
Если б то было возможно, то прежде всего силы духа
Существовали [216] у нас в голове и в плечах или пятках
И возникали бы обыкновенно у нас где попало,
Не оставаясь всегда у людей во вместилище том же [217].
Нет, так как в теле у нас постоянно назначено место
Определенное, где развиваются и существуют
Дух и душа, то тем более нужно всецело отвергнуть,
Что пребывать они могут без тела, без формы животной
В глыбах истлевшей земли или в пламени жаркого солнца,
Или в воде, или в воздухе, в высших пределах эфира.
Значит, не одарены эти вещи божественным смыслом [218],
Если они не одушевлены даже признаком жизни.

Верить не следует, будто богов пресвятое жилище
Расположилося в части какой-нибудь нашего мира;

Ибо нежна очень сущность богов и от нашего чувства
Удалена, так что ум наш с трудом их [219] себе представляет.
От осязания рук и ударов они [219*] ускользают,
То же, что неосязаемо, нас и касаться не может [220].
Трогать не может нас то, что не может быть тронуто нами.
Так что должны отличаться жилища бессмертных от наших
И по составу должны быть так тонки, как сами же боги.
Это я дальше тебе докажу в рассужденьи пространном.

Думать, затем, что для нужд человеческих создали боги
Всю эту дивную сущность миров, что по этой причине
Должно хвалить непрестанно богов достохвальное дело,
Предполагая в грядущем его вековечным, бессмертным;
Или же грешным считать, что колеблем мы мира порядок,
Промыслом вечно блаженных богов утвержденный издревле
В пользу племен человеческих на бесконечное время,
И оскорбляем порядок тот словом, сводя его книзу [221],
И измышлять и выдумывать прочее в этом же роде —
Крайне безумно, мой Меммий. На что им, блаженным, бессмертным,
Могут сгодиться обильные благодарения наши,
Чтобы ввиду наших нужд приступили к творению боги?
Новость какая способна была их привлечь после стольких
Лет безмятежных, что вдруг они жизнь изменить пожелали?
Только тогда, мне сдается, заманчивы новые вещи,
Если все старые в тягость. Но тот, кто печали не ведал
В прежнее время и всю свою жизнь проводил благолепно,
Будет ли столь увлекаться пристрастьем к каким-то новинкам?
Разве их жизнь в темноте и в страданиях тяжких влачилась,
Прежде чем не воссияло начало родящее мира?
Что было б скверного в том, если б мы не родилися вовсе?
Всякий рожденный на свет непременно в живых оставаться
Хочет, пока соблазняют его наслаждения жизни.
Но для того, кто еще не отведал любви такой к жизни,
Кто средь живых не был, — что за беда если он не родился?

Дальше: откуда достались богам образцы всех предметов,
Созданных ими, а также понятие о человеке?
Знали ль они, сознавали ль в душе то, что сделать хотели? [222]
Как бы узнали они о значении телец первичных,
Кои столь многое могут создать, свой порядок меняя,
Если б природа сама не дала образцов для творенья?

Тельца первичные эти в количестве неисчислимом
И от времен незапамятных всюду проносятся, частью

Движимы собственной тяжестью, частью гонимы толчками.
Между собой они всячески сходятся и испытуют
Все то, что может возникнуть от тех и других столкновений [223].
Стало быть, не удивляйся, что именно это движенье
Свойственно им и что в том положеньи они очутились,
В коем находятся ныне, весь мир обновляя рожденьем.

Если б совсем неизвестны мне были первичные тельца,
То и тогда б я посмел утверждать по строению неба
И заключать из большого количества прочих явлений,
Что не для нас была призвана к жизни божественной силой [224]
Сущность вещей, у которой погрешности столько найдется.

Прежде всего, из всего, что покрыто пространствами неба,
Часть занимают наибольшую горы и дебри лесные
С диким зверьем, и ее наполняют утесы, болота
Или моря, разделившие все берега так широко.
Далее, две приблизительно части отъяты у смертных
Зноем удушливым и остротой холодов постоянных.
То, что осталось для пашни, природа сама покрывает
Диким кустарником, если тому не препятствуют люди,
В страде житейской привыкнув вздыхать над киркою двузубой
И разрыхлять свое поле движеньем тяжелого плуга.
Если б сошник плодоносных комков земляных не ворочал,
В почве самой семена возбуждая к обильному всходу,
То уж само по себе ничего бы не вышло на воздух.
Даже и после того, как достигнуто было работой,
Что на земле расцвело все и весело зазеленело,
Или жарой непомерною воздуха сушится почва,
Или ее заливают дожди, и студит ее холод,
Или же веянье ветров суровых ее удручает.
Кроме того почему на земле и на море повсюду
Кормит и плодит природа свирепых, ужасных животных,
Вредных для рода людей? Почему время года приносит
Людям болезнь? Почему преждевременно смерть всюду бродит?
Или младенца возьми. Как пловец, что могучей волною
Выброшен, голый; безмолвный лежит на земле он, нуждаясь
В жизненной помощи всякой, как только его в царство света
Из материнского чрева в потугах выводит природа.
Криком младенческим он оглашает всю местность, и прав он,
Так как ему предстоит испытать столько жизненных бедствий.
Между тем скот, табуны лошадей или дикие звери
Без погремушек взрастают. Животным совсем незнакомы
Тучной кормилицы льстивые и шепелявые речи.

Также не нужны им разные платья по времени года;
И наконец им не нужны оружье и крепкие стены
Для охраненья имущества. Каждому все в изобильи
Почва дает, и природа вещей припасает искусно.

Прежде всего, таким образом, тело земное и влага,
Воздуха легкое веянье и раскаленное пламя —
Вот из чего составляется вся совокупность предметов.
Все состоит это из народившейся плоти и смертно,
И таковою же быть должна целого мира природа.
Ибо когда наблюдаешь ты, что создаются в предметах
Части и члены из телец рожденных, подверженных смерти,
То также целое все рождено и подвергнется смерти.
Вследствие этого, если я вижу, что члены и части
Мира великого гибнут, затем нарождаются снова,
Стало быть, также и нашей земле и небесному своду
Было начало положено и предстоит им погибель.

Меммий, в вопросах таких не считай легкомысленным словом,
Что принимаю огонь я и землю как смертное нечто,
Что несомненной считаю я влаги и воздуха гибель
И признаю в них возможность возникнуть и вновь развиваться.
Некая доля земли, под лучами палящего солнца
Догола выжженной и попираемой сильно ногами,
Клубами и облаками летучими пыль испускает,
Что рассевается всюду по воздуху ветром могучим,
Частью же комья земли увлекаются силою ливней,
И берега размываются бурным стремленьем потоков.
Почва к тому же отчасти себе возвращает обратно
То, чем питает других. Так, что будучи матерью общей,
Наша земля вместе с этим становится общей могилой.
Значит, земля убывает и снова растет, обновляясь.

Нужно ль доказывать словом, что реки, моря и потоки
Свежим притоком к ним влаги всегда восполняются снова,
Так что всегда в них есть влага? Обильное вод истеченье
Всюду дает себя знать. Но во влаге известная доля
Прочь удаляется, чтоб не скоплялася влага сверх меры.
Ветры суровые и бороздящие море ее убавляют;
Солнце в эфире лучами своими ее похищает;
Частью же влага в избытке течет под землей повсеместно,
И, сквозь нее просочившись, к истокам речным протекает,
После чего над землею течет пресноводной рекою
Там, где для воли она влажной пятой себе путь проложила.

Ныне скажу я о воздухе слово: как он ежечасно
Целый состав свой большое количество раз изменяет.

Кое-что вечно от всяких вещей истекает, и льется
Все это в море великое воздуха, в коем предметы
Все растворились бы и превратились бы в воздух, когда бы
Воздух частиц некнх не возвращал, восполняя в предметах
Убыль. А, значит, всегда из вещей возникающий воздух
Вновь превращается в вещи, из коих известные части
Прочь выделяются. Света источник, эфирное солнце,
Тщательно весь небосвод заливает сиянием новым,
Восстановляя здесь новым лучом каждый луч свой мгновенно,
Так как отчасти свой блеск оно там постоянно теряет,
Где упадают лучи. В этом можно легко убедиться.
В пору, когда облака начинают под солнцем носиться
И преломляют как-будто бы солнца лучи меж собою,
Нижняя часть тех лучей пропадает тотчас, и на землю
Тень налегает в том месте, над коим проносятся тучи.
Стало быть, знай, что нуждается луч в обновлении света,
И убеждайся, что каждый низвергнутый луч погибает.
Вот почему ничего не могли бы мы видеть при солнце,
Если бы света исток постоянно не восстановлялся.
Так и ночные светильники происхожденья земного:
Всякие лампы висячие, яркие факелы, блеск свой
Льющие светлый кругом и дымящие чадом смолистым, —
С помощью жаркого пламени тем же путем поспешают
Восстановлять в себе свет. И дрожит в них огонь постоянно,
Не допуская притом никаких перерывов в движеньи.
Вот в какой степени всякое пламя стремится поспешно
Образованием нового пламени убыль восполнить!
Стало быть, надо признать, что светила, и солнце, и месяц
Свет свой кидают, рождая одни лучи вслед за другими,
И что всегда они некую пламени долю теряют.
Значит, не думай, что свет невредимым всегда остается.

Разве не видишь ты, как побеждаются временем камни?
Как разрушаются башни и как выветряются скалы?
Как, обветшав, расседаются храмы богов и кумиры?
Как чрез границы судьбы божество преступить неспособно
И удержаться во времени против законов природы?
Видишь ты, что монументы мужей, понемногу ветшая,
Рушатся и от случайностей часто приходят в упадок;
Что, отделившись от гор, обрываются скалы большие,
Кои при крепости всей превозмочь и осилить не могут

Срока предельного. Ведь не упали бы камни такие,
Вдруг отделившись, когда б без вреда они испокон века
Те потрясенья сносили, которые время наносит.

Вверх ты взгляни, наконец, и кругом на тот свод, что в объятьях
Землю всю держит. И если он все из себя порождает,
По заключенью иных, и в себя после смерти приемлет,
То также сам он из плоти, подверженной смерти, родился.
Ведь уменьшается то, чем растут и питаются вещи,
И восполняется, если оно их в себя принимает.

Кроме того, если небо с землей никогда не имели
Для сотворенья [225] и существованье их длилося вечно,
То почему не воспели другие поэты деяний,
Раньше Фиванской войны и падения Трои свершенных?
И отчего столько подвигов славных минуло бесследно,
И никогда не был создан им памятник славы бессмертной?
Истинно, как полагаю я, мир еще нов, и природа
В очень недавнее время начало свое получила.
Вот почему улучшаются некие ныне искусства
И только ныне растут. В мореходстве прибавилось много
Нового; а музыканты составили звучные песни;
И наконец только ныне природа предметов и смысл их
Нам открывается. Сам выступаю я ныне, впервые
Чувствую силу все высказать это родной нашей речью.

Если же ты полагаешь, что мир был таким же и раньше,
Но что погиб человеческий род от палящего жара,
Что города многолюдные пали с крушением мира
Или же что по земле от дождей непрерывных потоки
Быстрые вдруг полились и смели на ней все поселенья,—
То уж тем более необходимо признать ты обязан,
Что неизбежная гибель ждет землю и небо в грядущем.
То, что подвержено стольким опасностям, стольким невзгодам,
Гибели доступ широкий дает и крушенью большому,
Если причина себя настоятельно к этому явит.
Не по иному чему почитаемся смертными все мы,
Как потому, что болезнями теми же ныне хвораем,
Как и другие, которых природа изъяла из жизни.

Вещи, при этом, которые вечны, должны непременно
Или в виду своей плотности противустать всем ударам,
Не допуская, чтоб что-нибудь внутрь их проникло и этим
Их раздробило на мелкие части (сюда отношу я

Тельца первичные, сущность которых указана выше),
Или же в силу того могут вещи продлиться во-веки,
Что недоступны они для толчков. Пустоту я причислю
К этому роду: ей чужды удары и прикосновенье.
Вещи бессмертны еще оттого, что вкруг них нет пространства,
Где бы они разложиться на части могли и исчезнуть.
Вот такова вековечная сущность вселенной, вне коей [226]
Нет ни пространства, куда она переместиться могла бы,
Ни таких тел, что могли б ее силой ударов разрушить.
Но (как сказал уж я) мира природа собой представляет
Нечто неплотное, ибо в него пустота примешалась.
Мир же с другой стороны и не есть пустота. Недостатка
Не ощущается в разных телах, что, восставши, способны
С силой на мир сей обрушиться, произвести в нем смятенье
Или иначе как-либо его повести к разрушенью.
Нет наконец недостатка в таком бесконечном пространстве,
Где стены мира распасться в обломки могли бы свободно
Или погибнуть от разных иных каких-либо условий.
Так что не заперты смерти врата ни для сводов небесных,
Ни для земли, ни для моря глубоких пучин, ни для солнца.
Наоборот, они настежь отверсты, зияя широко.
Стало быть, надо признать во всем этом начало рожденья.
То же, что с плотию смертною создано было, не может
Пренебрегать бесконечного времени мощною силой,
Коей доныне оно подчиняется испокон века.

Но при борьбе, существующей между стихиями мира,
И при войне ими вызванной, вовсе не благочестивой,
Разве не видишь ты, что продолжительным этим раздорам
Может конец наступить, когда жар и палящее солнце
Восторжествует в природе, всю досуха высосав влагу?
Это хотят они сделать, но тщетны доселе попытки.
Столь изобильны потоки и в свой черед так угрожают
Сущее все затопить среди омутов моря глубоких!
Но понапрасну все. Ветры, вздымая морские равнины,
Их испаряют. Их сушит лучами эфирное солнце.
Надобно думать, что высохнуть может дотла все на свете,
Прежде чем влага своей разрушительной цели достигнет.
Ожесточенно и, видимо, с равным успехом стихии
О достояньи великом ведут меж собой поединок.
Так, один раз на земле победило горячее пламя,
А, по преданьям, в другой — на полях воцарилася влага.
Верх взяло пламя, и многое тут, обложив, истребило
В пору, когда утерявшего путь Фаэтона влачили

Кони взбешенные солнца по целой земле и эфиру.
Но всемогущий отец, воспалившийся гневом жестоким,
Молнию бросил и духом великого сверг Фаэтона
Вниз с колесницы на землю. К упавшему солнце навстречу
Вышло и приняло снова светильник не меркнущий мира.
Диких коней укротив, солнце вновь запрягло их, дрожавших;
Путь свой затем оно возобновило, владея всем миром.
Так воспевали событие в Греции древней поэты;
Все ж это очень далеко от соображений рассудка.
Может и вправду огонь разрастись там, где испокон века
Тельца его вещества изобильно скоплялися в кучу.
В случае этом слабеет он, силой другой побежденный,
Или же гибнут все вещи, сожженные пламенем жгучим.
Некогда преобладать стала также и влага, скопившись,
Так что она, говорят, городов потопила немало.
Как только сила другая здесь действовать стала обратно,
Воды, которые от бесконечных времен накоплялись,
Остановились, и сила потоков тогда уменьшилась

Но каким образом из столкновений материи вышли
Небо, земля и глубокое море, а также вращенье
Солнца и месяца? Это я все расскажу по порядку.

Истинно: тельца первичные все при своих сочетаньях
Твердым порядком и ясным сознаньем не руководились
И не условились раньше, какое кому дать движенье.
Нет, они многообразно, в количестве неисчислимом
И от времен бесконечных повсюду носилися, частью
Движимы собственной тяжестью, частью гонимы толчками.
Всячески между собою сходились они, испытуя
Все то, что может возникнуть от тех иль других сочетаний.
Вот и случилось поэтому, что, от времен бесконечных,
Пробуя все сочетанья и всякие роды движенья,
Тельца первичные так напоследок сошлись, что нежданно
Сделались многих великих вещей постоянной причиной:
Моря, земли, небосвода и всякого рода животных.

Некогда в мире нельзя было видеть вращения солнца,
Льющего свет с высоты, ни светил бесконечного неба,
Ни небосвода, ни воздуха, также ни суши, ни моря.
Видеть нельзя было мира, схожего с тем, что мы видим
Ныне, а буйное скопище свежей и сплоченной массы.
Обособляться за этим стихии различные стали.

Схожее стало сходиться со схожим; стал мир открываться.
Члены возникли отдельные, распределилась на части
Общая масса зачатков первичных. Разлад между ними
В смысле путей, расстояния, веса, толчков, сочетаний
Все возмущал их движенья; борьба среди них затевалась
Вследствие разницы в формах, равно как различий в фигурах,
Так как остаться они не могли в сочетаньях известных
И не могли предпринять меж собой сообразных движений;
То-есть от нашей земли отделить в высоту небосводы,
Сделать, чтоб море отдельною массой воды представлялось,
И обособить светила в далеком и чистом эфире.

Так поначалу зачатки земли воедино сплотились
И в середине, в нижайших частях себе заняли место,
Ибо они тяжелее и более спутаны вместе.
Чем больше спутаны между собою первичные тельца,
Тем вытесняют сильней вещество, из чего создалися
Солнце, светила, моря и границы великого мира,
Ибо все то состоит из зачатков легчайших [227] и круглых
И заключает первичные тельца значительно меньше [228],
Чем у земли. Оттого чрез отверстья и скважины почвы
Вырвался прежде всего и вознесся эфир огненосный,
Легким движением много огня увлекая с собою.
Не по причине иной наблюдаем мы это нередко
В пору, когда рано утром сиянье лучистого солнца
Пышный убор золотистой росы обагряет на травах
И поднимаются плавно туманы с озер и потоков.
Кажется, будто земля сама пар испускает в то время.
После того в высоте испаренья сливаются вместе,
Скопищем спутанных туч в высоте небеса покрывая.
Стало быть, так и тогда было. Легкий, прозрачно-летучий
Там испарялся эфир, окруженный материей плотной.
И, широко расплываясь повсюду во всех направленьях,
Прочее все заключил он в своих ненасытных объятьях.

Образовались впоследствии солнце с луной и вращенье
Этих шаров меж землей и эфиром в воздушном пространстве.
Не приобщила земля их к себе, ни эфир высочайший,
Так как они не столь тяжки, чтоб вниз опуститься на землю,
И не настолько легки, чтоб подняться до высших пределов.
Так меж землей и эфиром они, как живые созданья,
Вертятся и составляют одну из частей всего мира.
То же явленье и в наших телах: неподвижны бывают
Члены одни, между тем как другие способны к движенью.

По удалении этих светил, на большом расстояньи,
Там, где лазурное море простерлось, земля опустилась [229]
И для соленых пучин углубление образовала.
И, чем сильнее жара день за днем становилась в эфире,
Чем напирали сильней лучи солнца повсюду на землю,
С края до края открытую для постоянных ударов
И в середине от этого ставшую более плотной,
Тем из земли вытеснялося более соков соленых,
Море собой пополнявших и вод расширявших поверхность.
И тем сильней, вырываясь оттуда, летело наружу
Много воздушных и огненных телец [230]. От этого своды
Вышнего неба вдали от земли стали более плотны.
Вниз опустились поля, а высокие горы наклон свой
Вверх вознесли, так как скалы осесть не могли равномерно
И не могли равномерно все части земли опуститься.

Так вместе с плотностью установилась в земле также тяжесть,
После чего, так сказать, мировые осадки все грузно
Вниз опустились и там совершенно осели, как дрожжи.
Воздух затем, затем море, затем сам эфир-огненосец
Всем своим телом прозрачным без примеси всякой остались.
Тут было легче одно, чем другое. Эфир самый легкий,
Самый прозрачный поверх всех воздушных течений растекся,
Но не мешая, притом, своей чистой материи с бурей
Этих течений и всяким вещам не препятствуя вовсе
В вихрях неистовых и в переменчивых бурях метаться.
Сам же эфир свое пламя вознес, в высоту устремляясь.
То, как эфир равномерно течет в направленьи едином,
Нам указует Понтийское море, текущее ровно,
Образ движенья всегда одинакий в себе сохраняя.

Я воспою ныне происхождение звездных движений.
Прежде всего, если вертится шар необъятного неба,
То, надо думать, с обеих сторон прижимается полюс
Токами воздуха, коими сдержан извне он и замкнут.
Токи одни идут сверху [231] и в том направленьи, в котором
Движутся, тихо мерцая, созвездия вечной вселенной;
Токи другие же [232] снизу идут в направленьи обратном.
Это бывает и там, где теченье вращает колеса.
Очень возможно, что небо стоит совершенно недвижно,
А в то же время однако вращаются ясные звезды:
Иль оттого, что эфира стесненного быстрые токи
Выхода ищут в движеньи вращательном, эти светила
Катятся по необъятным пространствам небесным повсюду [233];

Или, затем, оттого, что воздушные некие токи
Движут огни их извне; а быть может, туда они сами
Двигаться могут, куда привлекает и манит их пища,
Чтобы тела огневые по небу питать постоянно.
Ведь с достоверностью трудно сказать, отчего происходят
Эти явленья все. Я объясняю лишь то, что возможно,
То, что бывает в различных мирах, сотворенных различно;
И моя цель — изложить тебе много причин, по которым
Могут везде совершаться движения звезд по вселенной.
А из причин многочисленных этих одна непременно
Звездам движенье дает, но которую выбрать здесь нужно —
Не составляет задачу идущих по верной дороге [234].

Наша земля, чтобы в мире занять серединное место,
Сбавиться в весе должна была несколько, сделаться легче
И обрести под собою другую какую-то сущность,
Соединенную испокон века и слитую вместе
С частью воздушного мира, где прочно земля утвердилась.
Значит, для воздуха тело земли не является тяжким.
Так для людей не являются бременем члены их тела,
И голова не бывает обузой для шеи, равно как
Ноги не чувствуют тяжести, нашему телу присущей.
Все же, что к нам попадает извне и на нас налегает,
Есть уже тяжесть, и малое даже нас бремя стесняет.
Вот сколько важности в том, как одна вещь к другой примыкает!
Стало быть, так и земля не была как стороннее нечто
Принесена и откуда-то брошена в воздух, ей чуждый.
Нет! получила начало она с сотворением [235] мира
И составляет часть мира, как члены — часть нашего тела.

Дальше. Когда вдруг земля потрясается громом великим,
Все, что на ней обретается, также приходит в движенье.
Этого быть не могло бы никоим путем, если б с нею
Не были связаны части воздушные мира и небо.
В корне самом эти сущности две примыкают друг к другу,
Испокон века согласные и сопряженные вместе.
Разве не мог ты заметить, что тяжесть великую тела
Сила тончайшая нашей души поддержать в состоянье,
Будучи с телом соединена и с ним связана тесно?
Что может кверху проворным скачком вознести наше тело,
Как не душевная сила, которая членами правит?
Не убеждаешься ль ты, как могуча столь тонкая сущность
В соединении с телом тяжелым, примерно как воздух,
Соединенный с землей, или сила души — с нашим телом?

Солнечный круг со своей теплотой лишь немного побольше
Или поменьше того, как он чувствам является нашим.
Ведь на каком расстояньи огонь ни касался бы взора
И наших членов ни отогревал бы своей теплотою,
Пламя при этом в составе своем ничего не теряет,
И не является вид его сколько-нибудь уменьшённым.
А потому, если солнца сиянье и жар, разливаясь,
К нашему чувству доходят и землю собою объемлют,
То очертания солнца и форма должны представлять нам
Истинный вид, ничего не меняя здесь больше иль меньше.

Движется ль месяц, заимствуя свет, озаряющий землю,
Или, напротив, свой собственный свет испуская из тела,
По своему он объему нисколько не больше, не меньше,
Чем и на деле самом представляется нашему взору.
Вещи, которые видим мы на расстояньи далеком,
Кажутся взору скорей затемненными током воздушным,
Чем уменьшенными по очертаньям. Поэтому месяц,
Облик блестящий и строго очерченный вид представляя
И выделяясь отчетливо внешних краев очертаньем,
Кажется нам в высоте таковым же, каков он на деле.

И наконец все огни те эфирные, кои ты видишь,
Тоже поэтому могут казаться нам несколько меньше
Или же чуть-чуть поболее, чем они суть в самом деле.
Так и огонь, на земле наблюдаемый нами: покуда
Ясно его трепетанье, покуда в нем пламя заметно,
На расстояньи далеком он будто бы самую малость
С той и с другой стороны очертанья свои изменяет.

Не удивительно также и то, почему при размерах
Столь незначительных солнце способно послать столько света,
Что наполняет им самое небо, и землю, и море,
И заливает весь мир теплотою своих испарений.
Может быть, целого мира единый родник изобильный,
Здесь, открываясь, течет и потоками яркого света
Льется из мира всего, когда тельца первичные жара
Вместе отвсюду сливаются и накопляются массой
И из единого будто источника льется тепло здесь.
Разве ты не наблюдаешь, как часто ручей невеликий
Зелень лугов орошает и влагой поля затопляет?
Также возможно, что при теплоте незначительной солнца
Воздух однако приемлет дыханье горячее зноя,
Если пора наступает и воздух к тому расположен,

Чтоб при малейшем воздействии воспламениться вдруг зноем.
То же мы видим подчас, когда в нивах и стеблях соломы
Вследствие искры одной во мгновенье пожар возникает.
Солнце, быть может, блистая светильником розовым в небе,
Возле себя сохраняет не мало огня с теплотою
Скрытой, совсем незаметной для глаз по отсутствию блеска,
И оттого возрастают удары лучей теплоносных.

Точно сказать и ответ дать правдивый, простой — невозможно,
Чем объясняется то, что из теплых пространств Козерога
К зимнему кругу подходит и вновь возвращается солнце
К тем же пределам своей остановки в созвездии Рака;
И почему также в месяц один лишь луна пробегает
То расстояние, что в один год пробегается солнцем.
Сказано: в этих явлениях нет однородной причины.

Можно легко допустить, что они происходят в том виде,
Как о том высказал праведный муж Демокрит свое мненье.
Он говорил, что, чем ближе к земле расположены звезды,
Тем поспевать они менее могут за вихрем небесным [236],
Скорость которого книзу теряется, равно как сила
Много слабее становится. Вследствие этого солнце
Вечно немного должно отставать от светил всяких прочих,
Будучи ниже гораздо, чем звезды блестящие, также
Ниже, чем месяц; а так как последний свершает движенье
Ниже, чем звездное небо, и больше к земле приближаясь,
То поспевать при вращеньи тем меньше за звездами может.
И, чем слабее становится вихрь в своей части нижайшей,
Где обращается солнце, тем с большею скоростью звезды,
Вихрем подхвачены, сверху свой круговорот совершают [237].
Кажется нам оттого, что луна возвращается быстро
К звездам известным, меж тем возвращаются к ней эти звезды.

Также возможно, что с двух сторон мира противоположных
Разные воздуха токи исходят в известное время,
Кои от летних созвездий способны отталкивать солнце
К зимнему кругу в пространство, объятое холодом лютым,
И отводить его снова из области ночи студеной
В более теплые части, к горячим созвездиям неба.
Надобно думать, что этим путем также звезды и месяц,
В орбитах больших вращаясь и в более долгое время,
Вследствие токов двояких по воздуху могут вращаться [238].
Разве ты не наблюдаешь, как тучи от веянья ветра
Носятся в разные стороны, нижние — верхним навстречу?

И почему по кругам необъятным эфира не могут
Двигаться звезды, гонимые разными вихрями в небе?

Далее. Ночь покрывает великою тьмою всю землю —
Или когда удаляется солнце к пределам далеким
И испускает оттуда свой свет, потускневший немало
Вследствие долгой дороги и многих воздушных препятствий,
Или когда под землею его проходить заставляет
Сила, которая также его над землею возносит.

В определенное время Матута [239] к пределам эфира
В розовой ризе Аврору приносит и свет разливает
В силу того, что лучи высылает вперед свои солнце,
Из-под земли возвращаясь и небо зажечь будто силясь;
А может быть, оттого, что в известную пору присуще
Огненным тельцам скопляться и в массу большую сливаться,
В силу чего наше солнце лучи свои вновь порождает.
Так нам толкует преданье, будто с высот горных Иды
Можно увидеть в рассеянном виде огни при восходе,
Кои, сомкнувшись, потом образуют подобие шара.

Но тем не менее не удивительно в этих явленьях
То, что зачатки огня через определенное время
Могут скопляться и восстановлять вновь сияние солнца.
Мы наблюдаем ведь многое, что происходит в природе
В определенный период. Во время известное года
Рощи цветут, и их цвет опадает в известное время.
Возраст, затем, вызывает зубов выпаденье во время
Определенное; нежным пушком он юнцов покрывает,
Или же бороду мягкую он на щеках отращает.
Молния, снег, облака, наконец, как дожди или ветры,
Все наступают почти в неизменную, ту же часть года,
Ибо, где есть основанья прямые к тому и причины,
Там, где весь мир вытекает из первоначальной основы,
Следует вечно природа вещей в неизменном порядке.

Свойственно дням прибывать, когда ночи становятся меньше,
Свету же дня — уменьшаться, когда прибавляются ночи,
Может быть, в силу того, что на дуги неравные солнце
Делит в эфире свой путь, проходя под землей и над нею,
И не на равные части круг неба оно разделяет.
То, что от части одной отнимает, оно прибавляет
К части противоположной, постольку ж ее удлиняя,
Вплоть до тех пор, пока в знак зодиака на небе не вступит,

Где равноденствия точка равняет свет дня с тьмою ночи.
Ибо тут держится меж Аквилоном и Аустрием солнце
Посередине и в равной дали от обоих пределов,
Землю и небо косыми лучами тогда освещая
Вследствие расположенья небесного звездного круга,
Где в годовой промежуток свершается солнцевращенье.
Так объясняют ученые, кои места все на небе
Обозначают, снабдив из них каждое знаком известным.

Может быть, также сгущается кое-где воздух сильнее,
А оттого под землею трепещущий свет задержаться
Должен, и с легкостью вверх вознестись он не может.
В зимнюю пору поэтому тянется время ночное
Долго, покуда светило дневное в лучах не восходит.
Может быть, также и то, что согласно со временем года
Свойственно пламени медленней или скорей воздыматься,
Что создает восхожденье солнца на месте известном [240].
Есть основание думать, что предположенье то верно.

Блещет луна потому, может быть, что в нее ударяют
Солнца лучи, и тем больше к нам изо дня в день обращает
Свет она, чем от нее удаляется больше круг солнца,
Вплоть до тех пор, пока против луны в полном блеске не станет
И, восходя в высоту, не увидит ее захожденья [241].
Вслед же за этим луна должна как бы скрывать постепенно
Свет свой по мере того, как она приближается к солнцу,
И совершать уж в другой части знаков движенья по небу [242].
Так мыслят люди те, кои луну представляют подобной
Шару, а путь и вращенье ее помещают под солнцем.

Может быть также, луна, наделенная собственным светом,
Движется и придает очертанья различные этому свету.
Может быть, есть еще тело другое, которое с нею
Вместе вращается и, нагоняя ее, затмевает,
Но его видеть нельзя, так как света ему нехватает.

Может вращаться луна, шаровидна примерно как мячик,
В коем одна половина покрыта белеющим светом;
А при вращении шар представляет различные формы
Вплоть до тех пор, пока часть освещенная этого шара
Не повернется к нам вся и не станет открытой для взора.
После того она мало-по-малу вращается дальше
И освещенную часть своей массы и шара отводит.
В том хочет нас убедить вавилонских халдеев ученье,

Кои, напротив, других звездочетов искусство отвергли.
Будто одно не могло б быть действительным, как и другое,
Будто учение то обосновано хуже, чем это.

В силу чего не могла бы луна вечно вновь нарождаться
В определенном порядке фигур и с известною формой
Так, чтоб она каждый день возникала и уничтожалась
И уж другая луна в новом месте опять появлялась?
Трудно причину найти и облечь ее в слово. Меж тем как
Многое вновь нарождается в определенном порядке [243].

Так, прибывают Венера с Весной, и Зефир, окрыленный
Вестник Венеры, предшествует ей, возвещая прибытье.
Флора, творящая мать, на пути каждый шаг осыпая
Красками пестрых цветов, наполняет их благоуханьем.
Далее следует знойное лето и спутницы с ним же:
В пыльной одежде Церера, Этезия — дух Аквилона.
Осень потом наступает, а вместе с ней Эвиус-Эван [244].
Следуют после того непогоды и всякие ветры:
Аустер с могучею молньей, высоко гремящий Волтурнус.
Солнцестоянье приносит снега с продолжительной стужей,
С холодом зимним, стучаньем зубов и жестоким морозом.
Так что и не было б дива, когда бы в известное время
Вовсе луна исчезала и восстановлялася снова,
Ибо ведь многое в определенные сроки творится.

Также затмение солнца и месяца исчезновенье
Могут от разной причины случиться, как следует думать.
В силу причины какой от земли устранить может месяц
Солнца лучи, заслонив его гордую голову в небе,
Противуставя горячим лучам свое темное тело?
И почему одинаково сделать того не могло бы
Тело иное какое-то, вовсе лишенное света? [245]
В силу чего невозможно, чтоб в солнце известное время
Ослабевало горенье и восстановлялося снова
При прохожденьи в воздушных слоях, для огня непригодных,
Где прерывалось бы пламя и время от времени тухло?
Если земля в состояньи луну лишить света и, книзу
Солнце оттиснув, над солнцем держаться, покуда
В мрачной конической тени луна каждый месяц проходит,
То почему под луною же или над солнечным диском
Тело другое пройти не могло б в то же самое время
И прерывать не могло бы лучей и течения света?
Если луна наконец своим собственным светится светом,

То не могла ли б она потускнеть в некой области мира
При прохожденьи чрез слой, неспособный поддерживать света?

Словом, тебе объяснил я уже, на каком основаньи
Все так сложиться могло в необъятной лазури вселенной.
Так что не трудно постигнуть, как движутся солнце и месяц,
Силы какие и что за причины к тому их толкают,
Как исчезают они, когда свет заслонен их чем-либо,
Как они землю внезапно во мрак повергают глубокий,
Будто бы щурят глаза, и затем открывают их снова,
Чтобы сияньем блестящим своим осветить все пространство.
Ныне хочу я вернуться к младенчеству мира и к зыбким
Долам земли, к тем созданиям, что вырастают на воздух
И доверяют все судьбы свои переменчивым ветрам.

Наша земля поначалу обильно покрыла повсюду
Яркою зеленью трав разнородных холмы и долины.
Краской зеленой цветущие всюду луга заблистали.
Вслед же за этим назначено было различным деревьям
В воздух открытый расти, состязаясь усердно друг с другом,
И, наподобье как волосы, перья, щетина сначала
Тело у птиц покрывают и члены у четвероногих,
Так и земля поначалу кусты возрастила и травы,
А уж затем разным способом и по различным причинам
Создала множество смертных существ всевозможной породы.
(Ведь не могли же созданья живые ни с неба свалиться,
Ни земноводные твари — из моря соленого выйти).
А потому справедливо земля имя матери носит,
В силу того что создания все из земли сотворились.
Множество всяких животных и ныне в земле возникает
Вследствие влаги дождливой и зноя лучистого солнца;
Нет, значит, дива и в том, что так много крупнейших животных
Создано свежими силами нашей земли и эфира.

Прежде всего свои яйца покинув в весеннее время,
Вывелись виды крылатые и разноперые птицы.
Так и теперь среди знойного лета цикады бросают
Шкурки свои, чтоб на воле искать пропитанья и жизни.
После впервые земля создала поколения смертных.
Так как в полях еще много тепла оставалось и влаги,
То повсеместно, где только к тому представлялось удобство,
Выросли некие матки, корнями к земле прикрепившись,
Кои раскрылись, когда их зародыши в зрелую пору
От мокроты захотели бежать и нуждались в дыханьи.

И направляла природа в места те все скважины почвы,
Соки из жил выпускавшей, подобные влаге молочной.
Это мы видим и ныне у женщин. Когда они родят,
Грудь молоком наполняется сладким у них, и стремится
Этот питательный сок просочиться к соскам отовсюду.
Пищу давала младенцам земля, лучи солнца — одежду,
А изобильные травы им стали пушистое ложе.
Мир первобытный ни лютому холоду не подвергался,
Ни непомерному зною, ни силе неистовой ветров.
Все равномерно росло, развивались и сил набираясь.
Вот потому-то вполне по заслугам земля получила
Матери имя. Она человеческий род сотворила
И приблизительно в это же время родила животных;
Создала все, что привольно в высоких горах проживает
И в виде птиц разноперых по воздуху реет свободно.

Но так как должен предел быть такой плодотворной работе,
То и земля перестала рожать, как в годах престарелых
Женщина. Время меняет ведь всю мировую природу,
И за одним состоянием следует вечно другое.
Мир не коснеет в одном положении. Все — преходяще,
Все изменяет природу, и все к превращенью стремится.
Тлеет одно и от дряхлости чахнет, тогда как другое,
Наоборот, возрастает и выйти из мрака стремится.
Так изменяется с возврастом сущность великого мира;
Из одного состоянья земля переходит в другое.
Прежних нет свойств у нее, но есть то, чего не было прежде.

Почва в ту пору создать постаралась немало чудовищ
Странной наружности с членами, соединенными вместе:
Гермафродитов, равно на мужей и на жен непохожих.
Много земля сотворила уродов безногих, безруких,
Рта совершенно лишенных, подчас со слепой головою,
Или же с телом, в котором все члены срослись и сцепились,
Так что они ничего не могли предпринять или с места
Двинуться с тем, чтоб бежать от беды и достать пропитанье.
Много диковин и чудищ земля создала в этом роде,
Но понапрасну. Природа развитие их преградила.
Сил нехватало у них, чтобы зрелости полной достигнуть,
Чтобы достать себе корм и сходиться для дела Венеры.
Много условий сойтись воедино должно, как мы видим,
Чтобы порода могла свою жизнь продолжать, размножаясь:
Пища нужна подходящая, нужно затем, чтоб в сосуды
Самок проникнуть могло детородное семя из членов

И чтобы самки с самцами могли сочетаться и были
Связаны между собой наслаждением страсти взаимной.

В пору ту многие виды животных должны были сгинуть
И не могли свою жизнь продолжать, размножая потомство.
Виды же те, что доныне вдыхают живительный воздух,
Испокон века от гибели племя свое сохраняют
Хитростью или отвагою, или же ловким проворством.
Твари другие, ввиду доставляемой пользы, вверяют
Жизнь свою нам и находятся под попечением нашим.
Племя свирепое львов или хищных животных отвагой
Жизнь сохраняет, лисицы — лукавством, а бегством — олени.
Чутко же спящие псы с своим верным и преданным сердцем,
Твари различные, принадлежащие к вьючной породе,
И шерстоносные овцы, и племя рогатой скотины —
Все это, Меммий, должно под защитой людей находиться.
Твари все эти спасенья от хищников ищут и мирной
Жизни хотят, где бы корм получали они безопасно,
А человек им дает это все за услуги в награду.
Но были звери еще, коим не дано было уменья
Жизнь защищать свою собственной силой и не дано свойства
Чем-либо быть нам полезными, ради чего мы б старались
Нашей защитой их племя питать и им дать безопасность.
Звери такие добычей и жертвой других становились
И попадали в оковы злосчастного рока, покуда
Все поколение их наконец не исчезло в природе.

Но ни в какие эпохи не существовало центавров,
И не могло их быть с телом двояким, с двойною природой,
С свойством одним, исходящим из членов двух разных животных [246];
Быть одинакому свойству в одном и другом невозможно [247].
Это сумеет понять без труда даже ум недалекий.
Прежде всего жеребенок на третьем году достигает
Зрелого возраста, в эту же пору дитя еще часто
Ищет во сне материнской груди, молоком отягченной.
Наоборот, когда в старости силы коня покидают
И с потухающей жизнью слабеют в нем всякие члены,
Юноша только к цветущей поре своей жизни подходит,
И начинают едва покрываться пушком его щеки.
Значит, не должен ты думать, что семя людское в смешеньи
С семенем вьючных коней сотворило породу центавров;
Или чтоб жили когда-нибудь Сциллы, обвитые псами,
С рыбьим хвостом, и чудовища разные в этом же роде,
В членах у коих мы видим подобный разлад меж собою.

Части животных таких не могли б ни расти равномерно,
Ни развивать своих сил, ни со старостью дряхлою гибнуть.
Не однородной любовью пылали б те звери; несходен
Был бы их нрав, и не все в равной мере им было б полезно.
Мы наблюдаем порой, что цикута козлов утучняет,
А между тем для людей она яд представляет жестокий.
Кроме того ведь огонь может сжечь одинаково тело
Рыжеволосого льва, как и все остальное, в чем кровь есть,
Все, что живет на земле, нарождаясь с живою утробой.
Может ли быть, чтобы в теле одном совмещалось три тела:
Спереди — львиное, сзади — драконово, а в середине
Тело Химеры самой, изрыгающей пламя из пасти?
Люди, которые предполагают возможность рожденья
Тварей подобных на новой земле и под небом недавним [248],
В слове пустом „новизна“ находя лишь тому подтвержденье,
Могут легко наболтать в этом роде немало другого:
Будто бы реки златые тогда по земле протекали,
Будто б деревьям цвести полагалося жемчугом всюду,
А человек нарождался таких чрезвычайных размеров,
Что он чрез море глубокое переступать мог ногами
Или кругом себя с помощью рук поворачивать небо.
В те времена, когда почва впервые зверей сотворила,
В ней находилось великое множество разных зачатков,
Но все же нет указаний на то, чтоб она сотворила
Смешанных неких зверей, разнородные члены придав им.
Видим же мы, что и пыше растут из земли в изобильи
Злаки, различные виды травы и кустарников пышных,
Кои не могут в смешении между собою родиться.
Все существа нарождаются в определенном порядке
И сохраняют различье по твердым законам природы.

Люди, тогда на полях проживавшие, были грубее,
Как и должно быть, затем что взрастила их грубая почва.
Кости внутри у них были гораздо крупнее и тверже;
Чрево их с жилами связано было далеко плотнее [249];
Холод и жар их поэтому не донимали так скоро,
И перемена напитков и пищи на них не влияла.
Так в продолжение множества солнечных круговращений
Люди вели свою жизнь в состояньи бродячем, как звери.
Не было сильного пахаря для управления плугом,
Так что никто не умел ни возделывать поля железом,
Ни произвесть на земле насажденье кустарников новых,
Ни у высоких деревьев [250] обрезывать старые сучья.
То, что давали тут солнце и дождь, то, что собственной силой

Почва рожала, казалося сердцу достаточным даром.
Люди кормились в дубовых лесах, желудями обильных.
Вишни морские, которые ныне, как видишь ты, зреют
И принимают багровый свой цвет только в зимнюю пору,
В те времена доставлялися почвой крупней и обильней.
Кроме того расцветавший тот мир первобытный немало
Пищи различной [251] готовил несчастному роду людскому.
Реки с ручьями сзывали людей утолить свою жажду.
Так на горах и доныне паденье ручьев многоводных
Издали громко скликает зверей к утолению жажды.
Люди к тому же, бродя, находили лесные пещеры,
Капища нимф, из которых [252] струями ручьи вытекали.
Влага, скопляясь обильно, садилась на скалы и сверху
Падала каплями с камней тут, мокрых и мохом покрытых.
Часть этой влаги, стекая в равнину, в поля разливалась.
Люди тогда не умели еще ни с огнем обращаться,
Ни укрывать свое тело звериною шкурой и мехом;
Но проживали в лесах они, в горных пещерах и рощах
И закрывали ветвями кустов свои грязные [253] члены,
Чтоб обеспечить себя от ударов дождя или ветра.

Люди совсем не пеклись об общественном благе [254], а также
Не было нравственных правил у них и защиты законов.
Каждый брал то, что ему как добычу судьба посылала,
Собственной силой привыкнув хранить свою жизнь и здоровье.
В зарослях леса влюбленных тела сочетались Венерой,
И сочетались притом или вследствие страсти взаимной,
Или насилию и сладострастью мужчин уступая,
Или за плату: за желуди, вишни морские и груши.

С ловкостью рук чрезвычайной, с большою проворностью бега
Люди на диких животных охотились в дебрях лесистых
С помощью брошенных камней и грузной, огромной дубины.
Многих сражали они, от иных же скрывались в пещерах.
Люди ночною порой, наподобье щетинистых вепрей,
Членам нагим доставляли покой, на земле распростершись,
В листья сухие и ветви деревьев зарывшись глубоко.

Не с восклицаньями громкими ждали те робкие люди
Ясного солнца и дня на полях, в мраке ночи блуждая [255];
Дремой объятые, в полном молчаньи они созерцали,
Как в небесах поднимает свой лик лучезарное солнце.
Ибо уж с детства привыкли они наблюдать постоянно
Смену взаимную света и тьмы в надлежащее время.

Эти явленья природы их более не удивляли,
И не страшила их мысль, что земля в вечный мрак погрузится
И что сияние солнца навек у них отнято будет.
Больше забот причиняло несчастным людям нападенье
Хищной породы зверей, нарушавших покой постоянно.
При наступленьи могучего льва и лохматого вепря,
Бросив жилища, бежали они под скалистые своды;
И среди ночи ненастной от страха они уступали
Гостю свирепому ложе свое под листвою деревьев.

Все-таки смертные в те времена покидали пределы
Сладостной жизни не в большем количестве, нежели ныне.
Люди тогда в одиночку скорей подвергались захвату,
Пищу живую порою звериным зубам доставляя;
Чаще в лесах и горах раздавались стенанья и вопли
Тех, кои с плотью живой погребались в живую могилу.
Те же, которые с телом изгрызанным бегством спасались,
Голосом, ужас вселяющим, Оркуса мрак призывали
И прижимали ладони дрожащие к ранам, покуда
Жадные черви не освобождали несчастных от жизни.
Люди в невежестве средств никаких от ранений не знали.
Но зато не было случаев, чтоб в один день погибали
Тысячи воинов сразу под знаменем или чтоб море
Силой волненья суда и людей разбивало о скалы.
Море, вздымая валы, свирепело тогда понапрасну
И легкомысленно распространяло пустые угрозы.
Да и зеркальная гладь совершенно спокойного моря
Не соблазняла тогда никого и в обман не вводила.
Дерзкий почин судоходства в ту пору во мраке таился.
Если порою тогда недостаток питания членам
Смерть причинял, то, напротив, теперь всех излишество душит.
Люди тогда по незнанию яд себе сами давали,
Ныне ж скорее другим [256] они яду умеют подсыпать.

Люди затем изготовили шкуры, жилища, добыли
Силу огня, и слились тогда муж и жена воедино.
Стали известны им в браке утехи любви непорочной [257],
И они видеть могли, как от них возникает потомство.
Только тогда человечество стало немного смягчаться.
Тело стараньем огня восприимчивей к холоду стало,
И недостаточной стала казаться небесная кровля.
В людях Венера ослабила мощь. От родительской ласки
Дети легко потеряли суровые склонности духа [258].
Начали также и дружбу завязывать те, у которых

Были соседи: не стали чинить им вреда и насилий.
Голосованием[259] жен и детей оградили защитой
И выражали движеньями всякими и лепетаньем,
Что состраданье должно быть оказано всем слабосильным.
Правда, еще не меж всеми согласие установилось,
Все ж наибольшая, лучшая часть договоры хранила.
Иначе род человеческий был бы тогда уничтожен
И не довел бы до нынешних дней размноженья потомства.

По побужденью природы язык стал различные звуки
Произносить, при нужде выражая названья предметов.
Невелико тут различие с тем, что и ныне мы видим.
Именно: немощность речи детей заставляет прибегнуть
К телодвиженьям и на предметы указывать пальцем.
В каждом живет ведь сознание свойств, ему в пользу служащих[260].
Раньше еще, чем на лбу у теленка рога вырастают,
Пробует он их во гневе и ими грозит в раздраженьи;
А у детенышей хищного барса и льва в обороне
Лапы и когти пускаются в ход и укусы, хотя бы
Только едва вырастать у них начали когти и зубы.
Мы наблюдаем затем еще, как доверяются птицы
Крыльям своим и как в крыльях трепещущих ищут спасенья.

Предполагать, что один кто-нибудь дал названья предметам
И что оттуда уж люди узнали впервые слова все, —
Было б безумно. Как мог бы один человек обозначить
Вещи все голосом и расчленять языком своим звуки[261],
А в то же время все прочие делать того не умели?
Если б другие, притом не умели в сношеньях друг с другом
Слов применять, то откуда б явилось познанье об этом?
И из чего бы в одном человеке возникла способность
Волю свою выражать, чтоб другие его понимали[262]?
Нет, человек тот единственный не был бы в силах принудить
Толпы людей к повторению данных предметам названий[263];
И никакими судьбами не мог бы глухих научить он[264],
Что нужно делать им. Этого не потерпели бы люди,
И никогда они не допустили бы, чтобы кто-либо
Смел непонятными звуками обеспокоить их уши.
И наконец почему удивительным может казаться,
Что человечество, голосом и языком обладая,
Под впечатлением разным отметило звуками вещи[265],
Если скоты бессловесные даже и дикие звери
Звуками разными и непохожими кликать привыкли
В случаях тех, когда чувствуют боль, опасенье и радость?

Все это можно легко наблюдать и в действительной жизни.
Так: когда злые молосские псы [266], мягкий зев свой отвернув,
Твердые зубы оскалив, рычать начинают во гневе,
То, пока ярость их сдержана, звуком иным нас пугают,
Нежели тот, когда лают вовсю, оглашая окрестность,
Или когда языком они нежно щенят своих лижут,
Или, отбросив их лапами, делают вид, что желают
Пастью ужасною их поглотить и кусать их зубами, —
В случаях этих визжание мирное псов тех несхоже
С воем протяжным, когда остаются одни они дома,
Или же с криком, когда, изогнувшись, бегут от ударов.
Далее, разве не видим мы, как отличается сильно
Ржанье коня молодого в цветущих годах его жизни,
В пору, когда разъярится он, шпорой любви возбужденный,
И когда ржет от других он причин, содрогаясь всем телом,
Или когда он, расширивши ноздри, в сражение мчится?
А наконец и пернатое племя, различные птицы:
Коршуны или морские орлы и нырки, что на море
В волнах соленых добычу и пищу себе промышляют.
Разные звуки они испускают в различное время
В драке друг с другом за пищу и в споре с врагом о добыче.
Частью у птиц изменяется голос согласно с погодой.
Так например у грачей долговечных — охрипшие крики,
Или же карканье стаи вороньей, когда, по рассказам,
Просит дождя она и накликает и ветер и бурю.
Стало быть, если различные чувства легко могут вызвать
У бессловесных зверей издавание звуков различных,
То уж тем более роду людей подобало в ту пору
Звуками обозначать все несхожие, разные вещи [267].
Чтобы в вопросах таких про себя не скрывал ты сомнений,
Знай, что огонь человеку принесен на землю впервые
Молнией и от нее растеклась уже пламени жгучесть.
Видим мы, что загораются часто от молний небесных
Многие вещи, когда с высоты ударяет в них пламя.
А когда ветра порыв, потрясающий слабые ветви,
Бесится и нагибает деревья одно на другое,
То от их сильного тренья огонь выступает наружу
По временам даже пламенем ярким сверкают деревья,
Если стволы их и ветки друг с другом запутавшись трутся.
Оба явленья могли бы огонь человеку доставить.
Солнце затем научило и пищу варить и припасы
Действием жара мягчить, так как видели люди, что в поле
Многое мякнет, влиянью тепла и лучей уступая.
Люди, которые были богаче умом, даровитей,

С помощью новооткрытых вещей и огня научали
Изо дня в день изменять первобытную жизнь и питанье.

Стали затем города воздвигаться; цари стали строить
Крепости, чтоб находить в них убежище и оборону.
Скот и поля были разделены, и досталось на долю
Каждого то, что по силе, лицу и уму подобало,
Так как ценилась тогда красота и важна была сила.
После того установлена собственность, найдено злато,
А вместе с тем и значенье красивых и сильных упало [268].
Сильные и наделенные отроду телом прекрасным
Большею частью идут, куда хочешь вослед за богатым.

Если бы правильно люди вели свою жизнь, то нашли бы
Много богатства в умеренной жизни, в спокойствии духа.
Тот, в ком потребности малы, нужды никакой ведь не знает.
Но захотели они тем не менее знатности, власти,
Чтобы покоилось счастие их на недвижных устоях
И чтоб в богатстве и радостях жизнь проводить постоянно.
Но ни к чему это все! В состязаньи о почестях высших
Люди идут по пути, приводящему к гибели часто [269].
Словно небесная молния зависть их ниспровергает,
По временам даже в Тартара черную тьму их толкает.
Так что гораздо полезнее повиноваться спокойно,
Нежели власти в делах добиваться и царствами править.
Так что в напрасных заботах они обливаются кровью
И выступают на тесном, опасном пути честолюбья.
Жизнь они знают из слов лишь чужих; свою цель намечают [270].
Больше по слышанным ими речам, чем по личному чувству.
Так оно есть и иначе не будет, как было когда-то.
Зависть, как молния, по большинству только то поражает,
Что наверху обретается и надо всем выдается.

По убиеньи могучих царей ниспровергнуты были
Грозные скиптры и древнее великолепье престолов;
И украшение славное высшей главы государства [271]
Кару несло за великий почет под ногами народа;
С жадностью топчется то, чего люди чрезмерно страшились.

После того перешло управленье к подонкам народа;
Каждый при этом старался добыть себе власть и главенство.
Ради того часть людей предложила создать [272] магистраты
И учредила права, чтобы все подчинялись закону.
Смертные очень устали от тех постоянных насилий

И утомились в борьбе. Тем скорее они согласились
Доброю волей законам, стесненью прав подчиниться.
Каждый во гневе гораздо суровее мстил за обиду,
Чем это ныне положено по справедливым законам;
Вот почему опротивело жить среди вечных насилий.
Страх наказаний с тех пор омрачил удовольствия жизни.
Ныне насилье и несправедливость опутаны сетью
И большей частью на том отзываются, кто совершил их.
Тихую, сладкую жизнь не легко проводить тому ныне,
Чьи нарушают дела договор общепринятый мира.
Даже когда бы богов и людей обмануть удалося,
Все же он должен всегда опасаться, чтоб зло не открылось.
Многие часто во сне говорят про свои злодеянья
Или же бредом невольно себя выдают при болезни
И открывают грехи свои тайные целому свету.

Ныне скажу, почему у народов богов почитанье
Распространилось и стали полны города алтарями;
Что отправлять заставляло роскошные богослуженья,
Кои остались доныне в больших государствах и странах;
Также откуда доныне вселяются в смертных те страхи,
Кои богам на земле воздвигают все новые храмы
И заставляют по праздникам богослуженье править [273].

Все это здесь без большого труда объясню я стихами.
В те времена [274] поколенью смертных казалось, как-будто
Образы светлых богов наяву они видят порою,
Но еще больше во сне поражали их боги величьем.
Чувства приписаны были богам, потому что казалось,
Будто бы члены их двигались и раздавался надменно
Голос, вполне подходящий к их ликам и силам огромным.
Вечная жизнь им присвоена в силу того, что их образ
Вечно стоял на пути, сохраняя свои очертанья.
Люди к тому же не думали, чтобы богов при их силе
Сила какая-нибудь в состояньи была уничтожить.
Боги, по мненью людей, обладали и счастием высшим,
Ибо не мучил нисколько их страх перед смертью грядущей
И, как казалось во сне, они много чудес совершали,
Не ощущая притом утомленья от этой работы.

Смертные видели определенный порядок явлений,
В небе бывающих, и времен года чреду круговую,
Но не могли объяснить, отчего это все происходит.
Им представлялся один лишь исход — предоставить богам все

И допустить, что по воле богов все на свете вершится.
Люди жилища и троны богов помещали на небе,
Ибо у всех на глазах пробегали там солнце и месяц,
Ночи сменялися днями, носились там строгие звезды,
Много огней, среди ночи блуждающих, и метеоры [275],
Ветры, дожди, облака со снегами, с росистою влагой,
Молния быстрая и грохотанье грозное грома.

О! род несчастный людей, приписавший такие явленья
Воле богов и прибавивший к этому гнев их ужасный!
Сколько стенаний ты сам приготовил себе, сколько муки
Нам причинил, сколько слез ты доставишь наследникам нашим!
Ведь благочестье [276] не в том состоит, чтоб с покрытой главою
К камням немым обращаться и всем алтарям поклоняться.
Также не в том, чтобы, долу простершись и руки воздевши,
Перед божественным храмом алтарь обагрять изобильно
Кровью животных, при этом плести за молитвой молитву.
Нет, оно — в том, чтобы с духом покойным глядеть на все вещи.

Часто, когда созерцаем мы над головою своею
Бездну небес с постоянным мерцанием звезд по эфиру,
Если на ум нам приходит вращенье луны или солнца,
В нашей груди начинает главу поднимать беспокойство,
В обыкновенное время забитое прочими муками жизни:
Не проявляются ль тут необъятные силы бессмертных,
Коими ясные звезды вращаются в разном движеньи?
Бедность познаний у нас поселяет в рассудке сомненье:
В чем состояло начало творящее целого мира?
Что за конец предстоит ему? Долго ль еще грани мира,
Смутой объятого, смогут нести тяготу возмущений?
Или же мир наделен был богами бессмертною жизнью,
Так что, влекомый теченьем веков, постоянно он может
Пренебрегать необъятного времени грозною силой?
Да! у кого пред величьем богов не сжимается сердце? [277]
И у кого не немеют все члены от сильного страха
При сотрясеньи земли от удара палящего молний
И при раскатах сердитых по небу гремящего грома?
Разве при том не дрожат племена и народы? И разве
Даже у гордых царей не отъемлются члены от страха,
Как бы пора не пришла дать отчет и принять наказанье
За совершенное зло и за все их надменные речи?
А когда грозная сила бушующих ветров порою
Через морские пучины влачит предводителя флотов
Вместе с его легионами мощными и со слонами,

Разве богам не дает он обетов, не просит в молитвах
О ниспосланьи хорошей погоды и ветров попутных?
Но понапрасну. Нередко, неистовой силою ветров
Схваченный, все ж он не тише уносится к отмели смерти.
Вот до чего разрушает какая-то скрытая сила
Планы людей! Благолепные ликторов прутья, секиры [278]
Топчутся впрах и становятся общим посмешищем часто.
И наконец когда почва колеблется вся под ногами
И города, грозя гибелью, рушатся от сотрясенья,
Не удивительно, что поколенье людей так страшится [279],
Предоставляя всю власть и чудесные многие свойства
Силе бессмертных богов, управляющих будто бы миром.

Кроме того были найдены: золото, медь и железо,
Вес серебра вместе с ними, а также свинцовая тяжесть
Там, где леса на высоких горах были выжжены силой
Пламени в пору, когда туда падала молния с неба,
Или когда при веденьи войны в тех лесах первобытных
Сами же люди огнем на врагов своих страх наводили.
Или когда, обольщенные щедрым даянием почвы,
Люди хотели расширить поля для селений и пастбищ,
Или когда они обогащались охотой на зверя.
В те времена применяли в охоте огонь и ловушки,
Прежде чем ставить силки или зверя преследовать псами.
Пламени жар, от каких бы причин ни возник он,
Дебри лесов пожирал с ужасающим треском и шумом
Вплоть до глубоких корней, и огнем выжигалась там почва.
Золото и серебро заструились потоком обильным
Всюду из жил раскаленных земли и стеклись в углубленья,
Так же как медь и свинец. А когда отвердели металлы
И на земле засверкали впоследствии цветом блестящим,
Люди, плененные блеском и прелестью, их поднимали
И замечали при этом, что слитки всегда сохраняли
Форму, похожую на замыкавшие их углубленья.
Было открыто тогда, что металлам, расплавленным жаром,
Может дана быть фигура и форма, какая угодно,
И что из них при посредстве кузнечного молота можно
Лезвия выковать с тонкостью и остротою любою,
Чтоб изготовить оружье, снаряды для рубки деревьев
И инструменты для чистки, тесания бревен и досок,
Для проведенья борозд, для сверления всяких отверстий.

Из серебра и из золота люди их делать пытались,
Прежде чем стойкие силы использовать меди могучей.

Но понапрасну. Такие металлы легко поддавались
И не могли равным образом вынести грубой работы.
Медь же ценилась дороже тогда. Бесполезное злато
Было в полнейшем презрении, так как легко притуплялось.
Ныне же медь малоценна, а золото в высшем почете.
Так изменяет течение времени ценность предметов.
То, что когда-то ценилось, теряет впоследствии ценность.
Нечто другое за этим выходит из пренебреженья;
С каждым днем вещи другие являются и, достигая
Славы большой, у людей получают огромную важность.

Ныне тебе я скажу, как открыта природа железа [280];
Мог бы ты это и сам без труда объяснить себе, Меммий.

Прежде служили оружием руки могучие, ногти,
Зубы, каменья, обломки ветвей от деревьев и пламя,
После того как последнее сделалось людям известно.
После того была найдена медь и порода железа.
Все-таки в употребленье вошла прежде медь, чем железо,
Так как была она мягче, притом изобильней гораздо.
Медным орудием почва пахалась, и медь приводила
Битву в смятенье, тяжкие раны везде рассевая.
Скот и поля похищались при помощи меди; легко ведь
Все безоружное, голое повиновалось оружью.
Начали мало-по-малу мечи из железа коваться,
Вид же оружья из меди в людях возбуждать стал презренье.
В это же время и землю возделывать стали железом
И при войне с неизвестным исходом равнять свои силы.

Ранее люди умели лишь сесть на коня, удилами
Левой рукой управляя, а правой сражаясь, доколе
Не испытали опасность войны в колесницах двуконных.
Ездили прежде на парных они колесницах, а после
Стали две пары впрягать и снабжать колесницы клинками.
Пуны затем приучили уродливых тварей луканских
С хоботом, с башней, к спине прикрепленной, нести пораженье
И приводить в замешательство грозные полчища Марса.
Вот каким образом вследствие ужасов вооруженья
Мало-по-малу возникла вражда в человеческом роде
И увеличились беды войны, с каждым днем возрастая [281].
Были попытки к сраженью рогатых быков приспособить
И на врагов насылать стаю вепрей, к тому приученных,
А пред собою парфяне и львов высылали могучих
Под руководством свирепых и вооруженных вожатых,

Кои могли бы зверей укротить и сдержать их цепями.
Тщетны усилья людей. Разъярившись от бойни взаимной,
Лютые звери вносили смятенье в полки без разбора
И потрясали повсюду лохматою страшною гривой.
Всадники были не в силах своих лошадей успокоить
От перепуга и их на врагов направлять удилами.
Львицы взбешенные дико кидались на все и прыжками
То нападали в лицо на людей всех, навстречу им шедших,
То неожиданно с тылу терзали, причем наносили
Раны двойные врагам, ниспровергнутым ими на землю:
Частью зубами могучими, частью кривыми когтями.
Также быки убивали своих и топтали ногами
Или рогами бока и живот лошадям пробивали
И, угрожая свирепостью, их повергали на землю.
Дикие вепри сражали клыками товарищей битвы.
Кровью своей обагряя торчащие копий обломки,
В бешенстве гибель несли они всадникам и пехотинцам.
Но совершенно напрасно пытались ретивые кони
Страшных зубов избежать тем, что прыгали в сторону быстро
Или вздымались на дыбы. У них подсекалися жилы,
И всею тяжестью тела они упадали на землю.
Так среди пыла войны, среди ран, восклицаний, смятенья,
Бегства и ужасов всяких других возбуждались те звери,
Кои в дому почитались вполне укрощенными раньше.
Сил никаких нехватало их собрать куда-нибудь вместе,
Так как вразброд разбегались животные разной породы.
Будучи ранены, твари луканские даже и ныне
В бегство пускаются, гибель своим же войскам причиняя.

Так поступали тогда. Но с трудом лишь я верю, чтоб люди
Были не в силах предвидеть умом и предчувствовать ясно,
Сколь велики были общее зло и грядущие беды.
Можно бы было скорее подумать, что ужасы эти
Созданы в разных мирах, порожденных на разных началах,
Чем на едином земном нашем круге, на месте известном[282].
Но не в надежде врагов победить воевали так люди,
А из желанья врагам повредить лишь, хотя бы погибнув;
Из недоверья к числу своему и из нужды в оружье.

Прежде чем ткань изобретена, люди одежду сплетали.
Ткать стали после открытья железа, без коего можно ль
Было бы множество тонких орудий тканья изготовить,
Как например: веретена, колоды звенящие, шпульки? [283]
Раньше природа к прядению шерсти мужчин понуждала,

Нежели женское все поколение, так как в искусствах
Было гораздо смышленей всегда поколенье мужское.
Пахарь суровый считал для себя это дело позорным
И предпочел, чтобы им занимались женские руки;
Сам для себя же работу он более грубую выбрал,
И от тяжелых трудов его члены и руки окрепли.

Первый образчик посевов, образчик прививки деревьев
Матерь-природа сама поначалу дала человеку.
Ибо плоды или жолуди, павшие с дерева, стали
Вверх изобильно ростки выпускать чрез известное время.
После охота пришла черенки прививать к разным веткам
И насаждать на поля молодые кустарники в землю.
После другие еще обработки на радостной пашне
Пробовать стали, и люди заметили, что от ухода
И обработки земли много слаще плоды становились.
День изо дня на высокие горы леса отступали.
Здесь же внизу расширялись пространства возделанной почвы,
Чтоб человек мог добыть на холмах и на местности ровной
Пастьбы, посевы, луга, виноградники, реки, озера;
Чтобы деревья масличные цепью лазорево-бледной
Распространялись везде по буграм, по полям и долинам.
В разнообразной красе нам земля представляется ныне
Там, где ее украшают посадки деревьев плодóвых,
С краю кругом окаймленные лентой кустов изобильных.

Раньше гораздо, чем смертные для услаждения слуха
Пеньем стихи благозвучные сопровождать научились,
Голосу нежному птиц подражать они горлом старались.
Посвист зефира в пустом тростнике научил их впервые
Звук извлекать на свирели из дико растущей цикуты.
Мало-по-малу звучать стали жалобно-сладкие песни,
Кои проворством перстов музыкант извлекает на флейте,
В уединеньи долин изобретенной, в зарослях леса
Или в пустынных пастушьих краях в час божественной лени.
Так постепенно со временем распространяются в людях
Всякие вещи, а разум людей их на свет выдвигает!
Эти успехи смиряли сердца и людей услаждали
После принятия пищи; тогда ведь все по сердцу людям.
Люди, нередко на мягкой зеленой мураве простершись,
На берегах ручейков, под ветвями тенистых деревьев
И без малейших хлопот сладкий отдых телам доставляли;
А особливо, когда улыбалась весна и цветами
Всюду она окропляла обильно зеленые травы.

Тою порой среди игр, среди смеха веселого, шуток
У первобытных людей деревенская славилась муза.
Резвость игривая их заставляла венками из листьев
И из различных цветов украшать себе голову, плечи.
Членами грубо они потрясали без всякого такта
И тяжело матерь-землю ногами своими топтали.
И возникали отсюда веселые шутки и хохот.
Новость забав вызывала тогда удивленье живое.
Тот, кто бессонную ночь проводил, находил утешенье
В том, что на всякий лад пробовал голос свой, песни слагая,
Или согнутой губой проводил по отверстьям свирели.
Даже теперь сторожа занимаются этим нередко
И научаются в пеньи размер соблюдать, но при этом
Не получают уж тех удовольствий, какие когда-то
В дебрях лесов получали земли первобытной питомцы.

То, чем мы ныне владеем, нам кажется ценным и очень
Нравится нам, если мы ничего в предыдущем не знали
Лучше, чем это. Но вещи другие, открытые позже,
Ценность сих благ умаляют, меняя в нас прежние вкусы.
Так, к желудям отвращенье явилось. Покинуты были
Прежние мягкие ложа из трав и из листьев зеленых.
В пренебреженьи стал мех и одежда из шкуры звериной,
Между тем прежде она возбудила бы сильную зависть.
Тот, кто впервые надел ее, смерти подвергся коварной,
Но, обагрив шкуру кровью, на части ее разорвавши,
Все же убийцы извлечь из нее не могли себе пользы.

В пору ту шкуры звериные, ныне же пурпур и злато
Жизнь наполняют заботами и отягчают борьбою.
В этом, как я полагаю, всецело виновны мы сами.
Прежние почвы сыны нагишом и без шкур выносили
Холод; и мы бы могли без вреда обходиться свободно
Без золотых и пурпурных одежд и без знаков почетных,
Лишь бы простая одежда достаточно нас защищала.
Стало быть, род человеческий тщетно, напрасно хлопочет
И в суетливых заботах проводит свой век постоянно.
Неудивительно. Люди конца ведь не знают стяжанью
Или границ, до которых расти может их наслажденье.
Это и вывело жизнь постепенно в открытое море
И до глубин всколебало войны величавые волны.

Стражи великого мира — блестящее солнце и месяц, —
Свет свой вращая кругом в необъятном пространстве,

Смертных потом приучали к чреде круговой времен года
И к положенью, что все создается в известном порядке.
Люди вели уже жизнь, оградив себя башнями крепко,
И, разделив меж собою всю землю, ее населяли [284];
Парусоносное море пестрело уже кораблями,
И в договоры вступали уж люди о дружбе и мире.
Стали поэты тогда только петь о деяньях свершенных,
А незадолго еще до того изобретены буквы.
Вот отчего мы не можем узнать то, что раньше свершалось,
Иначе как по следам, восстановленным нашим рассудком.
Судостроенье, полей обработка, постройки, законы,
Платье, оружье, дороги и прочее в этом же роде,
Равно как прелести и наслаждения всякие жизни:
Песни, картины, стихи, изваянье статуй чудесных —
Все это вызвано мыслью пытливою или нуждою
Смертных и мало-по-малу идет по пути к совершенству.
Так постепенно со временем распространяются в мире
Всякие вещи, а разум людей их на свет выдвигает.
А так как вещи одна за другой получают значенье,
То человек высочайших вершин достигает в искусствах [285].

Некогда город Афины, носящий столь славное имя,
Жалкому роду людей [286] даровал плодоносные злаки
И возродил в людях жизнь, учредив между ними законы.
Дал этот город еще утешенье сладкое жизни
Тем, что родился здесь муж с многоопытным сердцем, который
Все объяснил нам в речах, исходящих из уст справедливых,
Слава которого в силу божественных стольких открытий
Между людьми и по смерти возносится к дряхлому небу.

Муж этот видел, что смертным почти предоставлено было
Нужное все, чего требует опыт для их пропитанья,
Все, чем могли бы достаточно целость поддерживать жизни;
Видел, что люди, могуществом славы, почета, богатства
Столь изобилуя, славою доброй детей возвышаясь,
Все ж тем не менее в сердце своем ощущают тревогу,
И беспокойным исканьем их дух угнетается вечно.

Он понимал, что сосуд этих бедствий — в самом человеке
И что все радости, кои снаружи в него протекают,
Портятся тотчас внутри по причине его же пороков:
Частью на том основаньи, что сам-то сосуд продырявлен
И никакими судьбами его невозможно наполнить,
Частью же в силу того, что, во внутрь попадая сосуда,
Все принимает тотчас отвратительный запах какой-то.

Так справедливою речью своею сердца он очистил
И положил он пределы для жадности и для боязни.
Высшее благо оп нам разъяснил, куда должно стремиться,
И вместе с тем показал к нему путь по тропинке короткой,
Чтоб подвигаться могли мы в прямом направленьи к блаженству.
Он указал также то, что является злом в этом мире,
Или из самой природы вещей вытекая различно,
Или рождаясь в природе случайно под разным влияньем;
И указал, чрез какие врата можем зла мы избегнуть.
Он доказал нам, что род человеческий большею частью
Тщетно взымает в груди своей волны тревог и страданий.
Так как подобно детям, что дрожат и вещей всех боятся
В мраке ночном, и мы также страшимся иного при свете.

А между тем ничего нет, чего нужно больше бояться,
Нежели вымыслов, ночью детей напугать лишь способных.

Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.
А потому тем усерднее речь досказать попытаюсь.

Как уже сказано, все мирозданье подвержено смерти,
Небо из тел состоит, получивших начало рожденьем.
И разлагается все, что есть в небе и что непременно
Быть там должно. Ныне выслушай то, что сказать мне осталось.
Раз поощряет надежда меня, что взойти нам удастся
На колесницу победную, бури должны все утихнуть;
Снова должно водвориться спокойствие полное всюду [287].

Все, что свершается здесь на земле и на небе, порою
Смертных в испуг повергает пред грозной божественной властью
Вследствие свойственных им колебаний и робости духа
И с подавляющей силой к земле их гнетет, потому что
Склонны они по невежеству происхожденье вещей всех
К власти богов относить, предоставив им править всем миром.
Люди приписывать склонны божественной воле те вещи,
В коих не могут рассудком своим доискаться причины [288].
Даже и те, кои правильно мыслят, что боги проводят
Жизнь беззаботно свою, возвращаются вновь к суеверьям
Древних религий и власть допускают жестоких тиранов
В пору, когда их давит мирового порядка причина,
А особливо явления те, что у них происходят
Над головою в пределах эфирных. Несчастные верят,

Что всемогущи их боги. Не знают они, что — возможно
В мире и что — невозможно и чем ограничены свойства
В каждом предмете, какие с ним связаны высшие цели [289].
И еще больше те люди средь мрака блуждать начинают [290].

Если ты этого не устранишь, не отвергнешь рассудком,
То и святыня богов пред тобою предстанет нередко
Чуждою всякого мира и в виде совсем недостойном [291].
Не потому, что ты можешь вредить высшей славе [292] бессмертных,
Из-за чего б они в гневе жестоко тебя наказали;
Нет, потому что ты сам о богах безмятежных и мирных
Вымыслил, будто вскипают в них волны великие гнева.
Ты не приступишь ко храмам богов с умилением сердца [293];
Не удостоишься ты и того, чтоб спокойным рассудком
Образы те воспринять, что от тела богов истекают
В ум человеческий, как провозвестники божеских ликов.
Можешь отсюда понять, как последует жизнь твоя дальше.

Чтоб рассуждением верным могли от себя отклонить мы
Все суеверья такие [294], сказал я уж многое раньше.
Многое все ж остается, что должен облечь я стихами
Гладкими. Должен воспеть я причину грозы, силу грома;
Бури я должен воспеть и блестящие молнии в небе:
Как они действуют и от причины какой возникают, —
Чтоб не дрожал ты в безумьи пред небом, растерзанным в клочья [295].
Не понимая: откуда летучий огонь появился,
По направленью какому проносится, как проникает
В зданья закрытые и, разразившись там, вон вылетает.
Люди не могут постигнуть причины подобных явлений,
И им сдается, что это по воле богов происходит.
Ты, Каллиопа, искусная муза, услада бессмертных,
Отдохновенье людей, укажи мне стезю, по которой
Должно итти, чтоб намеченной цели достигнуть,
Чтобы хвалебный венок заслужить под твоим руководством!

Прежде всего потрясается небо лазурное громом
В силу того, что, по верхним слоям небосвода летая,
Тучи эфирные борются с ветром, текущим навстречу.
Ведь из безоблачной части небес не исходят к нам звуки;
Там же, напротив, где тучи скопляются в массу густую,
Шумно раскаты великие грома порой раздаются.
Тучи к тому же не могут сравняться по плотности массы
С грузными камнями или же с деревом, а в то же время
И не настолько нежны, как клубящийся дым и туманы, —

Иначе вследствие тяжести вниз они пали б, как камни,
Или как дым не могли бы на месте одном удержаться
И не могли б содержать в себе снег и скопление града.

Тучи те звук издают над широкой поверхностью мира,
Вроде того, как протянутый парус над пышным театром
Шум издает, когда бьется подчас о стропила и мачты.
А иногда, когда сильно свирепствует ветер восточный,
Звук раздается трескучий, как-будто бы рвется бумага.
В громе такие же звуки порой распознать ты сумеешь
Или же звуки, как-будто бы ветер неистово хлещет
И ударяет по тканям развешанным или бумаге.
Может случиться, что тучи сшибаются между собою,
Но не челом о чело, а лишь боком задевши друг друга,
И от движения встречного их производится трепье.
Звуки сухие тогда долетают до слуха и длятся
Вплоть до тех пор, пока тучи из этих теснин не умчатся.

Тем же путем и земля, потрясенная громом великим,
Вся содрогается вдруг от внезапного этого шума,
Будто бы грани великого мира готовы распасться.
Это бывает, когда, свои силы собрав, буйный ветер
Внутрь облаков проникает и в них все сильней и сильнее
Вертится вихрем могучим, все более их напрягая
И в облаках тех сгустившихся вдруг пустоту образуя.
С треском, вселяющим страх, разрывается облако в клочья,
Будучи вздуто чрезмерно напором и силою ветра.
Не удивительно это нисколько. Пузырь даже малый
Часто подобный же звук издает при разрыве внезапном.

Есть объясненье еще, почему дуновение ветров
Шум в облаках производит. Нередко мы видим, что тучи
В небе идут, разветвляясь и путаясь многообразно,
И издают они звук, точно листья и ветви деревьев
В пору, когда густолиственный лес обвевается Кавром.

Может быть также, что сила могучая ветров мгновенно,
Прямо ударивши в тучу с налета ее раздирает.
Нам указует действительность, как велика сила ветра.
Даже и здесь на земле, где гораздо слабей его сила,
Он вырывает деревья огромные с корнем глубоким.

Есть в облаках и теченья, которые будто бы рокот
При раздробленьи своем издают, как бывает в глубоких

Реках и в море великом, когда разбиваются волны.
Также бывает, что молнии жгучая сила
Падает с тучи на тучу, и если огонь принимают
Влажные тучи, то с треском большим тотчас молния гаснет.
То же мы видим, когда раскаленное стынет железо,
Если из горна его мы опустим в холодную воду.
Если же туча сухая приемлет огонь молньеносный,
То, загоревшись тут, в миг она с шумом пылает великим.
Так на высотах, обросших кустами лавровыми, пламя
С силой неистовой носится вихрем и всюду блуждает.
Ведь ни один из предметов, объятых огнем, не сгорает
С шумом ужасным таким, как дельфийские Фебовы лавры.

Далее. Часто крушение льда и падение града
Шум производят большой в высоте облаков поднебесных.
Вследствие сил возрастающих ветра, теснясь в одном месте,
Рушатся горы сгущенных дождей, перемешанных с градом.

Молния блещет тогда, когда множество огненных телец
При столкновении туч выделяется. Так же и камень
Или железо, о камень ударившись, свет производит
И вкруг себя испускает блестящие, яркие искры.
Грома раскаты же обыкновенно приемлем мы слухом
После того, как увидели молнии блеск, потому что
Позже к ушам долетает все то, что наш взор поражает.
В этом легко убедишься ты. Если ты издали смотришь
На человека, рубящего дерево острым орудьем,
То еще раньше ты видишь удары, чем к слуху удары
Звуки доносят. Вот так же и молнию видим мы раньше,
Нежели гром ее слышим, хотя одновременно с молньей
Он возникает от тех же толчков и по той же причине.

Вот еще в силу чего облака озаряют пространство
Светом летучим и блещет гроза с рокотанием громким.
Ветер, когда нападает на тучу, вращается вихрем
И, пустоту образуя в ней, как я сказал в предыдущем,
Воспламеняет движеньем ее. Так и прочие вещи
Пламя дают, разогревшись движеньем. Становится мягким
Даже и шарик свинцовый, когда его долго катают.
Значит, когда разгоревшийся ветра порыв настигает
Черную тучу, бросает она много огненных телец,
Выжатых будто. От этого молний мелькающих пламя.
Вслед за ним гром раздается, но медленней к слуху доходит,
Нежели к нашему зренью доходит сверкание молний.

Ясно, что все здесь от туч происходит, стеснившихся в кучу
И взгроможденных одна на другую напором могучим.

Да не введет в заблуждение то, что нам снизу заметна
Более ширь облаков, чем все верхнее их построенье.
Ты рассмотри облака, когда, горным громадам подобны,
Силою ветра влекутся они по воздушным пространствам
Или когда вокруг гор они кучей скопляются тесной
И с высоты все гнетут, взгромоздившись одно на другое,
Даже тогда, когда ветер бывает в могильном покое.
Уразумеешь тогда только, как велика их громада.
Ты углубленья в них видишь подобно как в скалах висящих,
И когда ветер во всем напряжении сил наполняет
Те углубленья, то, замкнутый тучами, с шумом великим
Бесится он и ревет точно в клетках свирепые звери.
Там или сям с облаков испускает он рокот зловещий;
В поисках выхода вертится ветер кругом и при этом
Из облаков извлекает и гонит он пламени тельца,
Кои огонь образуют внутри этой печи глубокой [296]
Вплоть до тех пор, пока облако молнией не разразится.

То же, что легкий, подвижный огонь золотистого цвета
Вниз к нам на землю летит, объясняется существованьем
В самых уж тучах великого множества огненных телец.
Так что, когда облака не содержат совсем в себе влаги,
То принимают блестящий и огненный некий оттенок.
Тучи заимствовать много должны от сияния солнца,
И оттого багровеют они и огонь испускают.
Стало быть, ясно, что из облаков под влиянием ветра
Множество в кучу скопившихся телец таких выступает,
Вследствие коих порою сверканье огней происходит.
Также, когда облака разрежаются, пламя сверкает.
Ибо, когда легкий ветер их разъединяет друг с другом
И разлагает, — понятно, что тельца огня без последствий
Падают и происходит сверкание. В случае этом [297]
Молния блещет без всякого шума, без страшного грома.

Мне остается сказать, из чего состоит по природе
Молния. Запах тяжелый, удушливый серы, равно как
Огненный след, оставляемый молнией, нам указуют
То, что она есть огонь, а не ветер и также не влага.
Кроме того загораются крыши построек от молнья,
Быстрое пламя ее забирается даже в постройки.
Молния есть из огней всех огонь особливо подвижный,

Сущность ее состоит из мельчайших подвижнейших телец,
Стало быть, противустать ей ничто в целом мире не может.
Молния через толстейшие стены домов проникает
Так же, как голос и шум; проникает сквозь медь или камни
И превращает мгновенно как медь, так и золото в жидкость.
Молния действует так, что из неповрежденных сосудов
Вон вытекает вино, ибо сильно она расширяет
Стенки сосудов, чрез то эти стенки становятся реже.
В самое даже вино ее жар проникает, при этом
Тельца вина рассевает и делает их подвижнее.
То, чего солнечный жар и вовеки не мог бы достигнуть,
Молнии яркий огонь во мгновенье одно совершает.
Значит, насколько сильнее подвижность ее и влиянье!

Ныне исследую, как образуется молния с силой
Столь поразительной, что даже башни свергать она может;
Может дома сокрушать, разметать в них стропила и бревна,
Рушить и уничтожать монументы людей знаменитых;
Может людей убивать, повергать может на земь скотину.
Выясню, силой какой она делает все в этом роде.
Но не хочу тебя больше держать на одних обещаньях.

Надобно думать, что молния из облаков происходит,
Нагроможденных вверху и густых. Ведь при небе прозрачном
Или при тучах сгущенных слегка ничего не бывает.
Нет никакого сомнения, и очевидность нам кажет,
Что при грозе в небосводе повсюду скопляются тучи.
Можно подумать, что тени все, глубь Ахеронта покинув,
Тут собрались, чтоб наполнить пустоты огромные неба.
Вот до чего эти черные скопища туч, нависая
С высших пределов небес, мрачный ужас во всех поселяют,
Если от бури неистовой молнья сверкать начинает!

Кроме того, иногда, как поток смоляной, с небосвода
Черная туча спускается книзу, в пучины морские.
Будучи вся преисполнена вдосталь огнем и ветрами,
Издали сумрак приносит она и влечет за собою
Мрачную бурю, чреватую молнией и непогодой,
Так что на суше под крышу скрывается все и трепещет.
Стало быть, над головою у нас, в вышине, надо думать,
Бури находятся; и никогда не покрыла бы землю
Тьма столь густая, когда б в чрезмерном количестве тучи
Не громоздилися в небе и солнца от нас не скрывали.
И не могли б с такой силой дожди удручать нашу землю,

Переполняя потоки, поля заливая водою,
Если б эфир не слагался из туч, взгроможденных высоко.
Ясно теперь, что огнями и ветрами мир переполнен:
Только из них образуется молнья с раскатами грома.
Как я сказал, облака в углубленьях своих сохраняют
Множество огненных телец, притом же должно их не мало
Здесь получаться от солнца лучей и от жара последних.
Ветер, случайно согнав облака в одно место любое,
Множество огненных телец оттуда притом выжимает.
Сам он, как-будто смешавшись со всеми такими огнями,
Втершись в среду облаков высочайших, вращается вихрем
И точно в печи пылающей молнию там высекает.
Ветер двояким путем возгорается: частью движеньем
Собственным, частью же вследствие прикосновенья к огням тем.
Как только он нагревается или его угнетает
Пламени натиск давящий, созревшая, так сказать, молнья
Облако пересекает, и мечется с бешенством пламя,
Ярким сияньем своим освещая кругом всю окрестность.
После того раздаются раскаты тяжелые грома;
Кажется, валятся вниз с высоты своды неба, распавшись.
Трепет ужасный всю землю объемлет; и в небе высоком
Дрожь пробегает кругом, потому что в то время
Все потрясается силой грозы и движением звуков.
От сотрясения следует дождь изобильный и крупный;
Кажется, будто эфир превратился всецело во влагу
И, низвергаясь с небес, угрожает нам снова потопом.
Вот с какой силой разносится шум, когда ветер бушует
И из разорванной тучи свой жгучий удар посылает!

Может быть также тот случай, что ветер извне прилетает
И попадает на тучу, в которой уж молнья созрела.
Вследствие взрыва в той туче немедленно падает наземь
Огненный столб, на родном языке называемый молньей.
То же бывает и в прочих местах, куда молнья несется.

Очень возможно, что, вылетев вовсе без огненных телец,
Ветер в пространстве большом раскаляется все же движеньем
И на пути своем длинном теряет известные тельца,
Более крупные, кои не могут чрез воздух проникнуть.

Может быть, ветер при треньи о воздух приемлет частицы
Некие мелкие, кои, смешавшись, дают ему пламя.
На основании том на бегу так же шарик свинцовый

Разогревается сильно подчас, когда много холодных
Телец его отпадает, а в воздухе жар он приемлет.

А иногда, когда дует холодный, безогненный ветер,
Сила удара сама по себе уж огонь извлекает.
Не удивляйся: когда его сильный толчок поражает,
Могут зачатки тепла накопляться из самого ветра
И из предмета того, на котором удар отразился.
Так вылетает огонь при ударе железа о камень,
Ибо железо хотя холодно от природы, а все же
В нем при ударе скопляется много искрящихся телец.
Стало быть, каждый предмет загорается пламенем, если
Он для горенья пригоден и к этому есть все условья.
Но допустить невозможно, чтоб ветер, несущийся в выси
С сильным таким напряжением, холоден был совершенно.
Если сначала в пути он огнем и не воспламенился,
Все ж он доходит к нам с примесью жара, слегка подогретый.

Страшная степень подвижности в молнии, тяжесть ударов
И столь стремительный натиск, с каким она падает книзу,
Тем обусловлено, что, в облаках она раньше паденья
Силу скопляет, ее напрягая, чтоб выйти наружу.
И когда тучи не могут противиться больше напору,
То вылетает она и с разительной скоростью мчится,
Будто бы пущен снаряд из метательной крепкой машины.

Молния кроме того состоит из частиц очень малых [298],
И не легко может что-нибудь противустать ее свойствам;
Может пронизывать все, на пути пробираясь сквозь поры.
Не замедляется молния сопротивлением сильным,
А потому она быстростремительно так пролетает.
Всякая тяжесть к тому же по общему свойству предметов
Книзу стремится. Когда же толчок еще дан был, движенье
Вдвое быстрее становится, усугубляется натиск.
Так что еще беспощадней, сильней она рушит ударом
Все, что стоит на дороге у ней, и свой путь продолжает.

Скорость движения в вещи, катящейся вниз с быстротою,
Все прибавляется и по пути возрастает все больше;
Сила напора растет, развивается тяжесть удара,
Так как бывает здесь то, что первичные тельца, из коих
Вещь состоит, к одной цели как-будто все вместе стремятся
И при паденьи своем все сливаются в общем движеньи.

Может быть, молния в воздухе также самом извлекает
Некие тельца, что ей быстроты прибавляют толчками.

Молния некие вещи насквозь без вреда пробивает,
Так как огонь ее резвый проходит в любые отверстья.
Вещи другие она разрушает, когда ее тельца
Пересекают материю с более плотным составом.
Молния с легкостью медь расплавляет и разогревает
Золото в миг, так как сущность ее состоит из мельчайших
И из тончайших зачатков, притом в высшей степени легких.
Эти зачатки свободно внедряются в вещи и сразу
Тут разрешают все связи и все ослабляют скопленья.

Небо, жилище мерцающих звезд, равно как земля вся,
Осенью большею частью грозой потрясается всюду
Или во время, когда расцветает весна молодая.
В зимнюю пору огня нехватает, а в летнюю — ветров,
И облака по составу тогда недостаточно густы.
В пору, когда меж зимою и летом стоит время года,
Сходятся все те условия, кои для молнии нужны,
Ибо само равноденствие холод со зноем мешает.
Нужно и то и другое для образования молний.
Нужно, чтоб вещи в смятенье пришли, чтобы с шумом великим
Вследствие бурь и огня всколебался неистово воздух.
Вместе с началом тепла, с окончанием зимних морозов
Время весны настает, и различные эти начала
Между собою бороться должны и смятение вызвать.
Также тепло на исходе в смешении с первым морозом
Льется в то время, которое осенью мы называем.
Тоже тогда столкновения зноя со стужей бывают;
Временем войн [299] потому называются осень с весною.
Немудрено, если по преимуществу в те части года
Молнии носятся и возмущается небо ненастьем,
Так как в ту пору всколеблено все обоюдной борьбою —
Тут силой пламени, там силой ветра в смешении с влагой.

Так надлежит познавать огненосную молнии сущность
И постигать, отчего или как она может возникнуть [300];
А не развертывать свитки тиренских стихов понапрасну,
Чтобы умом разгадать божества сокровенные знаки [301]:
Как и откуда подобный летучий огонь появился?
По направленью какому несется он? Как проникает
В зданья закрытые и, разразившись там, вон вылетает?
И наконец, сколь опасен нам с неба удар молньеносный?

Если Юпитер сам или другие какие-то боги
Рокотом грозным блестящие своды небес потрясают
Или же молнию мечут, куда им приходит охота,
То почему божество в назидание строгое смертным
Так не устроило, чтобы из груди, пронзенной ударом,
Молнию тот выдыхал, кто грехи без оглядки свершает?
И почему чаще тот, на чьей совести нет преступленья,
Ниспровергается пламенем и, совершенно невинный,
Гибнет, внезапно настигнутый огненным вихрем из неба?
Боги зачем в пустоту ударяли б и праздно трудились?
Разве. чтоб руки свои упражнять, укреплять свои плечи [302]?
Ради чего допускается, чтобы отцовские стрелы
Так притуплялись о землю, а не для врагов сберегались?
В силу чего наконец при безоблачном небе Юпитер
Не испускает ни звуков, ни молний на землю не мечет?
Не оттого ль, что когда собираются тучи густые,
Вниз он спускается сам, чтоб вблизи направлять свои стрелы?
Или к чему ударяет он в море? И чем провинились
Мягкие, жидкие волны пред ним и морские равнины?
Если б, притом, он хотел, чтобы мы береглися от молний,
То почему не дает нам возможности видеть свой выстрел?
Если б напротив, огнем поразить он желал нас нежданно,
Ради чего б он гремел из тех мест, чтоб могли убежать мы?
Ради чего нагонял бы он трепет и тьму поначалу?
Можно ль поверить, чтоб он низвергал одновременно молнью
С разных сторон? [303] Между тем кто дерзнет с очевидностью спорить,
Что возникают порой одновременно много ударов?
Да, сплошь и рядом бывает, — и так непременно должно быть, —
Что и дожди выпадают в различных местах в одно время;
Тем же путем в одно время бывает и множество молний.
В силу чего наконец разрушает враждебная молнья
Храмы святые богов и пресветлые их же жилища
И благолепные статуи их на куски разбивает?
И, повреждая их, часто почтенье к богам умаляет? [304]
В силу чего большей частью молния целит в вершины?
По преимуществу ведь на горах ее знаки заметны.

Все остальное мы можем легко познавать из явлений,
Кои у греков „престерами“ звались на том основаньи,
Что погружалися в море они, с высоты опускаясь.
Именно: часто случается, что, с небосвода сорвавшись,
Столб опускается в волны морские, при этом кипенье
Возле столбов воздымается силой неистовой ветров.
Если же судно бывает охвачено этим волненьем,

То от ударов оно попадает в большую опасность.
Это случается там, где усилия ветров не могут
Тучи, охваченной ими, порвать, а поэтому книзу
В виде столба ее тащат с небес на поверхность морскую.
Будто бы с неба какой-то кулак и какие-то руки
Тучу толкают ту вниз и ее расстилают по волнам,
Но разрывается туча, и ветер, сорвавшись оттуда
На́ море, в волнах тогда чрезвычайное будит кипенье.
Вихрем вертясь, он спускается и одновременно книзу
Тучу с тягучим составом ее за собой увлекает.
Как только ветер тяжелую тучу низводит на море,
Сам он немедленно в воду кидается и вызывает
Необычайное в море кипенье с неистовым шумом.

Также бывает, что ветряный вихрь облекается тучей
И, извлекая из воздуха тельца первичные тучи,
Тут образует подобье престера, сходящего с неба.
Там, где на землю спустилися вихри те и разразились,
Силы великой смятенье они вызывают и бурю.

Но вообще очень редки такие явления. Горы
Здесь на земле им мешают, поэтому чаще бывают
Эти явленья на море просторном, открытом для неба.

Тучи растут, когда множество грубых летающих телец
В верхнем пространстве небес с быстротою скопляются в кучу;
И, хотя связь между этими тельцами очень ничтожна,
Все ж они держатся вместе, цепляясь одно за другое.
Прежде всего образуют они облака небольшие,
Кои потом меж собою сцепляются в тесную кучу,
Соединяясь, растут и под натиском ветра несутся
Вплоть до тех пор, пока не поднимается грозная буря.

Также бывает и то, что, чем горы вершинами больше
С небом сближаются, тем они больше покрыты туманом,
Тем постоянней окутаны тьмой облаков желтоватых,
В силу того что, когда облака возникать начинают,
Дующий ветер тотчас оттесняет их к горной вершине,
Прежде чем глаз по причине их тонкости видеть их может.
И наконец, когда там облаков соберется побольше,
Кажется, будто они сгущены или сплочены тесно,
Будто бы с горных вершин они в область эфира восходят.
То, что высокая местность подвержена более ветрам,
Чувство само указует нам при восхожденьи на горы.

Кроме того еще множество телец природа уносит
С моря; тому доказательство — платья, висящие возле
Берега моря, когда они влаги дыханье вбирают.
Станет тем более ясно, что влага соленая моря
Много содействовать может всегда облаков возрастанью,
Так как всегда и везде одинаково действие влаги [305].

Далее, мы замечаем порой, как из рек и из самой
Даже земли поднимаются кверху пары и туманы.
Точно дыханье, несутся они, в высоту устремляясь;
Небо все тьмою они покрывают и мало-по-малу,
Соединяясь плотней, в высоте облака приращают.
Звездный эфир при теченьи своем пригнетает их сверху
И, их сгущая, туманами кроет лазурь небосвода.

Может быть, к небу извне прилетают первичные тельца,
Что облака и летучий туман образуют на небе.
Ранее я говорил, что в бессчетном количестве, в массе
Неизмеримой первичные тельца плывут по вселенной.
Я указал, сколь подвижны они и с какой быстротою
Могут пройти расстояние невероятно большое.
Стало быть, не удивительно, если в ничтожное время
Часто громада ненастья великого или же мрака
Может покрыть, с высоты нависая, и землю, и море.
Ибо везде, отовсюду по скважинам всяким эфира
И, так сказать, чрез отдушины все необъятного мира
Тельцам первичным и выход и вход оставляется всюду.

Ныне скажу, каким образом влага дождей возникает
Там, высоко в облаках; отчего испускаемый книзу
Дождь выпадает на землю. Я прежде всего утверждаю,
Что изо всяких вещей вместе с тучами кверху несется
Много зачатков воды и друг с дружкой растут одинако.
Тучи и влага и все вообще в облаках возникает,
Так же как тело у нас прибывает и пот вместе с кровью
Или же всякая влага другая во всех наших членах.
Тучи, когда их ветрáми уносит над морем широким,
Также порою из моря вбирают в себя много влаги,
Все-равно как и висящее тут же руно шерстяное.
В силу такой же причины повсюду из всяких потоков
Влага возносится. А когда тельца воды в изобильи
Разным путем соберутся и там разрастутся отвсюду,
То от двояких причин облака насыщенные жаждут
Дождь испустить: оттого, что к тому припуждает их ветер,

И оттого, что состав облаков, уплотнившись сильнее,
Вниз их гнетет с высоты и дожди проливать заставляет.
Кроме того, когда тучи редеют под натиском ветра
Или же зной растопляет их солнечный, льющийся сверху,
То они влагу дождей выпускают и капают на земь,
Будто бы тающий воск, становящийся жидким от жара.
Но проливные бывают дожди, когда силой какой-то
Скопище туч нагнетается или же натиском ветра.
Обыкновенно дожди продолжаются долго, упорно [806],
Если [807] одно за другим облака и дождливые тучи
Поверху носятся всюду во всех вообще направленьях
И если [807*] влагу земля из себя испаряет обильно.

Если во время ненастья мрачного солнце лучами
Прямо напротив дождя моросящего свет проливает,
То в облаках потемневших являются радуги краски.

Прочее все, что вверху развивается и возникает,
Все вообще, что на небе среди облаков вырастает:
Ветер, и град, и снега́, и холодного инея иглы,
Мощная сила морозов, сурово скрепляющих влагу
И укрощающих всюду движение в водах текучих, —
Очень легко изучить; и ты можешь постигнуть рассудком,
Как это все образуется и отчего возникает,
Если узнал, из каких состоит оно телец первичных.

Знай ныне, что за причина приводит в движение землю.
Прежде всего убедись, что земля вся и сверху и снизу
Всюду обильна пещерами, полными ветра; а также
В лоно содержит своем много впадин и много провалов,
Равно как много обрывистых скал, каменистых утесов.
А под корою земной еще много сокрытых потоков
Катит, я думаю, волны свои и потрузшие камни.
(Требует всякий предмет, чтобы всюду он был однороден.)
Стало быть, предположив и признав положенье такое,
Ясно, что почва дрожит при больших потрясениях снизу
Там, где пещеры огромные рушатся, в ветхость пришедши.
Ведь распадаются горы высокие от потрясений
Этих внезапных, и всюду далеко разносится трепет.
И основательно, так как дрожат близ дороги постройки
Даже от стука телеги, и не тяжело нагруженной,
Или дрожат, когда дюжие кони везут колесницу,
Коей колеса грохочут своею оковкой железной.
Может случиться, что если в обширные впадины с влагой

Падают глыбы большие земли, от веков одряхлевши,
То, всколебавшись, вода потрясает волнением почву.
Так и сосуды не могут спокойно стоять, если влага
В них неустойчива от колебательных разных движений.
Кроме того еще ветер, скопившись в подземных пещерах,
Где-нибудь крепко с одной стороны налегает, при этом
Всеми могучими силами давит на стены пещеры
И наклоняет там землю, где более действует сила.
А на земле в это время все сооруженные зданья,
Те особливо из них, что вздымаются к небу высоко,
Тотчас же в том направлении тоже грозят наклониться;
Выпершись, балки домов нависают, готовые рухнуть.
При созерцаньи, как рушатся те земляные громады,
Страшно бывает сознать, что вся сущность великого мира
Также конец свой найдет и погибнет в известное время.
Если бы ветры не ослабевали, то вещь никакая
Не удержалась бы и от крушенья спастись не могла бы.
Ныне же попеременно они то слабеют, то крепнут,
То, как бы сжавшись, смиряются и, отразившись, стихают.
А потому разрушением чаще земля угрожает,
Чем разрушает на деле. Склонившись, она поддается
Вспять и от тяжести снова приемлет свое положенье.
Вот потому-то колеблются зданья: высокие — больше
Средних, а средние — более низких, а низкие — мало.
Есть и другая причина великих таких потрясений.
Ветры и воздуха мощные силы, скопившись обильно
Или извне, или как-нибудь даже из самой же почвы,
Там под землею в пустоты врываются вдруг и при этом
С грохотом грозным ревут и в обширных подземных пещерах
Носятся, вихрем вертясь; а потом с возбужденною силой
Вон вырываются кверху и плотно сомкнутую землю
Вдруг разверзают, большую расселину в ней образуя.
Так было в Тирском Сидоне и так в Эгионе случилось
Пелопонесском. Вот здесь при своем извержении воздух
От сотрясенья земли причинил городам этим гибель.
Кроме того еще множество зданий [308] упало от сильных
Землетрясений, и много других городов богатейших
Вместе с гражданами вниз погрузилось в пучину морскую.
Если воздушный напор или силы неистовых ветров
Сами не могут прорваться, то в частых отверстиях почвы
Распределяются и производят трясенье и трепет.
Тем же путем и озноб, проникая во внутрь наших членов,
Их потрясает и нас против воли дрожать заставляет.
Жители по городам ощущают двоякие страхи:

Чтобы не рушилась крыша над ними, и чтобы внезапно
Почва сама под ногами у них не открыла провала;
Чтобы природа, разверзнув широко расселину эту,
Тут же в смятенья ее не наполнила грудой обломков.
Стало быть, ясно отсюда, что, люди хотя почитают
Небо и землю во-век обреченными к жизни нетленной,
Все ж иногда приближение некой опасности сильной
В людях рождает отчасти какое-то чувство боязни,
Как бы земля из-под ног у них не унеслася внезапно
В пропасть и как бы вослед за землей не умчалась туда же
Вся совокупность вещей, целый мир превращая в обломки.

Ныне скажу, почему не бывает в морях приращенья.
Прежде всего все дивятся, что море не может стать шире
Даже при том изобилии влаги, которая сильно
В виде потоков и рек отовсюду туда притекает.
К этому дождь ты прибавь и немало летучих осадков,
Часто спадающих и орошающих море и землю,
И во вниманье возьми родники. Но все это не может
Даже на каплю одну увеличить объема у моря [309].
Значит, не надо дивиться, что не разрастается море.

Солнечный жар у морей отнимает большую часть влаги.
Ведь наблюдаем мы, как насыщенные влагою ткани
Действием жгучих, палящих лучей высыхают на солнце.
Море во всей ширине подвергается действию солнца,
А потому, как бы ни было мало количество влаги,
С каждого места долой уносимой лучами, а все же
Жар на пространстве большом у морей много влаги отъемлет.

Далее: ветры, сметая морскую поверхность, способны
Также унесть за собою большое количество влаги.
Видим мы, что в одну ночь высыхает дорога от ветра
И что комки размягченные грязи становятся тверды.
Кроме того, как я раньше сказал, облака точно так же
Влаги не мало вбирают в себя от поверхности моря
И рассевают ту влагу по целому кругу земному
В виде дождей на земле или туч, увлекаемых ветром.
Так как земля наконец представляется пористым телом
И прикасается к морю, его берега окаймляя,
Необходимо из почвы вода протекать должна в море,
Равно как в почву из моря соленого влага сочится.
Соль процедиться морская должна, а материя влаги
Снова назад вытекает к источникам рек и оттуда

Пресным потоком струится уже на поверхности почвы,
В русле, проложенном мокрой пятой, унося свои волны.

В силу причины какой из отверстия гор вроде Этны [310]
По временам столь стремительно вон извергается пламя,
Я изложу теперь. Не с маловажным вредом создалось тут
Буйство огня, захватившего все сицилийские пашни
И на себя обратившего взоры туземных народов.
Люди, увидев, как неба над ними заискрились своды,
Робкие души свои наполняли тревожным сомненьем,
Что замышляет создать существо этих новых явлений [311].

Должен быть взгляд твой на эти предметы широк и возвышен,
И далеко во все стороны должен глядеть ты на вещи.
Должен ты помнить, что вся совокупность вещей необъятна;
Должен постигнуть, что небо в сравнении с целой вселенной
Есть только малая часть, составляя едва ту же долю,
Как и один человек по сравненью со всею землею.
Раз положенья такие ты зрело и верно обсудишь
И их постигнешь, то многому ты перестанешь дивиться.
Разве из нас удивляется кто-нибудь, если в нем члены
Жаром порою объяты горячечным при лихорадке
Или иное страданье его угнетает в болезни?
Часто внезапно вспухает нога или одолевают
Боли зубные, и даже к глазам приступает страданье.
Вспыхивать может священный огонь [312], и он жжет, расползаясь
Всюду по телу, и тут залезает во всякие члены.
Не удивляйся тому, так как много есть в мире зачатков.
Много такого тут есть на земле и на небе, откуда
Зло к нам идет и большие болезни в нас могут развиться.
Стало быть, также в земле и на небе везде, надо думать,
У бесконечной природы найдется всего в нужной мере,
Чтобы внезапно всю землю в движенье привесть сотрясеньем,
Чтобы стремительно вихри носить по земле и по морю,
Этну наполнить огнем и по небу рассеивать пламя.
Все это часто бывает. Пылают небесные своды,
И поднимаются бури при сильном скоплении влаги
Там, где зачатки воды воедино сбираются в массе.
„Но, говорят нам, стремительность пламени здесь чрезвычайна".
Может быть. Всякий поток представляется нам величайшим,
Если дотоль еще большего мы не видали; равно как
Дерево и человек и другие подобные вещи
Кажутся очень большими тому, кто не видел наибольших.

А между тем небеса и земля и морские пространства
Суть ничего по сравненью со всею громадой вселенной.

Все же теперь изложу, каким образом жаркое пламя,
Вдруг разъярившись, наружу течет из обширных отверстий
Этны. Под самой горой основание очень изрыто;
Вся та гора почти зиждется па каменистых пещерах.
Всюду в пещерах таких заключается ветер и воздух.
Там поднимается ветер, где воздух приходит в движенье;
Там же, где воздух нагрелся, свирепствуя, он раскаляет
Все вкруг себя близлежащие скалы и землю. Оттуда
Он высекает палящий огонь с его пламенем быстрым
И, поднимаясь наверх, чрез отверстия прямо бросает
Вдаль раскаленное пламя, причем рассевает далеко
Пепел и много выносит густого и черного дыма.
Камни чудовищной тяжести воздух наверх выпирает.
Не сомневайся же в том, что тут действует воздуха сила.
Море у самой подошвы горы на большом расстояньи
Волны свои разбивает и вод укрощает приливы,
Так что от моря в горе этой тянутся кверху пещеры
И под отверстием верхним проходят. Что здесь проникает
Воздух во внутрь, — признавать принуждает сама очевидность,
Так же как то, что отсюда он вон вылетает, возносит
Пламя, кидает каменья и тучи песку поднимает.
А па высокой вершине находятся „кратеры", как их
Там называют, но мы признаем в них отверстья и жерла.

Вещи есть некие, где указанье единой причины
Нам недостаточно. Много причин может быть, но одна лишь
Есть настоящая. Если ты видишь вдали бездыханный
Труп человека, ты должен назвать все причины, от коих
Смерть происходит, но будет одна лишь из них настоящей.
Умер ли тот человек от оружия, или болезни,
Или от лютого холода, или, быть может, от яда?
Знаем мы только, что верно одно что-нибудь в этом роде.
Следует то же сказать о других всевозможных явленьях.

Летней порой поднимается Нил; а в Египетских землях
Только единая эта река все поля заливает.
Нил орошает Египет подчас среди самого лета
В силу тех северных ветров, что летней порой против устья
Дуют и носят в ту пору названье ветров Этезийских.
Ветер противный теченье реки замедляет и волны
Вверх оттесняет, скопляет в реке и стоять заставляет.

Да, несомненно, что весь этот ветер, несясь от созвездий
Хладного полюса, дует в то время напротив теченья.
Нил же течет из горячей страны, то-есть с юга,
И, получая начало в стране под полуденным кругом,
Меж племенами людей, почерневших от зноя, струится.
Может быть также и то, что песков накопленье большое
Устье само заграждает для выхода вод, когда море,
Ветром волнуемо, кучи песку в эту реку кидает.
Этим стесняется сильно свободное вод истеченье,
Так как наклон для стремления воли тут становится меньше.
Или, быть может, большие дожди у источников Нила
Льются в ту пору, когда Этезийские с севера ветры
Все облака отовсюду к источникам тем направляют.
Очень понятно. Когда облака в полуденные страны
Загнаны и накопляются там, то высокие горы,
Стоя у них на пути, их сгущают и сильно сжимают.
Очень возможно, что Нил наполняется из Эфиопских
Гор высочайших, когда раскаленными солнце лучами,
Все освещая, белеющий снег на долины сгоняет.

Ныне тебе расскажу об Аверниских [313] краях и озерах
И о тех свойствах особенных, кои они заключают.
Прежде всего их назвали Аверниским [313'], имя же это
Дано им, так как они всяким птицам неблагоприятны.
Птицы, откуда бы ни прилетали они в эти страны,
В воздухе плавать забыв, опустив паруса своих крыльев,
Шею склоняют свою и стремглав тотчас падают книзу:
Или на землю, когда таковою окажется местность,
Или же в воду, когда там Аверниского озера ложе.

Место у Кум есть такое, где полные запахом серы
Горы дымятся, обильно источники теплые льются.
Есть и в Афинских стенах на вершине Акрополя место
Около самого храма Паллады, благой Тритониды,
Место, куда никогда своих крыльев не кажут вороны,
Даже когда алтари воскуряют обильные жертвы.
Столь неустанно они избегают тех мест — не от гнева
Грозного девы Паллады, как пели поэты у греков,
Но вынуждаются к этому самой природою места.

В Сирии, как ходят слухи о том, можно тоже увидеть
Место такое, где некая сила упасть заставляет
Четвероногих, как только они туда вступят ногами;
Будто бы руки бессмертных их вдруг убивают внезапно.

Эти явленья творятся порядком естественным всюду,
А от причины какой — указует их происхожденье.
Да не подумай ты как-нибудь, будто бы Оркуса двери
В этих местах установлены, будто к брегам Ахеронта
Маны ведут чрез них души умерших людей под землею;
Будто олени с ногами крылатыми, как полагают,
Змей ядовитых породу из нор извлекают ноздрями.
Сколь далеко это все отступает от верного взгляда,
Знай. А теперь попытаюсь сказать я о самом предмете.

Прежде всего повторю то, что раньше всегда говорил я.
Много различного рода вещей на земле существует;
Многие в пищу идут и полезны, другие, напротив,
Вызвать способны болезни и смерть даже могут ускорить.
Я указал уже выше, что многие вещи пригодны
В жизни животным одним, другим же пригодны другие
Вследствие разницы в свойствах вещей, а равно и несходства
В виде первичных зачатков и в связях их между собою.
К слуху доносится множество звуков противных, а также
В ноздри подчас пробирается острый, вредительный запах;
Многих предметов не следует трогать, и нужно глазами
Их избегать; есть не мало предметов, на вкус неприятных.
Видеть легко наконец, что на свете для чувств человека
Многие вещи весьма омерзительны, вредны и тяжки.
Так, существуют деревья со столь удручающей тенью,
Что она боль головную порой у того вызывает,
Кто отдыхает под нею, на травах зеленых простершись.
А на высоких горах Геликона есть дерево также,
Запахом скверным цветов наносящее смерть человеку.
Все эти вещи конечно взращаются многообразно
Силой великого множества телец первичных из почвы,
Так как земля их содержит в смешении или отдельно.
Если светильник, недавно загашенный, копотью острой
Ноздри людей поражает, то в сон их она повергает,
Падать и пену пускать заставляя, как-будто в болезни.
А от бобровой струи может женщина чувства лишиться.
Если во время кровей она нюхает это снадобье,
С рук ее нежных работа изящная вдруг выпадает.
Многое кроме того отягчает суставы и члены
И даже душу подчас в самых недрах ее расслабляет.
И наконец если в жарких купальнях ты медлишь и, сытый,
В ванне горячей бываешь, то очень свободно ты можешь
Тут в этой самой горячей воде обрести свою гибель.
Углей тяжелый угар и их запах легко проникают

В мозг человека, который воды перед этим не выпил,
Если же чад этот распространяется резче по дому,
Запах угара смертельный удар наносить даже может.
Разве не видишь, что в самой земле зарождается сера?
Что испускает смола земляная противный свой запах?
Там, где железом в земле разрываются скрытые ходы,
Там, где лежат в глубине серебра или золота жилы,
Сколько тяжелого запаха снизу рудник выдыхает!
Сколько напасти тот золотоносный металл испускает!
Как искажает он лица! какую дает им окраску!
Разве не видишь, не слышишь ты, как преждевременно гибнут
Люди, которых великая власть [814] вынуждает к работе
Этой тяжелой, как малы в них жизненной силы запасы?
Стало быть, все испаренья такие земля выдыхает
И испускает наружу в открытое, вольное небо.
Так и Авернские страны должны подвергать всех пернатых
Силе погибельной, что из земли подымается в воздух
И отравляет его в небесах на известном пространстве.
Как только птица в местах этих крылья свои распускает,
Сразу она цепенеет, объятая скрытой отравой,
Так что из мест, испареньем отравленных, падает на земь.
Раз же свалилась она, та же самая сила отравы
Жизни остатки последние всюду из членов уносит.
Так как сперва испарения будто бы птиц одуряют;
Только потом, когда птицы упали уж в самый источник
Этой отравы, они окончательно дух испускают
Вследствие скопищ обильных таких вредоносных влияний.
Может быть также, что сила та и испаренья Аверна
Воздух весь между землею и птицами прочь разгоняют,
Так что пространство почти остается пустым в этом месте.
Со стороны какой-либо сюда прилетевшие птицы
Тотчас с напрасным усердием крыльями бьют, и усилья
Всякие их то тому, то другому крылу изменяют.
Так как не могут они опереться и виснуть на крыльях,
То заставляет природа от тяжести падать на землю —
И, сквозь пространство пустое почти, с высоты устремляясь,
Душу свою рассевают они чрез отверстья все тела.

Влага в колодцах, затем, холоднее становится летом,
Ибо земля от тепла разрежается, так что зачатки
Жара, какие находятся в ней, удаляются в воздух.
А потому, чем сильнее земля распаляется зноем,
Тем холоднее бывает вода, коей почва обильна.
От холодов же земля, уплотняясь, сседается сильно

И застывает как-будто. При сжатии этом в колодцы
Жар вытесняется тот, что в земле образуется самой.

Есть возле храма Аммона источник, который бывает
Холоден днем и становится теплым во время ночное.
Сильно дивятся источнику этому люди и мыслят,
Что нагревается наскоро снизу он солнцем палящим
Тою порой, когда ночь укрывает потемками землю.
Но рассуждения их чрезвычайно далеки от правды
Вот почему. Если солнце открытую влаги поверхность
Не в состоянии сверху нагреть никакими судьбами
Даже при зное, которым оно в высоте обладает,
Как бы могло оно снизу сквозь плотное тело земли всей
Воду нагреть и горячих паров своих зной сообщить ей?
Солнце чрез стены строения даже едва в состояньи
Путь проложить теплоте при посредстве лучей раскаленных.
Что за причина тогда? Без сомнения, этот источник
Более рыхлой землей окружен, чем земля остальная;
Много к тому же в ней огненных телец поблизости влаги.
Здесь, когда ночь росотворные тени на землю свергает,
Тотчас земля холодеет внутри и сжимает состав свой.
Вследствие этого почва, как-будто в руке ее сжали,
Тельца огня все, какие в ней есть, вытесняет в источник,
Делая влагу тем теплою для осязанья и вкуса.
После того, когда солнца лучи растворяют там почву
И разрежают притом, теплым паром ее заливая,
Снова зачатки огня возвращаются в прежнее место,
И из воды отступает ее теплота снова в землю.
Вот потому среди дня тот источник бывает прохладен.
Действию солнца лучей подвергается влага к тому же,
И при трепещущем свете их влага редеет от жара,
И выпускает она потому тепловые зачатки,
Кои содержит в себе. Так порою мороз выпускает
То, что содержит, и, связи ослабив все, лед растопляет.

Кроме того существует холодный источник, над коим
Пакля огнем загорается, пламени там захвативши.
Факелы там начинают светиться, в воде зажигаясь
И уплывая туда, куда гонит движение ветра.
Не удивительно это. В воде очень много зачатков
Пара, притом из земной глубины подымаются кверху
Тельца огня и должны проходить через весь тот источник.
Сразу они выделяться должны, улетучиться в воздух;
Все ж не настолько их много, чтоб мог нагреваться источник.

Некая сила притом заставляет известные тельца
Вон вырываться чрез воду и сверху скопляться. Источник
В море Арадском такой существует со сладкой водою.
Он вытекает, соленую влагу кругом разгоняя.
Есть и другие на свете места, где поверхность морская
Может полезною быть моряку, истомленному жаждой,
Так как там сладкие воды текут среди влаги соленой.
Стало быть, могут таким же путем чрез источник прорваться
Тельца огня и поверх него паклю наполнить; когда же
Много скопляется их или в факел они попадают,
То они сразу легко загораются, ибо немало
Огненных телец скрывается в факеле самом и в пакле.
Не замечаешь ли, что если к лампе, светящей средь ночи,
Ты приближаешь фитиль, незадолго пред этим погасший,
То зажигается раньше фитиль, чем к огню прикоснуться?
То же и в факелах. Многие вещи в соседстве с огнями
Раньше гореть начинают, чем эти огни к ним коснутся.
Стало быть, то же бывает в источнике том, надо думать.

Мне остается сказать, по какому закону природы
То происходит, что камень притягивать может железо.
Камень же этот по имени месторожденья магнитом
Назван был греками, так как он найден в пределах Магнетов.
Люди весьма удивляются камню такому. Он часто
Цепь представляет из звеньев, держащихся сами собою.
Можешь увидеть ты пять таких звеньев, порой даже больше.
Распределенные рядом, качаясь от легкого ветра,
Звенья такие свисают одно под другим, прилепившись.
Звéно одно от другого всю силу и цепкость приемлет.
Вот как здесь действует этого камня текучая сила.

Установить нужно многое в этого рода вопросах,
Прежде чем до настоящей причины добраться ты сможешь,
И подходить к ней окольными, длинными надо путями.
Так что прошу: напряги тем сильнее свой слух и вниманье!
Прежде всего от любого предмета, какой мы встречаем,
Вечно должны истекать, отлетать, рассеваться повсюду
Тельца, которые режут глаза нам и трогают зренье [315].
Запахи также всегда от известных вещей истекают;
Холод от рек истекает, от солнца — тепло, а от моря —
Соли приток [316], разъедающий жадно прибрежные зданья;
И непрестанно по воздуху разные звуки несутся.
В рот наконец попадает нам жидкость соленого вкуса,

Если мы бродим поблизости моря; когда же порою
Смотрим мы, как растирают полынь, то мы чувствуем горечь.
Вот до чего от вещей всяких нечто всегда истекает,
Носится и рассевается всюду по всем направленьям.
Ни замедленья, ни отдыха нет истечениям этим,
Так как ведь чувствуем мы постепенно, не переставая.
(Видеть и нюхать предметы и чувствовать звуки мы можем.) 311

Я повторяю и напоминаю, что вещи имеют
Пористый некий состав, — в песне первой я выяснил это, —
Так как особенно важно нам сведенье это в вопросах,
К коим теперь приступить я намерен, хотя оно важно
Также в других отношениях. Надо признать, что на свете
Нет ничего, где б тела с пустотой не являлись в смешеньи.
Прежде всего здесь бывает, что верхние камни в пещерах
Влагой потеют, и капли воды, протекая, сочатся.
Так же сочится и пот отовсюду из нашего тела;
Волосы и борода на известных местах вырастают;
Пища проходит по жилам и все, в нас растит и питает
Вплоть до ногтей и до крайних конечностей нашего тела.
Мы ощущаем, что через металлы тепло или холод
Могут проникнуть; мы видим, что также они проникают
Чрез серебро или злато, когда полный кубок мы держим.
Далее, голос сквозь камни закрытых домов проникает.
Запахи, холод и жар от огня точно так же проходят.
Пламени жар наконец сплошь и рядом пронизывать может
Панцырь железный, кругом облегающий тело у галла.
Сила болезни снаружи внедряется в нас отовсюду;
А непогоды, возникшие здесь на земле и на море,
Осуществляют везде свое право на землю и море.
Стало быть, нет ничего, в чем бы не было пористо тело.

Надо прибавить, что тельца, которые всюду от каждой
Вещи исходят, не все одинаким наделены свойством
И что к вещам они разным относятся не одинако.
Солнце — начать с того — сушит и делает твердою землю,
Между тем лед растопляет оно и всегда побуждает
К таянью снег, высоко взгроможденный на горных вершинах.
Далее, воск размягчается, если в тепле побывает.
Жидкой становится медь от огня, растопляется злато,
Между тем мясо и кожа, свернувшись, сжимаются плотно.
Влага железу каленому твердость дает, в то же время
Мясо и кожу мягчит; теплота же их делает тверже.
Зелень маслин столь пленяет козлов бородатых, как-будто

Нектаром смазана или амброзия в ней истекает,
А для людей ничего нет противнее зелени этой.
От майорана свинья наконец убегает, боится
Мази его, так как острый он яд для щетинистых тварей,
А между тем у людей подкрепляет он видимо силы.
Грязь же, напротив, для нас представляется очень противной,
Между тем в ней себе свиньи находят большую приятность
И ненасытно валяются там, погружаясь всем телом.

Прежде чем я приступлю к рассужденью о самом предмете,
Мне остается сказать то, что нужно к его разъясненью.
Много отверстий во всяких вещах существует, при этом
Наделены те отверстья должны быть различной природой,
И из них каждому разные ходы и свойства присущи.
Свойственны разнообразные чувства созданьям живущим,
И проявляет себя в своей области каждое чувство.
В место одно проникают, как видим мы, звуки; в другое —
Вкусы от соков, в иное же — разные запахи гари.
Дальше. Одно вещество проникает сквозь камни, другое —
Только сквозь дерево. Сквозь серебро или золото может
Третье пройти, а иное пройти сквозь стекло даже может.
Тут теплота пропускается, там пропускается образ,
И вещества здесь одни проникают быстрей, чем другие.
Ясно теперь, что к тому вынуждает природа всех ходов,
Черезвычайно различных, как несколько выше сказал я,
В силу несходства состава вещей и различия в тканях.

Раз подтверждаются предположения наши такие,
Раз они прочно поставлены и подготовлены верно,
Все остальное легко объяснить и открыть ту причину,
В силу которой железо притянуто может быть камнем.
Прежде всего, непременно от камня того истекает
Телец первичных порыв, разгоняющий силой ударов
Воздуха столб, расположенный между железом и камнем.
Как только это пространство пустеет и место в средине
Опорожняется, тотчас первичные тельца железа
Внутрь пустоты той врываются вместе, притом происходит,
Что вслед за ними кольцо само тащится в целом составе.
Нет в мире вещи другой, состоящей из телец первичных,
Где бы частицы держалися крепче взаимною связью,
Нежели в твердом железе, внушающем ужас холодный.
Значит, как прежде сказал я, тем менее нужно дивиться,
Если частицам железа нельзя в пустоту устремляться
Кучей большой без того, чтоб кольцо не тянулось за ними.

Так и бывает. Кольцо приближается к камню, доколе
Не подойдет здесь вплотную, связуясь невидимой связью.
Это бывает всегда так; и, где бы ни образовалось
Место пустое в том случае — по сторонам или сверху, —
Свойственно тельцам всегда в пустоту по соседству стремиться.
Так как с другой стороны их толкает напор; а иначе
Собственной волей они не могли бы подняться на воздух.
Вот еще, ради чего это может тем больше случиться,
Помощь какая способствует этим вещам к движенью:
Как только перед кольцом у поверхности воздух редеет
И оттого расширяется больше пустое пространство,
Тотчас случается, что позади находящийся воздух
Сзади подталкивать будто и двигать вперед начинает.
Каждую вещь покрывает ударами воздух окрестный,
Но в этом случае воздух толкает железо в одном лишь
Том направленьи, куда его та пустота увлекает.
Воздух, помянутый мною, чрез частые поры железа
Внутрь проникая тончайшим путем в наймельчайшие части,
Гонит, толкает, как ветер толкает под парусом судно.
Всякие вещи должны наконец содержать в себе воздух,
Ибо из пористых тел состоят они все и при этом
Воздух все вещи собой окружает и их облекает.
Стало быть, воздух, который скрывается в недрах железа,
Вечно колеблется тут в возбужденном движеньи, а также
Это кольцо, без сомненья, внутри беспокоит толчками,
Так что оно подвигается тоже, куда устремляет
Воздух, куда увлекает его к пустоте тяготенье.
Также бывает, что попеременно порода железа
Может от камня отскакивать или к нему привлекаться.
Также и то наблюдал я, как прыгают в медном сосуде
Самофракийские кольца железные или опилки
В случае, если под этим сосудом есть камень магнитный.
Вот для чего убежать от него они, видимо, жаждут!
Медь, находясь в середине [318], приводит здесь все в беспорядок
В силу того, несомненно, что токи от меди сначала
Овладевают путями открытыми всеми в железе.
После того, когда поры в железе полны совершенно,
Токи несутся магнитные, но им нельзя уж проникнуть;
Стало быть, камень магнитный своим истеченьем толкает
Эти опилки железные и от себя отгоняет,
Если чрез медь он идет, а без меди он их поглощает.
В этом явлении остерегись удивляться, что токи
Камня-магнита влиять на другие тела неспособны.
Вещи одни, как-то золото, слишком устойчивы в силу

Тяжести их, а другие составом неплотны, и токи,
Не задевая их, не вызывая движенья, проходят.
К этому роду материю дерева можно причислить.
Среднее место меж тем и другим занимает железо.
Если ж в себя оно некие тельца от меди приемлет,
То от себя его токи магнитного камня толкают.

Все же явление это не так далеко уж от прочих
Всяких явлений. Могу я напомнить немало предметов
Этого рода, которые так тяготеют друг к другу.
Камни, к примеру, ты видишь скрепленные только известкой;
Дерево клеем бычачьим столь прочно связуется вместе,
Что от изъяна в слоеньи скорее столы могут треснуть,
Нежели может ослабнуть скрепленье бычачьего клея.
Винные жидкости могут свободно смешаться с водою,
Смолы же тяжкие или же легкие масла не могут.
Краска пурпурная раковин соединяется плотно
С тканью льняною, и ты никогда не отмоешь ту краску,
Как бы ты ткань обновить ни старался потоком Нептуна,
Даже хотя б океан на нее свои волны все вылил.
Вещь не одна только золото с золотом соединяет,
С медью же медь только белый свинец воедино скрепляет.
Мало ль вещей еще можно найти? Но к чему то послужит?
Ни для тебя ненужны извороты длиннейшие вовсе,
Ни также мне не годится столь много усердия тратить.
Но остается мне многое в кратких словах обобщить здесь.

Если два тела друг с другом встречаются, так что при этом
Выпуклость в теле одном пустоте соответствует, сущей
В теле другом, то меж ними прочнейшая связь возникает.
Связь такова здесь, как-будто крючки, зацепившись за петли,
Держатся между собой в сочетаньи известном, какое
Можем увидеть мы между железом и камнем магнитным.

Ныне скажу, отчего происходят болезни; откуда
Недугоносные силы способны столь быстро навеять
Гибельный, смертный удел на стада и на род человека.
Как я сказал уже раньше, зачатки вещей всевозможных
В мире бывают. Одни из них жизни способствуют нашей,
Наоборот же — другие несут нам болезнь и погибель.
В случае том, когда эти последние, массой скопившись,
Своды небес замутят, то становится воздух заразным.
Сила болезней различных и всякой заразы несется
Или извне, как летят облака и туманы по небу,

Или нередко, сама от себя возникая из почвы,
Вдруг подпимается там, где земля в состоянье гниенья
Приведена черезмерною влагой и действием солнца.

Разве не видишь ты, что перемены воды или неба
Вредны тому, кто пришел издалека, из отчего дома,
Так как ему совершенно здесь не соответствует воздух?
Надо представить, сколь разнится сильно британское небо
С небом Египта, в котором колеблется ось мировая:
Или сколь разнится небо понтийское с небом Гадеса,
Или же с небом людей, почерневших от жгучего зноя.
Разное видим мы по четырем направлениям света:
Ветры из стран четырех и четыре деления неба.
Также наружность и цвет у людей различаются очень,
И удручается каждое племя особой болезнью.

Так, есть болезнь вблизи Нила, по имени элефантиазис;
В среднем Египте она возникает; нигде в другом месте;
В Аттике ноги хворают, глаза же — в пределах Ахеи.
Так что для различных частей или членов всегда одна местность
Больше вредна, чем другая: так действует воздух различный.
А потому, если небо, которое нам не подходит,
Вдруг всколыхнется и воздух, нам вредный, начнет расползаться,
То постепенно ползет он подобно туманам и тучам,
Все возмущая кругом и повсюду внося измененье.
К нашему небу дойдя, этот воздух его изменяет
И его делает сходным с собой, а для нас непривычным.
Яд этот, быстро возникший, с заразой, развившейся внове,
Падает в воды и в самые даже плоды проникает
Или же в пищу другую людей, или корм для животных.
А иногда остается зараза та в воздухе самом;
Так что, когда мы вдыхаем в себя этот смешанный воздух,
Необходимо должна пробираться болезнь в наше тело.
Вследствие той же причины чума на быков нападает,
И постигает недуг всяких блеющих тварей ленивых.

Вовсе неважно, приходим ли сами мы в местности, кои
Вредны для нас, и меняем ли сами покров небосвода,
Или, напротив, природа несет нездоровый к нам воздух
И образует что-либо, несродное нашим привычкам
И повредить нам могущее быстрым своим появленьем.
Некогда в силу причин тех болезни и воздух заразный
Предали гибели все поселения в царстве Кекропса,
Опустошили дороги, похитили в городе граждан.

Мор, перенесенный из срединных пределов Египта,
Через моря, через много воздушных пространств пролетевши,
Тяжестью всей своей лег на народ Пандиона; за этим
Толпами стали валиться там жертвы болезни и смерти.

В самом начале болящие жар в голове ощущали;
Оба их глаза, наполнившись кровью, огнями сверкали.
После того почерневшая кровь извергалась из горла,
Голосовые пути же от язв становилися уже
Истолкователь же мысли — язык, истекая весь кровью,
Ослабевал, становился тяжелым, шершавым на-ощупь.
Сила болезни затем чрез отверстие рта наполняла
Недра груди и скоплялась в самом недугующем сердце,
Так что поистине связи все с жизнью в то время слабели.
Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах
Тот, что обычно исходит от брошенных трупов гниющих.
Тою порою все силы души, как и целое тело,
Ослабевали, уже находясь на пороге кончины.
Спутником вечно несменным таких нестерпимых страданий
Был здесь томительный ужас и плач впромежутку со стоном.
Ночью и днем нападавшие приступы частой икоты
Жилы больных сокращали упорно и члены сводили,
Уж без того истомленные, их расслабляя все больше.
Впрочем заметить нельзя было здесь, чтобы чье-либо тело
Разгорячалося жаром чрезмерным у верхних покровов;
Тело на-ощупь руки только теплым казалось скорее
И покрасневшим повсюду, как то при ожогах бывает.
(И как бывает, когда растекается в членах гангрена.)
Между тем внутренность вся до костей в человеке пылала.
Пламя как-будто в печи изнутри пожирало желудок;
Не было вещи на свете столь легкой и тонкой, чтоб пользу
Членам принесть в этом случае. Часто больные на ветер
Или на холод страдавшие члены свои выставляли,
Или же, к рекам сбегаясь, кидались нагими в их волны.
Было немало людей, что с зияющим ртом подходили
К водам колодцев и в их глубину с высоты низвергались.
Неутолимая, жгучая жажда притом иссушала их тело,
Так что ничтожной водицей считались дожди проливные.
Не было отдыха бедствиям тем. В истомленьи валялись
Долу тела; врачеванье меж тем лепетало во страхе,
Так как больные, принявшие столько страдания раньше,
Все же вращали глазами, лишенными сна совершенно.
Кроме того много признаков смерти еще подавалось:
Дух приходил в замешательство вследствие горя и страха,

Хмурились брови, а взгляд становился свирепым и острым.
Далее, слух потревоженный полон был звуков, дыханье
Вдруг становилось то частым, то редким и очень тяжелым;
Потная влага, лоснясь, потекать начинала по шее;
Оскудевая, слюна становилась соленою, жидкой,
Цвета шафранного, трудно из уст выделяемой, с кашлем.
Холод не медлил сводить жилы рук и подергивать члены
И от конечностей ног проникать постепенно все выше.
А наконец с наступленьем последнего часа сжимались
Ноздри слегка, обострялась конечность передняя носа;
После впадали глаза, и впадали виски; холодела
Жесткая кожа, зияли уста, и чело напрягалось.
Несколько позже затем коченели умершие члены.
Так на восьмом восхожденьи лучистого солнца, порою
И на девятом, больной расставался с светильником жизни.

Тот же, кому удавалося пагубы смертной избегнуть,
Все же впоследствии должен был ждать разложенья и смерти
С мерзкими язвами в теле и с черным поносом желудка.
А иногда у него с головною мучительной болью
Много испорченной крови из вздутых ноздрей выходило;
Из человека все силы и все вещество вытекали.
После того, как скопление острое крови нечистой
Прочь изливалось, болезнь уходила в суставы и жилы.
Даже порой уходила она в детородные части.
И, пораженные страхом тяжелым на смертном пороге,
Многие жили, оружьем лишив себя члена мужского.
Были такие подчас, что без рук и без ног оставались
Все же в живых, а другие отчасти лишалися зренья.
Вот с какой силой тогда нападал на них страх перед смертью!
А на иных находило к тому же такое забвенье
Прошлых событий, что сами себя узнавать не умели.

Тел на земле тогда много лежало одно сверх другого
Без погребенья, но все же и птицы и хищные звери
Прочь уходили далеко, чтоб резкого смрада избегнуть,
Или, отведавши тел, с приближением смерти слабели.
Впрочем в ту местность и птица тогда ни одна не являлась
Даже случайно; суровое хищников племя из леса
Не выходило. Но много зверей от болезни той чахло
И издыхало; особенно верное племя собачье
Душу с мученьем везде отдавало, упав на дорогах,
Так как заразная сила из членов их жизнь исторгала.
Но для спасения не было общего средства известно.

То, что подчас одному помогало с живительным вздохом
Воздух устами впивать и увидеть опять небосводы,
Гибельно было и верную смерть причиняло другому.

В этих событьях одно вызывало великую жалость,
Именно то, что когда себя кто-нибудь видел объятым
Страшной болезнью, то к смерти считал уж себя осужденным.
Изнемогая душевно, лежал он с тоскою на сердце
И испускал он дыханье, увидев обряд погребальный.

Ни на мгновение не прекращала зараза болезни
От одного заболевшего передаваться другому,
Будто бы в стаде рогатых быков и овец шерстоносных.
Вот еще что прибавляло одно погребенье к другому.

Тот, кто из жадности к жизни чрезмерной, из страха пред смертью
Сродников даже больных навещать избегал и боялся,
Позже немного казнился постыдною, скверною смертью,
Кинутый всеми, без помощи, при равнодушии общем.
Тот же, кто помощь готов был подать, погибал от заразы
И от работы, к которой его побуждала и совесть
И умоляющий голос в смешении с жалобным стоном.
Лучших людей постигала вот этого рода кончина.
Без провожатых, наспех погребенья обряды свершались [318].
Каждый в народе свершал погребенье собственных близких
И возвращался назад, удрученный слезами и грустью.
Большую часть после этого горе в постель повергало;
И невозможно найти человека, которого слезы,
Смерть и болезнь не коснулись бы в то злополучное время.
Кроме того и пастух; и хозяин рогатой скотины,
Также и сам управитель дородной сохи искривленной
Изнемогали, валялись в домах своих, сбитые в кучу,
И становились добычею смерти от бедности или болезни.
Мог бы тогда ты увидеть детей бездыханных, лежащих
На бездыханных же трупах родителей, или, напротив,
Видеть детей, над отцом или матерью дух отдающих.

Было не малой бедой также то, что с полей всех окрестных
В город стекались большою толпой поселяне больные
И собиралися в нем отовсюду из мест зараженных.
Зданья закрытые, площади теми людьми наполнялись.
При тесноте этой кучами смерть громоздила здесь трупы.
Многие люди, томимые жаждой, на улицах всюду
С корчами в теле лежали, ко влаге фонтанов прильнувши.

Но черезмерная сладость воды им спирала дыханье.
Там или сям в многолюдных местах и на улицах шумных
Ты увидал бы, как члены у тел уж почти бездыханных
Гибли в ужасной грязи и покрытые рубищем рваным.
Сверху костей у людей тех болталась лишь кожа, и та уж
Вся почти в язвах гниющих, покрытая слоями грязи.

Смерть наконец наполняла скоплением тел бездыханных
Храмы святые богов. Небожителей светлые домы
Вдруг оказалися обремененными [320] грудою трупов
Там, где хранители дали убежище пришлому люду.
Ибо религия или святыни ценились не много,
Преобладало же всюду тогда настоящее [321] горе.

В городе не соблюдался тот прежний обряд погребенья,
С коим народ этот в землю привык хоронить своих мертвых.
Все трепетало в смущеньи глубоком, и каждый в печали
Сам хоронил своих близких, как средства ему позволяли.
Многое тут вызывалось нуждою и силой внезапной.
Так сплошь и рядом иные с великими криками клали
Единокровных своих на костры для людей посторонних
И зажигали костры эти, предпочитая сражаться
До крови часто, чем без погребения трупы оставить.

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

[1] Ст. 1. Поэтическая традиция обращаться в произведениях к богам издавна, начиная с Гомера, существовала среди греческих и латинских поэтов. Ее часто можно встретить и у поэтов нового времени, например у Пушкина; у Лукреция, как безбожника, она представляла лишь чисто формальный поэтический прием и не больше.

[2] Ст. 21. По подлиннику: „С тем, чтобы они (твари) охотно размножались из рода в род".

[3] Ст. 27. Меммий — римлянин знатного рода. Лукреций пишет свою поэму как бы в поучение этому Меммию.

[4] Ст. 34. Мавор — Марс, бог войны.

[5] Ст. 49. „Основное начало" — это знаменитые лукрециевы primordia rerum. То, что относится к этим primordia, Лукреций перечисляет дальше, а именно: материя, родовые тельца, зачатки вещей, первичные тельца. Все это многообразие названий служит Лукрецию для обозначения *атомов*. Однако названия *атом* нигде в поэме не встречается. Лукреций явным образом избегает этого названия, вероятно вследствие трудности передачи его на латинский язык. Дословный перевод primordium — *первоначало*.

[6] Ст. 56—61 в редакциях Мэнро и Дильса не имеется. Мы следуем тексту этих комментаторов. В изд. Бригера и Лахмана они помещены в кн. II (ст. 645—650).

[7] Ст. 62—65 в подлиннике читаются: „Когда человеческая жизнь постыдно у всех на глазах пресмыкалась на земле, подавленная тяжким гнетом религии, которая показывала главу свою из небесных областей, угрожая смертным своим ужасным видом".

[8] Ст. 68. В рукописях стоит: „И ни молва (fama) о богах". Вместо этого отдельные ученые предлагают читать: „И ни святилища (fana) богов".

[9] Ст. 73—79 переведены Рачинским слишком вольно, а в ст. 77 искажена мысль Лукреция. В подлиннике читаем: „И он вступил далеко за пределы пылающих стен мира и через всю неизмеримую вселенную прошел мыслью и духом, откуда он возвращается победителем, сообщая нам, что может возникнуть и что не может, на каком основании ограничены (природой) возможности у каждой вещи и поставлен (природой) для нее непреложный предел. Поэтому религия, повергнутая, в свою очередь попирается ногами, и эта победа над ней равняет нас с небом".

[10] Ст. 81—83 в подлиннике читаются: „...Что ты вникаешь в нечестивые основания разума и вступаешь на путь преступления. Между тем напротив именно пресловутая религия чаще всего сама порождала преступные и нечестивые дела".

[11]. Ст. 84. Тривия — прозвище Артемиды-Дианы, богини луны, покровительницы девства и родов, звероловства и колдовства.

[12] Ст. 85. Согласно греческому мифу царь Агамемнон, выступая в поход против Трои, решился принести в жертву богам свою дочь Ифигению, чтоб вымолить попутный ветер.

[13] Ст. 101 дословно читается: „Столько зол могла внушить религия".

[14] Ст. 111. В оригинале: „Потому что приходится бояться вечных мук после смерти".

[15] Ст. 114—116 дословно: „И, отделенная смертью, погибает ли вместе с нами или нисходит во мрак и обширные пропасти Орка, или же волею богов проникает в других животных". Оркус, или Орк, — бог ада.

[16] Ст. 120—123 дословно: „Хотя, впрочем, кроме того Энний в стихах своих, вечно бессмертных, толкует, что есть Ахеронтовы области, в которых не пребывают ни души, ни тела наши, а некоторые образы".

[17] Ст. 150 дословно: „Ни одна ведь вещь не возникает когда-либо из ничего, по воле богов".

[18] Ст. 154. „Главной" прибавлено Рачинским; по смыслу речь идет о естественной причине.

[19] Ст. 191. Прибавить (после „возрастает") „и питается".

[20] Ст. 238—240 дословно: „Наконец одна и та же сила и одна и та же причина повсюду разрушала бы всякую вещь, если бы вечная материя не держала всего более или менее скрепленной связью".

[21] Ст. 346. Прибавить в конце: „из следующего".

[22] Ст. 397 читать так: „Как бы ты ни упирался, приводя доводы за и против".

[23] Ст. 401 читать так: „Но для твоего острого ума достаточно и этих незначительных следов, чтобы ты по ним мог познать все остальное".

[24] Ст. 422—423 дословно: „Нам не на что будет опереться, чтоб рассудком утверждать что-либо о вещах скрытых".

[25] Ст. 424 в наших редакциях латинского подлинника не имеется.

[26] Ст. 430 читать: „Будто она совершенно отлична от всякого тела и не имеет ничего общего с пустотой".

[27] В ст. 435 вместо „Началам их следуя вечным" читать: „и последует за их массой", т. е. увеличит их массу.

[28] В ст. 444 вместо „меж" читать: „наряду".

[29] Ст. 446—447 читать: „Нет ничего, что не было бы когда-нибудь доступно нашим чувствам или чего человек не мог бы постигнуть своим разумом".

[30] Ст. 449. Словом „проявленье" Рачинский переводит eventum; этот термин Лукреций применяет в смысле „акциденций".

[31] Ст. 458—460 читать: „Но от самых вещей получается сознание того, что произошло во времени, что наступает теперь и что затем последует".

[32] Ст. 461—462 читать: „Необходимо признать, что никто не воспринимает чувствами время само по себе вне связи с движением и полным покоем вещей".

[33] Ст. 463. Тиндарида (дочь Тиндара) — прекрасная Елена, похищенная Парисом.

[34] Смысл ст. 463—469: прошедшие события не обладают теперь реальным существованием, они лишь акциденции определенного времени и места.

[35] Ст. 494—495 читать: „В самом деле, и то и другое (т. е. тепло и холод) мы ощущаем, когда мы держим в руках чашу, а в нее сверху наливают росистую влагу".

[36] Ст. 501 читать: „То, из чего состоит вся сотворенная масса вещей".

[37] Ст. 505 читать: „То и другое должно существовать само по себе, в чистом виде".

[38] Ст. 523—530 читать: „Следовательно тело и пустота несомненно отличаются друг от друга, не существует ни абсолютно полного, ни абсолютно пустого. Вместе с тем существуют определенные тела (первотела, первооснова тел), благодаря которым возможно установить разницу между пустым и полным пространством. Эти тела ни от внешнего удара не разрушаются, ни изнутри их крепкая ткань не распускается, и никаким иным способом они не распадаются, на что я уже указывал тебе выше".

[39] В ст. 531 вставить после „тела": „повидимому".

[40] Ст. 533—534 читать: „ни влагу принять, ни текучий холод, ни пронизывающий огонь". После ст. 534 вставить: „между тем как ими (влагой, огнем и пр.) все сокрушается".

[41] Ст. 536 читать: „Тем они более подвержены бывают разрушению от этих сил" (огня и пр.).

[42] Ст. 541 читать: „И все, что мы видим, постоянно вновь возрождалось бы из ничего".

[43] В ст. 544 вставить после „бессмертны": „должны быть".

[44] В ст. 545 вместо „должно" читать: „могло бы".

[45] После ст. 567 вставить: „Как бы ни возникали эти образования и в силу чего бы вещи ни происходили, — все это становится понятным при условии, что ко всему однажды была примешана пустота".

[46] Ст. 575—578 читать: „Далее, если и не существует предела делению тел, все же необходимо признать, что извечно существовали и поныне еще сохранились некие первичные тела, которые избегли опасности разрушения".

[47] Ст. 592—594 — в переводе Рачинского соответствуют стихам 595—596 латинского текста, а эти последние дословно повторяют стихи 76—77 этой же книги. Однако, у Рачинского как здесь, так и в дальнейшем (прим. 212) дается неодинаковый перевод. Следует читать: „Мы не знали бы, что может возникнуть и что не может, каким образом ограничены (природой) возможности каждой вещи и поставлен для нее определенный предел".

[48] Ст. 601 читать: „Оно никогда не существовало и не будет существовать".

[49] В ст. 605 вместо „наполнить природу вещами" читать: „образуют природу (вещество) тела".

[50] Ст. 606 читать: „И так как сами по себе они не могут существовать".

[51] Ст. 624—630 читать: „Наконец, если бы творящая природа принуждала все созданное ею вновь разлагаться на мельчайшие частицы, то она ничего не смогла бы вновь создать из них, потому что то, что уже не состоит ни из каких частей, не может обладать тем, чем должна обладать производящая материя — различными сцеплениями, весом, ударами, столкновениями и движением — всем тем, благодаря чему возникают вещи".

[52] В ст. 662 вместо „вдруг уплотнившись" читать: „как целое".

[53] Ст. 664. Т. е. превратился бы в ничто.

[54] Ст. 665. Из ничего.

[55] Ст. 674. „Порою" — лишнее слово, не имеющееся в латинском подлиннике и извращающее смысл учения Лукреция. Вместе с тем в стихе недостает весьма существенного предложения, имеющегося

в подлиннике после слова „предметов", а именно: „и преобразует их в новые".

[56] Ст. 713. Сицилию.

[57] Ст. 737 читать: „И, будучи великими людьми, совершили великое падение в данном случае".

[58] Ст. 739—741 читать: „...допускают существование мягких и неплотных вещей — воздуха, влаги, огня, земли, животных, растений, — но в то же время не признают наличия в их составе пустоты".

[59] Ст. 746. Вместо „нашей мысли" читать: „нашим чувствам".

[60] Ст. 749—752 читать: „Так как, далее, они признают первичные тельца мягкими, а такие (мягкие тельца). как мы видим, имеют начало и подвержены смерти, то обратиться в ничто вся природа должна бы".

[61] Ст. 800. Вставить: „питаясь ею".

[62] Ст. 816. То-есть из первичных телец.

[63] Ст. 827. Вставить: „вследствие бедности языка".

[64] Ст. 828—829. Слова: „что носит название гомойомерии" — лишние.

[65] Ст. 830. Вместо „Анаксатор поучает, что кость состоит из мельчайших"... читать: „Во-первых, чему учит нас Анаксатор своей гомойомерией? Тому, что кость состоит, очевидно, из мельчайших"...

[66] Ст. 832. Слов „что течет у нас в жилах" в подлиннике нет.

[67] Ст. 834—835 до слов „и из" читать: „Золото, как он думает, может состоять из крупинок золота".

[68] 68*, 68**. Ст. 855. Добавить: „и нервы". И ниже в ст. 859 и 862 добавить „и нервов".

[69] После ст. 870 начинается разночтение в наших источниках. Дильс вставляет еще один стих: „Таким образом из чужеродного возникает чужеродное".

[70] Ст. 908. Lignum по-латыни означает дерево, ignis — огонь.

[71] Ст. 921. То-есть муз.

[72] Ст. 948—50 искажены переводчиком, надо читать: „Далее, мы установили существование пустоты, или места, пространства, в котором зиждутся все вещи".

[73] Ст. 954—957 читать: „Так как в противном случае она должна была бы иметь крайнюю точку, но, очевидно, крайняя точка возможна лишь при условии, что ее извне что-то ограничивает, дальше чего наше чувство следовать не может".

[74] Ст. 965. Вместо „снарядом летучим" читать: „быстро летящей стрелой".

[75] Ст. 970—971 читать: „Но и тот и другой ответ отнимает у тебя лазейку и заставляет признать, что безгранично пространство вселенной".

[76] Ст. 972—974 заменить следующим: „Ибо, было ли препятствие для достижения цели и для остановки стрелы или же она могла продолжать и дальше свой полет в пространстве, — и в том и в другом случае ясно, что стрела полетела не от самого края".

[77] Ст. 975—976 со слов „в какое бы место выстрела ты ни направил"... читать: „где бы ты ни полагал предел миру, спрошу я: что станет в конце-концов со стрелою?"

[78] Ст. 998—1000. Переводчик смешал flumina (реки) и fulmina (молнии). В латинском подлиннике речь идет о блещущей молнии, которая никогда бы не достигла конца мира, даже и при том условии, если бы она в своем беге мчалась целую вечность.

[79] После ст. 1008 в тексте имеется пропуск, который в изд. Дильса восполняется следующим образом: „Ведь если бы например пустота была ограничена в пространстве, она не могла бы вместить

в себе бесконечное множество элементов материи. И наоборот, если бы эти последние были ограничены, а пустота была бы бесконечной"... (см. дальше текст со стиха 1009).

[80] Ст. 1063—1068 в подлиннике дошли до нас лишь в отрывках и дополнены Рачинским по смыслу.

[81] Ст. 1087 в наших подлинниках не имеется.

[82] После ст. 1089 в переводе Рачинского, соответствующего 1093 ст. латинского подлинника (по Лахману напр.), в рукописях нехватает нескольких стихов, и мысль обрывается. Рачинский вставил для связи ст. 1090. Дильс предлагает след. вставку: „Так как соки распространяются из нее. Такое учение противников неприемлемо и ложно, как я подробно покажу в другом месте. А сейчас, чтобы ты не заблуждался, я сделаю только вот какое возражение, — что все вследствие тяжести должно будет низвергнуться вниз. Таким образом надо опасаться, чтобы, поскольку мир не держится на своих связях, его элементы (первотела), разлетаясь, не падали вниз в бесконечное пространство"... (дальше см. текст перевода со ст. 1091 до ст. 1097).

КНИГА ВТОРАЯ

[83] Ст. 71—72 читать (закончив предыдущий вместо точки запятой): „Так как тельца, отделяющиеся от предмета, уменьшают тот (предмет), от которого они отделяются, и увеличивают тот, к которому пристают".

[84] Ст. 78. Эта поэтическая метафора срисована с действительного факта: в Афинах юноши состязались в беге во время праздника Прометея — бежавшие впереди держали в руках факелы, а задние, догоняя, должны были перехватывать их.

[85] Ст. 93 читать: „Я подробно показал это и обосновал вескими доводами".

[86] Ст. 103 читать: „И все прочие подобного рода вещи".

[87] Ст. 162—163 читать: „Громадное расстояние пробегают зачатки в такое же время, в какое молния пробегает небесные пространства".

[88] В ст. 167 вместо „по этим вопросам" читать: „в вопросах материи".

[89] Ст. 180 следует читать: „Что отнюдь не для нас и не по воле богов была создана"...

[90] Ст. 190 читать: „Хотя тяжесть сама по себе клонит все книзу".

[91] Ст. 264—265 читать: „Что буйная сила коней все же не может прорваться столь же внезапно, как этого воля требует" (т. е. что лошадь не может взять с места в карьер).

[92] Ст. 281—283 читать: „Нечто такое, что по своему усмотрению заставляет известное количество материи направиться по членам и суставам, а продвинувшуюся вперед задерживает и возвращает обратно".

[93] Ст. 312—314 читать: „Природа первичных телец находится за пределами наших чувств. Вследствие этого, поскольку остаются невидимыми для тебя сами первичные тельца, постольку должно скрываться от тебя и движение их".

[94] Ст. 315—316 неверно переведены. В подлиннике сказано: „Тем более, что даже вещи, которые мы можем видеть, часто скрывают от нас свое движение, если они находятся на далеком от нас расстоянии".

[95] В ст. 332 вместо „а блеск исходящим от поля" читать: „и виден как бы застывший блеск в поле".

[96] Ст. 388—389. Вместо слов: „...свет через рог проникает, а влага в роге держаться должна оттого, что"... читать: „свет проникает через рог, а дождь отскакивает от него. Почему? Потому, что"...

[97] После ст. 465 поставить стих, имеющийся в редакции Дильса (закончив предыдущий стих вместо точки запятой): „Если ты усвоил своим разумом истинное объяснение".

[98] Ст. 514. „В материи", т. е. в первотелах.

[99] Ст. 575 в подлиннике не имеется.

[100] Ст. 587. В подлиннике вместо „количеством свойств" — „количеством сил".

[101] Ст. 599 сл. Имеется в виду фригийская богиня, известная под разными наименованиями: Кибела, Ма, Рея, Magna Mater; аграрный культ этой богини был широко распространен на эллинистическом востоке.

[102] После стиха 601 в подлиннике (по Дильсу) имеется еще один стих: „Спустившейся с Фригийских гор и небесных высот".

[103] Ст. 608 неверно переведен. В подлиннике сказано: „Так как она, укрепленная, охраняет города, возносящимися вверх высотами" (т. е. стенами). Смысл: богиню изображают в короне, в виде башни, так как это служит символом ее функции, как защитницы городских укреплений.

[104] Ст. 659. Слов: „хотя этого нет в самом деле" — в подлиннике не имеется. Вместо этого там стоит: „поскольку мы при этом действительно остережемся осквернить свою душу позором религиозных предрассудков".

[105] Ст. 672—673 читать; „Далее, все то, что горит в огне, независимо от всего прочего скрывает непременно в себе то, что может испускать"...

[106] Ст. 681 дополнен по смыслу. В подлиннике здесь пропуск.

[107] Ст. 684—685 читать: „Дым доходит до чувств отдельно, запах отдельно. Все это зависит от разницы зачатков".

[108] Ст. 700 „Тела" в смысле — первотела (первооснова тел).

[109] Ст. 723. „Видов" в смысле — форм.

[110] Ст. 748. Вместо слов: „взглянем мы ныне на сущность" читать: „теперь я докажу тебе"; дальше в тексте недостает одного стиха примерно следующего содержания: „что и сами первотела не нуждаются в окраске".

[111] Ст. 753. Вместо „условий присущей природы" читать: „условий, присущих природе".

[112] Ст. 757—763. Читать: „Далее, если (признать, что) природа не придала окраски первичным начаткам, а что они (лишь) обладают различными формами, от которых различного рода цвета происходят — ведь много зависит от того, с чем сочетались зачатки, какое они занимают взаимное положение и какие движения друг другу дают и приемлют, — то этим путем ты легко очень можешь причин доискаться" и т. д.

Лукреций в этих стихах дает новый аргумент в пользу своего утверждения о бесцветности первичных телец: только в этом случае можно понять, почему *меняется* окраска предметов.

[113] Ст. 817—825. Смысл неясно изложенных Рачинским (да и самим Лукрецием) стихов таков: если бы цвет тел не был тесно связан с формой составляющих эти тела первичных телец, а был бы лишь результатом *случайной* окраски их, то могли бы быть белые вороны и т. д.

[114] Ст. 864. „В ничтожество", т. е. в ничто.

115 Ст. 903—904 читать: „Если, далее, некоторые полагают, что чувствующее существо возникает только от чувствующего, а это последнее от других чувствующих частиц, то они признают существование преходящего первовещества, представляя его себе мягким".

При этом в текст (латинский) мы вносим поправки и дополнения согласно Дильсу.

116 Ст. 909—912 читать: „В случае этом (приходится признать одно из двух): либо в них должно быть лишь частичное чувство, либо же цельное, как и в животном во всем его целом. Но части тела не могут ведь чувствовать сами собою, ибо чувствительность отдельных членов связана со всей системой".

117 Ст. 1010—1012 не поняты и искажены Рачинским; надо читать: „И не думай, что (самим) вечным первотелам присуще (все) то преходящее, что мы видим на поверхности явлений, внезапное порою зарождение и уничтожение".

118 Ст. 1104. Вместо „грешников" читать: „виновных".

КНИГА ТРЕТЬЯ

119 Ст. 14—17 читать: „Ибо, как только твое учение, возникшее из вдохновенной мысли, начало провозглашать природу вещей, рассеиваются страхи души, стены мира расступаются, и я вижу, как совершаются процессы в мировом пространстве".

120 Ст. 18. Слово „вдруг" — лишнее.

121 Ст. 21. Слова „в покое" — лишние.

122 Ст. 37. Река в подземном царстве и само подземное царство.

123 Ст. 42. Вместо „Тартара Леты" читать: „Тартара (подземного царства) и смерти".

124 Ст. 99. Вместо „ощущение духа" читать: „ощущающий дух".

125 Ст. 100. В подлиннике слову „свойство" соответствует habitus, что значит собственно: „состояние".

126 В ст. 107—108 следует читать: „Часто бывает так, что видимые части тела вдруг заболевают, между тем как другие, внутренние, органы наполняют нас радостью".

127 Конец ст. 133 и начало ст. 134 (до слова „или") читать: „что с высоты Геликона (местопребывание муз) занесено к музыкантам".

128 Ст. 144 читать: „Прочая же душа (anima в отличие от animmus'a, пребывающего в определенном месте) по всем членам рассеяна в теле"...

129 Ст. 199. Северо-западный ветер.

130 В ст. 222 вместо „спирт" читать: „букет" (flos).

131 В ст. 223 вместо „ее" читай „мази".

132 В ст. 245 вместо „легких" читать „гладких" (Рачинский смешал lĕvis и lēvis).

133 В ст. 262 вместо „суть" читать: „в общих чертах".

134 Ст. 270 читать: „Стало быть, тепло, воздух и скрытая сила ветра".

135 135*. В ст. 328 и 331 вместо „трудно" читать „нельзя".

136 В ст. 335 слова „сил, им присущих" — лишние.

137 Ст. 379—381 искажены переводчиком. Читать: „Каков минимальный размер того предмета, который своим прикосновением способен возбудить в нашем теле движение чувства, таков и размер расстояния между первичными тельцами души". В дальнейшем Лукре-

ций приводит примеры: если мы не чувствуем пылинки, значит, она меньше, чем интервалы между частицами души, через которые она проходит свободно, не задевая нас, и т. п.

[138] Ст. 616. У переводчика неясно, в какой области, между тем как в подлиннике определенно сказано: „в области груди".

[139] Ст. 684 — в латинском подлиннике нет.

[140] Смысл ст. 789—796: где бы ни помещалась душа, она в конечном счете помещается *внутри* тела; а так как к тому же она имеет определенное место в теле, то она не может существовать вне тела.

[141] Ст. 798 следует читать: „Также должна и душа, распространенная по всему телу".

[142] Ст. 818—827 представляют собою вставку латинского поэта XV в. Марулла.

[143] Ст. 842—852. Пуны — карфагеняне. Неудачная вначале для римлян вторая пуническая война (конец III в. до х. э.), когда Рим стоял на пороге гибели, еще и во времена Лукреция вспоминалась как величайшее несчастье. Смысл этих 11 строк: подобно тому, как наша смертная душа ничего конечно не переживала в прошлом, до нашего рождения, она и после смерти тела ничего переживать не будет.

[144] Ст. 862—866 читать: „Теперь нас нисколько не касается, чем мы были раньше, и мы об этом не тревожимся. А ведь если учесть прошедшее раньше бесконечное время и разнообразие движения материи, то легко допустить, что зачатки" и т. д.

[145] В ст. 869 слова „были бы" — лишние.

[146] Ст. 930. Следует понимать так, что человек после смерти уже не заботится о себе или о своей жизни.

[147] Ст. 976. Читать: „никто".

[148] Ст. 990. Тантал, царь фригийский, согласно мифу, был допущен Юпитером к столу богов, но за разглашение небесных тайн низвергнут в преисподнюю, где и висящие над ним плоды и доходящая до подбородка вода постоянно удаляются от него, как только он хочет схватить их, несущаяся вниз скала постоянно грозит упасть на него.

[149] Ст. 994. Титий, сын Юпитера, по мифу, за нескромное предложение Латоне был сброшен Аполлоном, сыном Латоны (от Юпитера), в преисподнее царство, где коршуны вечно клюют его постоянно вновь вырастающую печень.

[150] Ст. 1005. Сизиф, царь коринфский, по мифу был осужден вкатывать в царстве мертвых на гору камень, который всякий раз, не достигнув вершины, низвергался обратно вниз.

[151] Ст. 1007. Ликторы — почетная стража, сопровождавшая высших римских сановников.

[152] В ст. 1015—1017 имеются в виду дочери Даная, Данаиды, которые, согласно мифу, должны были вечно наполнять водой продырявленные бочки.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

[153] Ст. 7. К слову „суеверья" добавить: „религиозного".

[154] В ст. 81 вместо „с изменением света дневного" читать: „сконцентрировав дневной свет".

[155] В ст. 89 вместо „существуют в предметах в рассеянном виде" читать: „носятся в изобилии, рассеявшись от тел".

[156] После ст. 145 вставить (закончив предыдущий стих вместо точки с запятой): „чтобы ты не стал сомневаться в нашем ученьи" (по Дильсу).
[157] Ст. 181 читать: „В любое место, куда их направляют различные движения".
[158] Ст. 182—183 служат пояснением к ст. 177.
[159] В ст. 248 вместо „между собой" читать: „между ними" (т. е. образами).
[160] Ст. 251—252. Вместо „как близко каждая вещь отстоит" читать: „на каком расстоянии находится каждая вещь".
[161] Ст. 252. Вместо „чем движение воздуха больше" читать: „чем больший слой воздуха колеблется перед нами".
[162] Ст. 268—269 читать: „Мы его (всего) осязанием не чувствуем, однако воспринимаем его твердость до самых его глубоких недр".
[163] Смысл ст. 323—324: согласно требованию природы угол падения равен углу отражения.
[164] После ст. 328 вставить: „И действуют на глаза, расстраивая их внутреннюю ткань".
[165] В ст. 334 вместо „которые к образам всем прилипают" читать: „навстречу образам вещей".
[166] В ст. 342 вместо „во всех" читать: „во многих".
[167] Ст. 343. Вместо слов „тельца в нем более гладки", не имеющихся в подлиннике, читать: „большей крепости".
[168] Ст. 344 и начало ст. 345 читать: „Как только в наших глазах все пути наполняются светом и откроются"...
[169] В ст. 347 вместо „так что мы можем их видеть" читать: „и заставляют наши глаза видеть".
[170] Ст. 366 читать: „Нельзя же думать, будто воздух" и т. д.
[171] В ст. 370 вместо „Да, несомненно" читать: „В самом деле".
[172] Ст. 376 читать: „Гибнут же прежние, как-будто бы тянется шерсть через огонь".
[173] Ст. 377—378 читать: „Поэтому-то земля легко и лишается лучей солнца и снова ими наполняется, отгоняя от себя черные тучи".
[174] Ст. 410. В подлиннике — „пятьсот".
[175] В ст. 413 слова „сотни и" — лишние.
[176] Ст. 468—469 читать: „Нет ничего трудней, чем отделить очевидное от того сомнительного, что рассудок прибавляет от себя".
[177] Ст. 470—471 читать: „Тот же кто думает, что ничего нельзя знать, не знает также, можно ли знать этот самый его тезис, так как он заявляет ведь, что ничего не знает".
[178] Ст. 481—482 читать: „Так что доверия стоит наибольшего, то, что само собою (независимо от другого) может победить заблуждение истиной".
[179] В ст. 487 вместо „Может ли удостовериться зрение слухом" читать: „Можно ли опровергать зрение слухом".
[180] Конец ст. 492 и ст. 493—494 читать: „должно восприниматься нами отдельно, а различные цвета также отдельно"; союз „и", которым начинается следующий стих, заменить тире.
[181] В ст. 535 „шершавым становится горло" — лишние слова, не имеющиеся в подлиннике.
[182] Ст. 594—595 и 596 читать до знака препинания: „Они говорят про другие чудеса и диковины в этом роде, чтобы о них случайно не подумали, что они живут в пустынных местах, оставленных и богами".

[183] В ст. 620 перед словом „является“ вставить „не“.
[184] Ст. 629 читать: „Наоборот, чем более тельца шероховаты“ и т. д.
[185] Ст. 656. Вместо „малы“ читать: „поменьше“.
[186] Ст. 659—661 читать: „Поры должны отличаться одна от другой формой и направлением своих путей в зависимости от строя ткани, как того требует различие в формах и в движении тел“.
[187] Ст. 680 читать: „Надо признать, что они истекают и рассеиваются повсюду“.
[188] Ст. 694—695. От слов „о тельцах“ читать: „об образах, которые действуют нам на глаза и вызывают у нас чувство зрения“.
[189] Ст. 742 читать: „И образуются из сочетаний этих образов“.
[190] В ст. 745 вместо „так что“ читать: „но“.
[191] Ст. 772—777. После ст. 777 вставить: „Так велика их подвижность. В таком изобилии элементы, из которых они образуются. Столько частиц возникает в каждый доступный восприятию промежуток времени для их возобновления“. Смысл стихов 772—777: Во сне *неподвижные* образы столь быстро сменяются, что они создают впечатление *движущихся* предметов (как в кинематографе).
[192] В ст. 792 читать: „И повторяют их движение соответствующей ногой“ (т. е. руки движутся в такт с ногами).
[193] Ст. 795—797 читать: „Или будет правильнее следующее основание? Так как в одном промежутке времени, в течение которого мы воспринимаем чувствами, т. е. напр. произносим какое-нибудь слово, скрывается много времени, какое только может исчислить соображение, то“...
[194] После ст. 800 вставить: „Ведь если прежний образ от нас ускользнул и на его место возникнет новый, с другим положением, то нам кажется, будто бы первый образ изменил свое положение“.
[195] Ст. 968—969 читать: „Так же повидимому, обманчивые образы прочих занятий и искусств владеют во сне духом людей“.
[196] Ст. 1041 читать: „Тело тогда требует того, что ранило душу любовью“.
[197] Ст. 1042—1043 читать: „Так как все по большей части падают на раненое место и кровь струится через ту часть, в которую мы получаем удар“.
[198] Ст. 1071—1072 читать: „И колеблется, где прежде всего усладить свои глаза и руки. То, за что они (руки) хватаются, они крепко сжимают и причиняют телу боль“.
[199] В ст. 1097 вместо „И ничего соскоблить“ читать: „И все же ничего совлечь“.
[200] Ст. 1232 читать: „Чтобы им оплодотворить жен обширным потомством“.
[201] В ст. 1239 вместо „и“ читать: „или“; „притом“ — лишнее.
[202] В ст. 1240 вместо „А потому“ читать: „Или“.

КНИГА ПЯТАЯ

[203] Ст. 5 читать: „Столько оставил нам сокровищ своего разума и даров своих изысканий“.
[204] Ст. 11. Вместо „из многих сомнений“ читать: „из стольких тревог“.
[205] Ст. 17 читать: „Как, по слухам, еще и ныне живут без них иные народы“.

[206] Ст. 18 читать: „Но жить нельзя хорошо без очищенного (подразумевается: философией) разума“.

[207] Ст. 29. Вместо „извергавших“ читать: „извергающих“.

[208] Ст. 44 читать: „Но если ум у нас не очищен, то сколько боренья“...

[209] Ст. 67. Вместо „сотворен был когда-то“ читать: „имеет начало“.

[210] Ст. 74 читать: „Также о том, какими путями в сердце им вкрался“...

[211] Ст. 83—88 читать: „Даже и те, кои правильно мыслят, что боги проводят жизнь беззаботно свою (т. е. не вмешиваются в распорядок вселенной), все же, когда они с изумлением взирают на то, как совершаются разные явления в мире, — а особливо явления те, что у них происходят над головой, в пределах эфирных, — возвращаются вновь к суевериям древних религий, допускают существование грозных владык. Несчастные верят“...

[212] Ст. 88—91. См. примечание 47.

[213] Ст. 95. Читать: „Три формы, меж собой столь несхожие, три таких сплетенья“.

[214] Ст. 111. Вместо „к изреканью“ читать: „к изложению“.

[215] Ст. 125—126 читать: „Ибо они скорее могут знакомить нас с тем, что лишено жизненного движения и чувства“.

[216] Ст. 136. Вместо „Существовали“ читать: „Существовали бы“.

[217] Ст. 138 читать: „Хотя и оставались бы в одном и том же сосуде“ (т. е. в человеке).

[218] Ст. 145. Вместо „смыслом“ читать: „чувством“.

[219], [218*] В ст. 150—151 вместо „их“ читать: „ее“ (т. е. сущность), и вместо „они“: „она“.

[220] Ст. 152 читать: „То же, что неосязаемо, к нам прикасаться не может“.

[221] Ст. 161—164 читать: „Или считать грехом когда-либо чем-либо колебать в его устоях этот мир, издревле якобы утвержденный навек в пользу племен человеческих промыслом богов, оскорблять его словами и сверху донизу его выворачивать“.

[222] Ст. 182—184 читать: „Дальше. Откуда, прежде всего, взялась у богов модель, по которой должны быть созданы вещи, и самое понятие человека, чтобы они могли знать и сознавать, что хотели они делать?“

[223] Ст. 192. Вместо „от тех и других столкновений“ читать: „от их взаимной связи“.

[224] Ст. 199 вполне соответствует ст. 180 книги второй. У Рачинского он передан неверно. Следует читать: „Что отнюдь не для нас и не богами была призвана к жизни“... Рачинский приписал Лукрецию мысль, которая не вяжется со всем мировоззрением поэта: убеждение Лукреция таково, что *мир не создан богами.*

[225] Ст. 325. Вместо „Дня сотворенья“ читать: „Дня рождения“.

[226] Ст. 361 читать: „Так, вселенная в *целом* вечна, ибо вне ее“...

[227] Ст. 455. Вместо „легчайших“ читать: „более гладких“. Ср. прим. 132.

[228] Ст. 456. Вместо „меньше“ читать: „меньшие“.

[229] Ст. 481. После „где“ вставить: „выше;“ после „земля“ вставить: „вдруг“.

[230] Начало ст. 490 (до точки) читать: „тем больше частиц пара и воздуха“...

[231] Начало ст. 513 читать: „Затем еще один (третий) ток идет сверху“...

[232] Начало ст. 515 читать: „Или же токи другие"...

[233] Ст. 519—521 читать: „Или оттого, что заключенные в них стремительные токи эфира, ищущие выхода, приходят в вращательное движение и вращают ночные светила по необъятным пространствам небесным повсюду".

[234] Ст. 533. Вместо „идущих по верной дороге" читать „подвигающихся постепенно". Смысл: осторожному мыслителю не следует категорически признать одну из приведенных гипотез за единственно верную.

[235] Ст. 548. Вместо „с сотворением" читать: „с возникновением".

[236] Ст. 622 читать: „Тем менее они могут быть увлечены вихрем небесным".

[237] Ст. 626—632. Переведено неверно, должно быть: „Еще больше отстает луна; так как ее путь еще дальше от неба и ближе к земле, то она еще меньше может поспевать за светилами. Поскольку она, находясь ниже солнца, увлекается более медленным вихрем, то тем более все созвездия ее обгоняют и проносятся мимо".

[238] Ст. 642—643 читать: „Вращаясь по большим орбитам, производят великое круговращение лет".

[239] Ст. 654. Древнеиталийская богиня раннего утра.

[240] После ст. 701 в рукописях Лукреция пропущен один стих. Лахман предлагает следующую вставку: „Где оно постоянно создает новые лучи для каждого дня".

[241] Ст. 703—707 читать: „Луна может светить оттого, что в нее ударяют солнечные лучи, и изо дня в день поворачивать к нам свой все больший диск по мере того, как она удаляется от солнечного диска, пока, встав против солнца, не заблестит полным светом и, выходя на высоты небесные, не увидит его (солнца) заката".

[242] В ст. 710 вместо „уж в другой части знаков" читать: „уже с другой стороны небесного свода".

[243] Конец ст. 733 (после точки) и ст. 734 читать: „может ведь многое вновь нарождаться в известном порядке".

[244] Ст. 741. Эвиус-Эван — одно из прозвищ Вакха.

[245] Ст. 751—755 читать: „Почему (например) от земли устранить может луна лучи солнца, заслонив его вознесшуюся голову от земли, противопоставляя горячим лучам свое темное тело, а тело иное какое-либо, вовсе лишенное света, одинаково сделать того не могло бы?"

[246] В ст. 877 исключить слова: „с свойством одним", и вместо „исходящим" читать „исходящей".

[247] Ст. 878 читать: „Силы и возможности, свойственные той и другой половине, не могут быть согласованы".

[248] Ст. 905. „Под небом недавним", т. е. очень давно, как только земля образовалась, когда небо еще было „молодым".

[249] Ст. 925 читать: „Мясо у них под кожею связано было крепкими жилами".

[250] В ст. 933 после „деревьев" вставить: „серпом".

[251] В ст. 941 собственно: „Обильной и грубой пищи".

[252] В ст. 946 после „из которых" вставить: „как они знали".

[253] Ст. 953. Собственно: „окоченелые", „огрубелые".

[254] Ст. 955. Лучше: „об общем благе".

[255] Ст. 970—971 читать: „Они не ждали робко, с громким плачем появления дня и солнца на полях, не блуждали во мраке ночи". Страх, рождающий богов, по мнению Лукреция, не врожден человеку.

[256] Ст. 1007. Вместо „другим" в подлиннике: „невестке" (в чаянии наследства).

[257] Ст. 1010 не имеется в рукописях; он вставлен (совсем не в духе Лукреция) первыми издателями текста, чтобы восполнить недостающую строчку.

[258] Конец ст. 1015 (после точки) и ст. 1016 читать: „И дети легко смягчали ласками суровый нрав родителей".

[259] Ст. 1019. Слова „Голосованием" нет в подлиннике.

[260] Ст. 1031 читать: „Ведь каждый чувствует, насколько он может использовать свою силу".

[261] Ст. 1042. Вместо „расчленять языком свои звуки" читать: „издавать языком различные звуки".

[262] Ст. 1044—1047 читать: „Кроме того, если бы и другие тоже не умели пользоваться речью (в сношениях) друг с другом, то откуда у этого (единоличного изобретателя речи) появилось сознание ее полезности, и откуда взялось у него уменье заставить понять, чего он хочет и что он думает?"

[263] Ст. 1049 читать: „Многих людей заучить названия предметов".

[264] Ст. 1050 читать: „Никак ведь нельзя учить и убеждать глухих".

[265] Ст. 1056 читать: „Стало обозначать вещи различными звуками соответственно различным чувствам" (которые эти вещи в них вызывали).

[266] Ст. 1061. Молосские псы славились как охотничьи собаки. Молоссы — полуварварское племя, жившее сначала в Фессалии, а затем в Эпире.

[267] В начале ст. 1088 прибавить „Разными".

[268] Ст. 1111—1112 читать: „Впоследствии были приобретены богатства и открыто золото, которое легко отобрало почет и у сильных и у красивых".

[269] Ст. 1122 читать: „Люди сделали опасным путь своей жизни".

[270] Ст. 1127—1129 читать: „Итак пусть они, усталые, тщетно исходят кровавым потом, пробиваясь в борьбе узкой тропой честолюбия, поскольку они мудрости набираются с чужих слов и направляют свои дела"...

[271] Конец ст. 1136 и начало ст. 1137 читать: „государства, окровавленное, кару"...

[272] Ст. 1141. Вместо „предложила создать" читать: „научила создавать".

[273] Ст. 1165 читать: „И заставляют людей в большом числе посещать их в праздничные дни".

[274] В ст. 1167 вместо „В те времена" читать: „Ведь тогда уже".

[275] Ст. 1189 читать: „Блуждающие ночью факелы неба (кометы) и летающие огни" (падающие звезды?).

[276] Ст. 1196. В тексте pietas, означающее собственно не благочестие, а верность долгу, моральную чистоту.

[277] В конце ст. 1216 вместо вопросительного знака поставить запятую.

[278] Ст. 1232. Прутья и секиры — символы власти высших римских магистратов.

[279] Ст. 1236 читать: „Что удивительного в том, что себя принижают смертные поколения".

[280] Ст. 1279. Вместо „железа" читать: „орудия".

[281] Ст. 1303—1305 читать: „Так печальные раздоры порождали одно за другим все ужасные для людей виды оружия, изо дня в день увеличивали ужасы войны".

[282] Ст. 1338—1343 представляют собою по всей вероятности позднейшую вставку интерполятора.

[283] Ст. 1348—50 читать: „Тканье появилось после открытия железа, так как инструменты для тканья изготовляются из железа и без него никак нельзя сделать ни гладких шпулек, ни веретен, ни челноков, ни звенящих навоев“.

[284] Ст. 1438 читать: „И землю стали обрабатывать, разделив ее и разбив (на участки)“.

[285] Ст. 1449—1454 читать: „Всему этому постепенно научили людей нужда и знания, приобретенные пытливым умом, шаг за шагом продвигающимся вперед. Так в поколениях людей все постепенно выясняется и разумом поднимается к свету; все последовательно освещается, искусно одно помощью другого, пока люди не достигли высочайшего совершенства“.

КНИГА ШЕСТАЯ

[286] Ст. 2. После слова „людей“ вставить: „впервые“.

[287] Ст. 43—48 читать: „Небо (вселенная) и все, что в нем происходит и необходимо должно происходить, имеет начало. Я большую часть разъяснил, поэтому выслушай то, что осталось (раз уже я собрался взойти на возвышенную колесницу муз), а именно — как возникают молния и гром, когда ветер и тучи борются в бешеном неистовстве, и как затем снова водворяется повсюду полное спокойствие, когда усмиряется буря“ (ст. 46—48 очень испорчены, и различные ученые в предлагаемых поправках сильно расходятся друг с другом).

[288] Ст. 55—56 ряд издателей выпускает, как перенесенные из кн. 1 (153—154).

[289] Мысль ст. 63—65 неоднократно повторяется в поэме, и Рачинский постоянно извращает ее (см. примечание 47). Навязывание переводчиком Лукрецию учения о „высших целях“, будто бы связанных с каждым предметом, должно быть решительно отвергнуто. Из латинского текста, да и из сущности всей теории поэта, не вытекает такого учения.

[290] Ст. 66 читать: „И еще больше сбиваются с пути, увлекаемые ослепленною мыслью“.

[291] Ст. 67—69 читать: „Если ты этого не устранишь из души и не отгонишь далеко мысли, недостойные богов и несоединимые с душевным миром, в котором они пребывают, тогда не раз тебе повредит содеянное тобою умаление божественной святыни“.

[292] Ст. 70. Вместо „славе“ читать: „мощи“.

[293] Ст. 74: Вместо „с умилением сердца“ читать: „с умиротворенным сердцем“.

[294] Ст. 80. Вместо „Все суеверья такие“ читать: „Такую жизнь“.

[295] Ст. 85 читать: „Чтобы не дрожал ты, когда небо расседается на части“.

[296] Ст. 201 читать (уничтожив предыдущую запятую): „И катает пламя внутри полости тучи, как в печи“.

[297] Конец ст. 215 и ст. 216 (до точки) читать: „тельца огня, вызывающие сверкание, невольно падают“...

[298] Ст. 329 дополнить после „малых“: „и гладких“.

[299] В ст. 373 вместо „войн“ читать: „перелома“.

[300] Ст. 379 читать: „И постигать, какою силой она каждое действие свое совершает“.

[301] Ст. 381 читать: „Чтобы искать указания сокрытой божественной мысли“.

[302] В ст. 396 вместо „плечи“ читать: „мышцы“.
[303] В ст. 411 вместо „С разных сторон“ читать: „В разные стороны“.
[304] Ст. 419 читать: „И лишает почета свои собственные изображения, нанося им сильные повреждения“.
[305] Ст. 474 читать: „Так как оба эти вида влаги (море и тучи) родственны“.
[306] После ст. 518 вставить: „Там, где в множестве собираются частицы воды“.
[307], [307*] В ст. 519 и 521 вместо „если“ читать: „где“.
[308] В ст. 586 собственно: „множество городских стен“.
[309] Ст. 612 (после точки) и ст. 613 читать: „Но все это прибавление к объему моря — как бы капля одна“ (ввиду его огромных размеров).
[310] Конец ст. 638 (после слова „какой“) читать: „из жерл горы Этны“.
[311] Ст. 645 читать: „Какое необычайное изменение собирается произвести природа“.
[312] Ст. 659. „Священный огонь“ — антонов огонь.
[313], [313*] Ст. Ст. 737 и 739. Авернское горное озеро в Кампании, недалеко от Ахерузии, выделяет удушливые газы и потому считалось одним из путей сообщения с адом. Название „Avernus“ толковалось как видоизменение греческого „aornos“ — „лишенный птиц“ и употребляется также как нарицательное имя для обозначения местностей с удушливыми ядовитыми испарениями.
[314] В ст. 813 вместо „власть“ читать: „сила нужды“.
[315] Ст. 922 читать: „Тельца, которые попадают нам в глаза и вызывают чувство зрения“.
[316] В ст. 925 вместо „Соли приток“ читать: „Прибой“.
[317] Ст. 934 читать: „И постоянно мы можем видеть, обонять и слышать“.
[318] Ст. 1045. Т. е. между железными опилками и магнитом.
[319] После ст. 1243 вставить (по Дильсу): „Каждый хоронил труп где попало, не соблюдая благочестивых обычаев предков“.
[320] Начало ст. 1271 читать: „Всюду все оказались обремененными“.
[321] Ст. 1274. Вместо „настоящее“ читать: „переживаемое“.

*

СОДЕРЖАНИЕ

Части эти тесно связаны, но всегда какая-нибудь преобладает. Этим объясняются темпераменты у животных. Доказательства связи между духом и телом. Возражение Демокриту. Дух и душа родятся и умирают одновременно с телом.

Доказательства смертности души. Если дух и душа смертны, то человеку нечего страшиться смерти. Смерть, напротив, устраняет всякое горе, так как по смерти нет никакого чувства. Смерть есть естественный, а потому и желанный конец существованья. Речь природы к человеку. Суеверия людей о загробной жизни и объяснение мифов о Тантале, Сизифе, Данаидах, Фуриях, Цербере и проч. Примеры из прошлого. Боязнь смерти неосновательна, так как она неизбежна, и притом длительность нашей жизни не прибавит нам новых радостей, не утолит наших желаний и не сократит времени вечной смерти.

Вступление. Оправдание стихотворной формы изложения. Происхождение различных ощущений в теле человека. Образы вещей (simulacra) как чрезвычайно легкие и тонкие оболочки, отделяющиеся частью от поверхности вещей, частью же изнутри. Двоякий характер образов. Одни истекают от самых вещей, другие же образуются в воздухе самостоятельно. Тонкость образов. Их быстрота. Непрерывность их истечения. Происхождение чувства зрения и отношение образов к зрительному органу. Объяснение зеркальных отражений. Обманы зрения: при желтухе, вследствие дальнего расстояния. Тень. Кажущееся движение предметов при нашем собственном передвижении. Обманчивая глубина воды и обратные отражения в ней образов. Перспектива портика. Другие примеры. Объяснение всех таких явлений. Непосредственное чувство никогда не лжет. Обман происходит от неправильных заключений рассудка из данных, доставляемых чувствами. Происхождение остальных внешних чувств. Звук. Материальность звука. Доказательства. Отражение звука. Эхо. Вкус. Разнообразие пищи, объясняемое строением тела и органов у различных животных. Обоняние. Тельца, производящие чувство обоняния, исходят из глубины вещей. Тельца образов производят в различных животных разные ощущения. Пример: лев и петух. Происхождение идей из образов, возникающих самостоятельно в воздухе. Эти образы значительно тоньше нежели образы, исходящие от вещей, и потому легко проникают вовнутрь до самого существа духа. Иногда сочетаются образы разного порядка — отсюда понятие о чудовищах, о центаврах, о Сцилле, о Цербере и т. д. Рассудок побуждается к мышлению только благодаря существованию образов, так же как глаза к зрению. Происхождение сновидений. Гармония между представлениями и волевыми актами. Отрицание целесообразности в построении органов чувств. Употребление, какое мы делаем из вещей, есть только след-

ствие нашего к ним отношения. Движение тела в связи с волей, возбужденной представлениями. О сновидениях. Причины сна — душа, под влиянием внешних воздействий пришедшая в смятенье. Связь между характером занятий и сновидениями. Влияние образов на половое чувство. Опасность любовных грез и заблуждения влюбленных. Обманчивость представлений под влиянием любви. Влияние любовной страсти при зарождении плода в женщине. Истинная, счастливая любовь.

Похвала Эпикуру и сравнение его заслуг с заслугами богов и героев. Краткий перечень предметов, составляющих содержание пятой книги. История образования мира. Независимость мира от богов и отсутствие при создании мира сознательной целесообразности. Доказательства последнего положения и примеры несовершенства природы. Природа мира имела когда-то начало, и ей будет конец, так как составные части ее: земля, вода, воздух, огонь также имеют начало и подвержены гибели.

Образование нашего мира вследствие разнообразных случайных сочетаний между первичными тельцами. Хаос. Разделение стихий. Происхождение луны и солнца. Причины их вращения по воздуху. Отделение воды от суши. Происхождение звезд и их движений. Изложение нескольких возможных причин звездных движений, из которых одна должна быть действительна. Земля как тело, утвержденное (вросшее) в особую, родственную ему атмосферу. Связь земли с небесной атмосферой. Движение луны. Возможные причины этого движения и фазы. Причины согревания земли солнцем. Возможные причины времен года, ночи и дня, постепенного возрастания и уменьшения дня и ночи, блеска луны, солнечных и лунных затмений и т. под. предметов. История происхождения и развития земли. Появление деревьев и трав; появление первых животных, их первоначальное питание. Появление доисторических животных и причина их исчезновения. Невозможность рождения чудовищ вроде центавров, Сциллы, Химеры. Появление первобытного человека. Его нравы и обиход. Некоторые преимущества в жизни первобытных людей. Изобретение одежды, жилищ, ознакомление с силой огня. Возникновение речи. Построение городов. Учреждение царской власти и ниспровержение ее. Возникновение идеи божества. Религия, ее происхождение из суеверного страха. Открытие металлов. Медь. Железо. Изобретение оружия и применение диких зверей к военному делу. Изобретение тканья, орудий для обработки почвы, музыкальных инструментов, грамоты, судостроения и искусств.

Похвала Эпикуру. Объяснение разных метеорологических явлений. Происхождение грома. Разные причины, от которых мог бы про-

*

*

Редактор А. Ранович

Технический редактор П. Кузьмин

Художник А. Ушин. Корректор И. Маров

Уполномоченный Главлита № Б-24412

Сдано в производство 10-I-1933

Подписано к печати 20-III-1933

Формат бумаги 55 × $82^1/_{16}$

Печатных листов $16^1/_2$

Зн. в п. л. 45 053

ОГИЗ № 217/293

Индекс Б 3

Тираж 5200

*

Заказ № 158

1-я Образцовая

типография

ОГИЗа РСФСР

треста

„Полиграфкнига“

Москва

Валовая

28

*